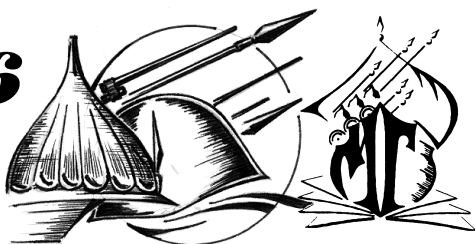

Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2022

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

К 100-летию «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Валерий ХАТЮШИН. Век «Молодой гвардии»	4
Марк ЛЮБОМУДРОВ. Сто лет — цифра молодая	128
Валерий ГАБРУСЕНКО. Русская линия «Молодой гвардии»	129
Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. Несущий время в себе	131

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Николай СОМИН. Почему мы победили	17
Олег ГУДЫМО. Победа — это не только флаг над Рейхстагом	26
Владимир БОЛЬШАКОВ. Наше дело правое	134
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Враг будет разбит!	190
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Война за Украину	201

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Уходило спелое лето. Повесть	33
Владимир КРУПИН. Семейная сцена. Рассказ	148
Юрий ВИСЬКИН. Целая жизнь. Рассказ	214

ПОЭЗИЯ

Валентин СОРОКИН. Свет памяти. Стихи	112
Анатолий АВРУТИН. Русь красноречивая. Стихи	120
Валерий ХАТЮШИН. Мой век. Поэма. Стихи	176
Эмма МЕНЬШИКОВА. Любовью полнится душа. Стихи	183
Диана КАН. Вешнему ветру под стать. Стихи	238
Юрий КРАВЦОВ. Где свято всё. Стихи	245

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Великие судьбы Победы	252
--	-----

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Виктор ЧАЛМАЕВ, Ирина УШАКОВА. Русский народ — кредитор будущего	262
---	-----

СИМВОЛ ВЕРЫ

Павел ДМИТРИЕВ. Карфаген должен быть разрушен	268
---	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Анатолий ФИЛАТОВ. О полной ликвидации украицизма	273
Галина ЧУДИНОВА. За новый социализм	276

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	279
--	-----

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Председатель

**Главному редактору журнала «Молодая гвардия»
В.В. Хатюшину**

Какое славное, хотя и взаимоисключающее сочетание: «Молодой гвардии» — 100 лет.

Возраст «МГ» — это возраст новейшей отечественной литературы. Ни одно событие в стране не прошло мимо строк и страниц журнала, потому что Гвардию на второстепенные направления не бросают.

Трудно найти в истории отечественной словесности поэта или прозаика, которые не желали бы опубликоваться в «МГ» и иметь в своей творческой биографии строку: «Печатался в журнале «Молодая гвардия», потому что это — знак качества, творческой состоятельности.

Однако «МГ» — школа не только высочайшего литературного мастерства, но и нравственности, духовной высьоты, потому что основной костяк авторов журнала — люди державного смысла, болеющие за судьбу Отечества.

Дорогие друзья — сотрудники, авторы, читатели «Молодой гвардии»! Полвека назад Родина высоко оценила подвижнический труд коллектива редакции, наградив журнал орденом Трудового Красного Знамени. Нам выпало иное время, когда Слово выведено из области культуры в область цифры, а отстаивание интересов страны в области литературы и искусства — на периферию государственного внимания. Но мы выстоим и сделаем всё, чтобы традиционные нравственные и духовные ценности в литературе вновь стали основополагающим критерием качества наших произведений.

И как символ единства СП России вручает вам флаг нашего творческого Союза, который не позволит нам отступать или предать интересы литературы и Отечества.

По поручению Правления —
Председатель Союза писателей
Н.Ф. Иванов

ВЕК «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Можно с уверенностью сказать, что в нашей стране нет ни одного взрослого человека, а уж тем более человека в возрасте, который бы не слышал о журнале «Молодая гвардия». Журнал этот, можно не сомневаться, так или иначе коснулся сознания каждого, кто жил в Советском Союзе. Да и в современной России все те, кому за тридцать, о нём, конечно же, слышали, хотя бы на уровне названия. И теперь, в год его столетнего юбилея, нам всем, кто причисляет себя к патриотам России, необходимо понять и признать, что журнал этот на протяжении большого исторического времени был и остается ныне одним из основных носителей русской национальной идеологии — идеологии государственнической, народной, патриотической, то есть каждым своим номером, каждой своей страницей исповедующей и проповедующей любовь к Родине.

Сразу нужно уточнить, что «Молодая гвардия» из всех, ныне существующих, — старейший в стране литературный журнал. Он был основан в апреле 1922 года, а первый номер вышел уже через месяц — в мае 1922-го.

К 100-летию «МГ»

Да, как известно, журнал создавался в качестве органа Коммунистического союза молодежи, РКСМ, впоследствии ВЛКСМ. И был он изначально пропагандистским рупором коммунистической и даже космополитической идеологии. Журнал обязан был четко выполнять партийные установки, отстаивая пролетарский интернационализм, воинствующий атеизм и классовую ненависть к врагам Октябрьской революции. Ни о каких национальных русских проблемах заикаться на его страницах долгие годы было просто немыслимо. И первым его главным редактором стал родственник Льва Троцкого Леопольд Авербах, впоследствии, в 1937 году, расстрелянный как раз за связь с Троцким. В те годы в советском государстве шла жесткая идеологическая борьба, и следующий главный редактор, Федор Раскольников, тоже был приговорен к расстрелу. Вот в какой атмосфере приходилось жить и работать творческим людям, помнящим о своих национальных корнях, когда помнить о них было строжайше запрещено.

Но при всё при этом — какие авторы публиковались в двадцатые годы в «Молодой гвардии»! Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Эдуард Багрицкий, Максим Горький, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Вячеслав Шишков, Александр Серафимович, Дмитрий Фурманов, Александр Фадеев.

В 1932 году в «Молодой гвардии» была опубликована первая книга романа Николая Островского «Как закалялась сталь». В 1934-м — вторая книга. Здесь же начал печататься его новый роман «Рождённые бурей», который автор не успел закончить. А в конце сороковых здесь увидели свет главы из романа Шолохова «Поднятая целина». И уже тогда журнал воспитывал молодежь в духе советского патриотизма. Но всё же национальных проблем русского народа тогда касаться на страницах печати было еще непозволительно. Космополиты ужасно боялись всего национально русского. Ведь они пришли к власти с целью разрушения Русского государства и очень много успели сделать на пути к этой цели. И потому главными их врагами были носители национального сознания — люди, знавшие и помнившие русские национальные и культурные традиции.

Но, как это ни странно будет звучать, окончательно добить национальное чувство в нашем народе помешала война. Эта страшная война, унесшая столько русских жизней, тем не менее спасла Россию от моральной, от духовной гибели. Война заставила эту космополитичную власть обратиться к национальному чувству народа. Когда Сталин обратился с воззванием: «Братья и сестры!» и народ откликнулся на эту мольбу, внутренний враг вынужден был прикусить язык.

И война действительно разбудила в народе национальное чувство, которое оказалось сильнее нацистского чувства германцев и всей фашистской Европы. И когда Сталин в 1945 году провозгласил тост «За великий русский народ!», внутренний враг молчал, хоть и затаил свою злобу.

Резкий перелом в политической и духовной линии журнала «Молодая гвардия» произошел в начале 60-х годов, когда главным редактором, в 1963 году, был назначен фронтовик, журналист и писатель, закончивший исторический факультет МГУ, Анатолий Васильевич Никонов. Вокруг Анатолия Никонова начал формироваться стойкий патриотический авторский коллектив. Ведущие посты в редакции заняли талантливые молодые русские писатели: Викулов, Чалмаев, Сорокин, Ганичев, Петелин, Цыбин. На страницах журнала начали появляться материалы, о которых раньше даже подумать было нельзя. То есть «Молодая гвардия» первой пробила эту брешь, она стала первым реальным, общедоступным журналом в России, в котором заговорили о возрождении русской национальной культуры и русских культурных традиций.

В 1964 году был снят со всех руководящих должностей Никита Хрущев, невежественный, бескультурный, мстительный, безбожный человек, разрушавший храмы и раздаривавший исконные российские земли другим республикам СССР, которые потом от нас отделились вместе с этими землями. Хрущев уничтожал культурное наследие прошлого под лозунгом десталинизации и обещания жизни при коммунизме. Нужно было воспользоваться сменой власти и отвоевать у т.н. «шестидесятников», этих либералов того времени, нашу Победу, ее героев и памятники культуры, а точнее говоря — вернуть народу Память. И редакции «Молодой гвардии» во главе с Анатолием Никоновым это в большой степени удалось.

В течение всего 1965 года на страницах журнала под рубрикой «Берегите святыню нашу» публиковались материалы о необходимости сохранения памятников истории и культуры нашего многовекового государства. Авторами этих материалов были как выдающиеся деятели отечественной культуры, так и простые граждане страны, поддержавшие этот возрожденческий импульс в своих письмах в редакцию. Эта инициатива была подхвачена другими изданиями, ее стали обсуждать в клубах, библиотеках, школах. Читатели журнала в своих письмах говорили, что надо беречь памятники нашей культуры, истории, архитектуры, сохранять храмы, дворцы, любить и сохранять русскую классику, одним словом, всё, в чём заключена история страны. Кстати сказать, это начинание как раз и стало толчком к созданию Всероссийс-

кого общества охраны памятников истории и культуры. Так что «Молодую гвардию» можно считать одним из основателей этого уникального возрожденческого союза, с которого как раз и возникло организационное русское национальное движение. «Молодая гвардия» стала как бы первой русской партией, которая не подверглась физическим репрессиям.

Именно в те годы на страницах журнала появились знаменитые, вызвавшие широкую полемику «Письма из Русского музея» Владимира Солоухина, патриотические публикации Леонида Леонова, Владимира Чивилихина, художника Ильи Глазунова, скульптора Коненкова, исследователей литературы Михаила Лобанова, Виктора Чалмаева, Вадима Кожинова, Олега Михайлова. С журналом стали сотрудничать писатели послевоенной поры: Михаил Алексеев, Юрий Бондарев, Анатолий Иванов, Василий Федоров, Петр Проскурин, Василий Шукшин, Николай Кузьмин, Борис Примеров, Николай Рубцов, Феликс Чуев, Эдуард Володин. Казалось, возрождение русской культуры, русского национального самосознания будет стремительно нарастать.

Однако идеологические враги тоже не дремали. Они окопались вокруг либерального журнала того времени «Новый мир», который возглавлял замечательный поэт, но очень зависимый человек — Александр Твардовский. Именно в «Новом мире» то и дело публиковались самые русофобские критические статьи Синявского, Войновича, Лакшина, Рассадина и других т.н. «либеральных оппонентов». Именитых авторов «Нового мира», да и некоторых их кремлевско-партийных покровителей очень раздражала патриотическая, почвенническая, традиционалистская направленность публикаций «Молодой гвардии». Они прекрасно понимали, к чему это может привести в идеологическом плане. И они очень испугались того, что восславление русского патриотизма может привести к отстранению их от власти в стране и к восстановлению в русском человеке национальных чувств, национального сознания. А это для них было просто недопустимо, смерти подобно, не для того они разрушали Российскую Империю с ее гордостью великороссов, чтобы теперь так легко сдаваться каким-то (цитата) «русопятским» почвенникам. Против «Молодой гвардии» начались прямые выпады на страницах «Нового мира», обвиняющие ее авторов в отступлении от завоеваний Октябрьской революции, в увлечении патриархальщиной, деревенщиной, в игнорировании этого самого пролетарского интернационализма. Доносы и сигналы поступали и в идеологический отдел ЦК партии.

В конце концов эти деятели решили нанести теоретический удар по русскому направлению, нарождавшемуся в советской литературе. Критик Александр Дементьев, который в прошлом работал в «Новом мире» и был постоянным его автором, выступил в апрельской книжке «Нового мира» за 1969 год со статьей «О традициях и народности». В своей статье он изложил эти либеральные опасения по поводу слишком пристального интереса авторов «Молодой гвардии» к национальным традициям, к национальной культуре и ее соотношению с техническим прогрессом, к чертам национального характера, сформированным природными и историческими условиями, высказался об их якобы «узко национальном» (в кавычках) отношении к Родине — большой и малой, к интеллигенции и народу.

Это была, по сути, первая попытка характеристики позиции «Молодой гвардии» как органа определенного направления общественной мысли. Дементьев, по словам Солженицына, пошел тараном на «Молодую гвардию». А заканчивал он свою статью цитатой из программы партии, утверждавшей обязанность «вести непримиримую борьбу против проявлений и пережитков всякого национализма и шовинизма». То есть это был такой открытый, официальный донос на людей, заговоривших о своей русскости. И Твардовский статью Дементьева подписал в печать.

В ответ на эту хамскую публикацию 11 русских писателей, авторов «Молодой гвардии», среди которых были Анатолий Иванов, Михаил Алексеев, Сергей Викулов, Пётр Проскурин и другие, опубликовали в журнале «Огонёк» письмо под названием «Против чего выступает «Новый мир»?». Одиннадцать литераторов обвиняли «Новый мир» в том, что он идёт против «главных духовных ценностей нашего общества», являясь проводником буржуазной идеологии и космополитизма.

Реакция, как обычно это происходит у господ либералов, была истеричная и скандальная. Письмо одиннадцати писателей они назвали «фашиствующим манифестом мужиковствующих». Новомировцев поддержали Симонов и Гранин. Но в поддержку письма русских писателей в «Огонёк» пошёл поток писем простых людей со всей страны. Письма эти публиковались в центральных газетах, а копии этих писем отправлялись в «Новый мир» Твардовскому. Даже газета «Правда» выступила на стороне авторов письма, напечатанного в «Огоньке». Как ни странно, но и Солженицын оказался сторонником письма русских писателей, несмотря на то, что сам являлся автором «Нового мира».

В ЦК партии срочно было проведено совещание редакторов, на котором выступил будущий «архитектор перестройки», заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А.Н. Яковлев, который сказал, что виноваты и те, и другие. Но из опубликованных воспоминаний Яковлева можно сделать вывод о его неприязни к национальной позиции молодогвардейцев и сочувствии к «Новому миру».

Однако партийная верхушка с настороженностью и недоверием относилась ко всякому не санкционированному ею движению. Не могли не реагировать в партийных верхах и на общественный резонанс, вызванный публикациями в «Новом мире» и в «Огоньке». Всё это привело к ряду организационных мер по отношению к новоявленной «Русской партии». Было принято специальное постановление ЦК КПСС о журнале «Молодая гвардия» (почему-то засекреченное по сей день). Журналу вменялось в вину отступление от ленинских принципов партийности, внеклассовое, внесоциальное толкование народности, идеализация дореволюционной России и т.д. В 1970 году Анатолий Васильевич Никонов был снят с поста главного редактора «Молодой гвардии», произошли увольнения в редколлегии журнала «Наш современник» и в ряде редакционных советов изданий, подконтрольных национал-патриотам. В том же году пришлось и Твардовскому по настоянию партийных верхов уйти из «Нового мира», редакция которого была расформирована. То есть власть наказала и тех и других: мол, нечего вам тут без нашего разрешения обсуждать столь важные проблемы. Мы лучше вас знаем, что делать и что говорить народу. Вот эта двойственная позиция партийных верхов в конце концов и сгубила партию.

В 1972 году в «Литературной газете» с большой критической статьей, называвшейся «Против антиисторизма», выступил уже сам Яковлев. В своей статье он открыто встал на сторону позиции Дементьева и «Нового мира» и обрушился с критикой на русское национальное направление журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник». Но вылез он не вовремя, поспешил. Тогда еще партия не была готова к либеральному перевороту, и он был снят со всех своих партийных постов и отправлен послом в Канаду, откуда в конце концов вернулся уже полностью подготовленным к своей работе по разрушению Советского Союза.

И что более всего удивительно, после Никонова главным редактором «Молодой гвардии» был назначен его заместитель, уже к тому времени известный прозаик, сибиряк, подписавший то самое письмо 11-ти в «Огоньке», Анатолий Степанович Иванов, автор книг «Вечный зов» и «Тени исчезают

в полдень». Анатолий Иванов продолжил национально-патриотическую линию журнала. Все лучшие литературные силы русского направления вновь потянулись к «Молодой гвардии».

В связи с 50-летием журнала в 1972 году Указом Президиума Верховного Совета СССР «Молодая гвардия» была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а ее главный редактор Анатолий Степанович Иванов был избран депутатом Верховного Совета СССР.

В конце 80-х, во времена т.н. гласности и перестройки, за интерес к русской культуре уже не сажали и тем более не расстреливали. Об этом уже можно было писать открыто и без последствий. Литературная критика и публицистика того времени стали самым востребованным чтением среди широких слоев нашего народа. Тиражи русских журналов тогда достигли своего апогея. В «Молодой гвардии» печатались самые острые, самые откровенные статьи, в том числе и о преследованиях русских писателей и деятелей русской культуры в первые десятилетия советского государства. В конце 80-х годов я опубликовал в этом журнале несколько своих литературно-критических статей и в начале 1990 года был приглашен в журнал на работу — заведующим отделом критики, несмотря на то, что имел к тому времени несколько изданных поэтических книг, то тесть меня знали в основном как поэта.

Я принялся расчищать «авгиевы» завалы материалов отдела критики и наткнулся на статью поэта Ивана Лысцова «Убийство Есенина», поступившую в отдел еще два года назад. В ней подробно, честно и доказательно говорилось о том, кто травил, преследовал и кто был причастен к убийству великого русского поэта. Я отредактировал статью и подготовил ее для печати. Анатолий Иванов меня сразу же поддержал и даже попросил написать послесловие от редакции, в котором мы обращались к МВД и КГБ СССР с предложением нового, объективного расследования обстоятельств гибели С. Есенина. В том же 1990 году статья была опубликована, однако, естественно, никакого нового расследования, согласно нашему обращению, со стороны властей не последовало. Более того, т.н. «перестроечная» пресса обрушилась на журнал и на автора, Ивана Лысцова, с обвинениями в домыслах и клевете. Тем не менее это была первая в советской печати публикация, в которой опровергалось самоубийство Есенина. (В 1994 году Иван Лысцов погиб при невыясненных обстоятельствах.)

Я стал активно привлекать известных русских авторов патриотического направления к сотрудничеству с журналом.

Это было время надежд на изменения к лучшему в стране, а журнал возбуждал огромный интерес у читателей, пользовался спросом сотен тысяч наших людей. Авторами журнала стали сильнейшие на то время русские критики и публицисты: Аполлон Кузьмин, Михаил Лобанов, Галина Литвинова, Татьяна Глушкова, Всеволод Сахаров, Михаил Лемешев, Олег Платонов, Владимир Юдин, Виталий Канашкин, Юрий Власов, Владимир Васильев, Марк Любомудров, Эдуард Володин и даже Вадим Кожинов, хотя вскоре он переключился на «Наш современник», куда главным редактором пришел Станислав Куняев.

В том же году я начал публикацию в журнале статей под авторским псевдонимом «А. Кузьмич» (им был ученый-экономист Анатолий Кузьмич Цикунов), которые произвели ошеломляющее впечатление раскрытием тайных планов международной мафии в отношении России, пророческим трагизмом, глубиной и ясностью мышления и своей документированностью. Его статьи ставились в номер без промедления. «Рынок России в свете нового законодательства», «Хлебная карточка или петля на шее», «Почему финансы не поют романсы», «Как нас грабят ценами» и другие. Они били в цель одна за другой, как тяжёлая артиллерия, и вызвали настоящий шок у архитекторов и прорабов катастрофы. Их ждали, они перечитывались и перепечатывались в других изданиях — в газетах «Русский Вестник», «Завтра», «Домострой» и т.д. Эти материалы, конечно, уже не могли остановить набравший силу разрушительный поток, но их автор стал крайне опасен предателям, находившимся у власти в стране. Во время командировки в Нижневартовск 20 мая 1991 года он был найден в гостиничном номере мертвым.

В первом номере «МГ» за 1991 год я напечатал свою статью «О лжепоэтах и русской поэзии», вызвавшую громкий резонанс. Статья эта, с одной стороны, поднимала на щит, открывала талантливых, но малоизвестных в то время русских поэтов, а с другой — низвергала с поэтического олимпа баснословно раскрученных кумиров советской поэзии, которым поклонялись миллионы читателей: Евтушенко, Вознесенского и Ахмадулину. Журнал «Юность», «Независимая газета», «Московский комсомолец» злобно огрызнулись, а так называемая «либерально-демократическая общественность», насквозь антисоветская и русофобская, четко приметил и взяла на заметку автора статьи... Журнал наш явно действовал ей на нервы.

В 1991 году Анатолий Иванов попросил меня помимо отдела критики временно возглавить и отдел публицистики. Но,

как известно, всё временное неизбежно становится постоянным. Отделом публицистики «Молодой гвардии» я заведовал до 1999 года, когда стал заместителем главного редактора.

И вот наступил август 1991 года. В начале месяца подписчики и читатели получили №8 «МГ», где стояла моя статья «Откройте глаза!!!» (тогда же она вышла в «Русском Вестнике»), в которой давался анализ жуткой моральной и экономической ситуации в стране и были предсказаны события ближайших лет. Как говорили мне знакомые, этот номер они прятали от посторонних глаз, чтобы, не дай Бог, кто-то не донёс на них в следственные органы как на читателей «антиперестроечной» прессы...

19 августа в стране было введено чрезвычайное положение и объявлено о создании ГКЧП, а также о вводе военной техники в Москву и об отстранении Михаила Горбачева от должности президента. В редакции «Молодой гвардии» в тот день все сотрудники пребывали в приподнятом настроении и ожидали ареста Ельцина. Однако прошел первый день ГКЧП, истекла смутная, полная больших ожиданий ночь, но ничего не происходило. На следующий день толпы ельциноидов полезли на танки и бэтээры, бесцельно стоявшие в центре столицы. На третий день эти же толпы стали собираться у Белого дома и перед ними развязно и самоуверенно выступил пьяный Ельцин. Вечером 21-го все гэкачеписты были арестованы.

Помню состояние жуткой душевной подавленности и безысходности. Уже в тот день мне было ясно, что прежней стране пришел конец. Такое же состояние испытывали почти все мои знакомые и тысячи патриотов по всей России. А жулики, подонки, русофобы и все аферисты, объединенные одним названием «демократы», нагло и вызывающе праздновали свою пиррову победу.

Журналу со всех сторон посыпались угрозы, в том числе и с экрана ТВ. Кто-то из соседних изданий 20-этажки, где находилась «Молодая гвардия», прилепил на стене редакции листовку с требованием убираться из здания подобру-поздорову. (В ближайшие несколько лет они сами все позакрывались и разбежались по экономическим причинам.) Анатолий Иванов поручил мне подготовить материал с ответом на эти угрозы и с объяснением читателям произошедшего в стране. Статья «Ответ погромщикам» вышла в ближайшем номере журнала.

Вслед за августовской провокацией горбачевско-ельцинской камарильи хозяйственный развал, хаос и разрушение государства становились всё более видны и понятны всем,

способным видеть и думать. Журнал в каждом номере публиковал жёсткие, прямые публицистические статьи, разоблачавшие вражеские силы, захватившие власть в стране. «Молодая гвардия» стала одним из главных форпостов борьбы за Россию с распоясавшейся русофобско-демократической «пятой колонной».

Каждый номер «Молодой гвардии» был как глоток свежего воздуха для русского читателя-патриота. Просматриваешь материалы, публиковавшиеся в каждом номере журнала в начале 90-х годов, и видишь, как фактически на всех стоит печать трагизма. Что-то должно было произойти, какие-то действия должны были прорваться сквозь накопившиеся внутри русских людей обиды, злость и проклятья к лжецам и наделенным властью проходимцам. Русское восстание вызревало и в сентябре 1993 года прорвалось в центре Москвы, на Красной Пресне. Вслед за восставшим Верховным Советом восстал народ.

Все эти двенадцать дней противостояния с ельцинско-гайдаровской нелюдью я находился у Дома Советов. Я был и свидетелем и участником этой великой, хоть и неудавшейся русской революции. Затем, после расстрела Белого Дома, всё, что я видел и знал, всё, что пережил и о чем думал в эти дни, я описал в двух статьях: «Москва, кровью умытая» и «Ритмы расстрела», которые вышли к читателям в «Молодой гвардии». Затем в течение целого года мы в каждом номере давали статьи, очерки, письма, стихи, рассказы под рубрикой «Чёрный октябрь».

После событий 3—4 октября над русской прессой вновь нависла опасность разгрома. С экрана ТВ т.н. «демократы» с перекошенными от злости лицами требовали «раздавить гадину» и ликвидировать патриотические газеты и журналы. С аналогичным обращением к Ельцину они же выступили в газете «Известия». Под этим расстрельным письмом стояли сорок две известные фамилии. Многие русские газеты действительно были закрыты.

Однако русская печать не дрогнула, более того — она стала еще смелее и прямее. Все вещи и всех мерзавцев она еще упорнее стала называть своими именами, несмотря на оскорбления, угрозы, доносы, провокации и прямые воздействия наших идейных врагов и русофобов. Переходя из номера в номер, в «МГ» печатались совершенно уникальные для своего времени произведения, приковывавшие внимание многих тысяч русских людей, — духоподъемные работы митрополита Иоанна (Снычева), документальные повествования Николая Кузьмина «Возмездие» и «Чёрные тюльпаны

перестройки», главы романа Владимира Успенского «Тайный советник вождя», яркие литературные портреты современников, созданные Владимиром Цыбиным, Феликсом Чуевым, Валентином Сорокиным, Станиславом Золотцевым, хлесткие публицистические статьи Валентина Распутина, Эдуарда Володина, Анатолия Ланщикова, Эдуарда Хлысталова, Виктора Илюхина, Николая Коняева, Сергея Семанова, Юрия Воробьевского, Михаила Антонова, Марка Любоумрова и многих других известных русских писателей. Это была истинная Гвардия лучших представителей народа, сражавшаяся на переднем фронте с коварным и жестоким противником.

1999 год стал для коллектива нашей редакции в прямом смысле трагическим. В мае не стало А.С. Иванова, а в октябре ушел из жизни заменивший его А.А. Кротов. Этот тяжелый моральный удар мог переломить направление и всю работу журнала. Нужно было брать груз ответственности на себя, чтобы сохранить влияние «Молодой гвардии» на общественное сознание России и не потерять связи с нашими испытанными, авторитетными авторами, чтобы не уронить высокой планки профессионализма в творческой и редакторской работе журнала.

Финансовое положение журнала к тому времени стало очень трудным. Денег от подписки уже не хватало на выпуск ежемесячных номеров, на выплату зарплаты, за аренду кабинетов и коммунальные услуги. Мы, новое руководство, вынуждены были пойти на кардинальные действия и серьезные изменения в работе, потому что иначе журнал прекратил бы свое существование. Пришлось отказаться от выплаты гонораров, пришлось приступить к выпуску сдвоенных номеров, пришлось ужаться до минимума, оставив редакции лишь один кабинет на этаже, который мы занимали, ну и, само собой, пришлось сократить рабочий коллектив. Это дало нам возможность устоять, не рассыпаться в удушающей атмосфере того экономического и морального гнёта, при котором нас в прямом и в переносном смысле очень хотели задушить. Погубить журнал нашим недругам не удалось. И самое главное, мы удержали поднятый вес национального издания, мы не отступили ни на шаг от ранее выбранного пути. А наши авторы, нужно отдать им должное, не отвернулись от нас, с пониманием отнеслись к проблемам журнала и продолжили сотрудничество с нами.

Прошедшие с тех пор годы стали временем невероятных жизненных и нравственных испытаний для нашего народа,

для страны и для русского национального движения. Журнал наш ни разу не дрогнул, не поступился верностью русским интересам и не пошел на службу олигархической власти, как бы нам ни было трудно все эти годы.

В 2009 году я стал главным редактором боевого и ставшего мне родным патриотического журнала, сохранившего традиции русской классической литературы.

На пути к своему 100-летию «Молодая гвардия», в течение многих десятилетий находилась на передовой борьбы за русский народ и русские национальные интересы. История этой борьбы — это история всего русского движения XX и XXI веков.

Главная задача русского национально-патриотического журнала — в каждом номере давать материалы, раскрывающие правду великой истории России и показывающие реальную действительность нашего времени как в художественной форме, так и в общественном звучании.

И русский читатель любит свой журнал. Лучшие авторы, талантливые писатели нашего времени выходят к читателям на его страницах. Здесь и современные мастера прозы — Владимир Крупин, Василий Воронов, Владимир Личутин, Павел Кренёв, Михаил Еськов, Татьяна Грибанова, Владимир Пронский, Анатолий Байбородин, Сергей Пылёв, Геннадий Карпунин, Владимир Вещунов...

Здесь и лучшие поэты России наших дней — Владимир Хомяков из Рязанской обл., Александр Нестругин и Иван Щелоков из Воронежа, Светлана Сырнева из Вятки, Андрей Попов из Сыктывкара, Анатолий Аврутин из Минска, Наталья Егорова из Смоленска, Эмма Меньшикова и Алла Линаева из Липецка, Светлана Супрунова из Калининграда, Владимир Скиф из Иркутска, Диана Кан из Оренбурга, Владимир Шемшученко из Питера, Николай Алешков из Набережных Челнов, Алексей Шорохов из Москвы...

Здесь и сильнейшие публицисты современности, и острейшие литературные критики, и переводы на русский язык поэзии национальных республик...

Журнал живёт, с прежней энергией борется с фальшью и пошлостью псевдокультурных дельцов и с подлостью русофобствующей «пятой колонны».

Свой удивительный столетний юбилей «Молодая гвардия» отмечает с прежней уверенностью в правоте своего важнейшего дела.

Сердечно поздравляю читателей, авторов и друзей «Молодой гвардии» с прекрасным и славным вековым юбилеем!

Главному редактору «Молодой гвардии»
В.В. ХАТЮШИНУ

Уважаемый Валерий Васильевич!

Правление Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России поздравляет Вас и возглавляемый Вами коллектив со 100-летием замечательного журнала «Молодая гвардия».

Журналу во все времена были присущи юношеская страсть и зрелая мудрость. На его страницах публиковали свои первые произведения многие писатели, ставшие впоследствии классиками советской литературы и получившие мировую известность.

«Молодая гвардия» всегда стояла на страже интересов Русского мира и отстаивала традиционные духовно-нравственные ценности многонациональной литературы нашего Отечества. Писатели нашей Великой страны считали и считают за честь публиковать свои произведения на страницах возглавляемого Вами журнала.

Столетний путь «Молодой гвардии» не был простым. Приходилось прорываться и сквозь штормы, и сквозь штили, но творческий коллектив, находившийся на борту, никогда не пасовал перед трудностями.

В наши тяжелые времена журнал остается одним из наиболее боеспособных патриотических средств массовой информации России.

Желаем Вам крепости духа, твердости убеждений, богатырского здоровья!

И, как говорят на флоте: «Семь футов под килем!»

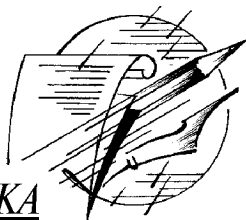
Борис ОРЛОВ, председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, автор «Молодой гвардии» с 1980 года

Николай СОМИН,
кандидат физико-математических наук,
бакалавр теологии

ПОЧЕМУ МЫ ПОБЕДИЛИ

Великая Отечественная война. Нечто невообразимое и по тяжести, и по масштабам, и по проявленному героизму. Как смогли наши отцы и деды её вытянуть — непостижимо! Если говорят «война», то всегда ясно, о какой войне идёт речь. Прочувствовать невероятную тяжесть той войны нам, потомкам, очень трудно. Но, может быть, еще труднее понять, почему, несмотря на колоссальные трудности, мы победили лучшую в мире армию, обесовленную самой жуткой в истории идеологией? И всё-таки попробуем.

I. Прежде всего потрясает героизм наших людей. Героизм не отдельных личностей, а героизм массовый. Около 12 тыс. Героев Советского Союза в войну — только вершина всенародного подвига. Сотни тысяч, миллионы героев, подвиги которых, может быть, не столь яркие, но совершены на пределе сил — и телесных, и духовных. А сколько людей рвалось на фронт, сколько добровольцев, сколько прибавляло себе лет, чтобы попасть туда! Сколько ценой своей жизни заслоняло страну от врага! Сколько дней и ночей трудились в тылу! Такого поразительного народного единения, как по массовости, так и по высоте духа не было в истории никогда.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Так откуда взялась эта необычайная героическая энергия? Тут объяснений, что русские, де, всегда были храбрыми воинами, явно недостаточно. Нужны другие формулировки.

Одним из главных архетипов русского народа является искание правды. Правды Божией, правды социальной справедливости как коллективной правды. И в войне с германским фашизмом народ практически сразу ощутил циничное и наглое попрание правды. И еще ничего не зная о лагерях смерти, люди вдруг уразумели страшное. Если пушка у немца слегка заржавела, то военный суд быстро отправлял его в штрафную роту. Но убивать в России мирных жителей он мог сколько угодно — ему это разрешалось на законном основании. И эту сатанинскую, бесчеловечную сущность фашистов народ очень быстро понял.

Отсюда и абсолютная правота народа в самом жестоком отпоре агрессору. «Ярость благородная» в данном случае оказалась самой правдивой правдой. Отсюда и яростное сопротивление захватчикам, которое удивляло немцев. «Самое злобное сопротивление нам было оказано в России», — постоянно в письмах отмечали немецкие солдаты и офицеры.

И, конечно же, вдохновляла защита Родины. Но не просто Родины, а Советской Родины. Выросшее после революции поколение исключительно высоко ставило советское начало. Люди считали СССР уникальным государством с самым справедливым социальным строем и гордились, что в таком государстве живут. Так они были воспитаны, и, может быть, это стало решающим фактором Победы.

И олицетворял советский социализм Сталин. Безусловно, Сталин создал советский социализм, а тот, в свою очередь, поднял Сталина на недостижимую высоту и сделал великим. И поэтому в атаку шли, воодушевленные кличем «За Родину, за Сталина!» Причём этот симбиоз русского и советского оказался тогда удивительно действенным. Он вошёл в русскую душу и во многом определил нашу Победу.

II. Но не только это. Именно в войну сложилось удивительное единство народа и элиты. Как никогда в русской истории. Народ желал Победы, и элита желала того же. И элита, как никогда прежде, служила народу. Не только высшее руководство, но вся элита поголовно, упорно работала на Победу. Конструкторы создавали новые образцы военной техники, инженеры (тогда они еще были элитой) организовывали её производство, режиссёры снимали патриотические фильмы, поэты и композиторы сочиняли новые замечательные песни, артисты выезжали на фронт с выступлениями.

Партия, КПСС — сколько сейчас вылито на нее ушатов грязи. Но будем справедливы — именно партия оказалась тем стеновым хребтом России, который удержал её в катастрофический 41-й. Партия в тот момент заменила Церковь. Тут есть чему удивляться. В тот момент, когда Церковь Христова не в состоянии защитить Русь, — ибо одна, зарубежная половина, твердит славословия Гитлеру и молится за победу наших врагов, а другая, у нас в России, подвергается гонениям, Господь воздвигает Партию, которая на социальном фронте осуществляет функцию сплочения всего народа, ту самую, которая выполняла наша Церковь в смутные времена. И Партия с честью эту задачу выполняет. Четыре с половиной миллиона коммунистов сложили голову в войну. И в то время это лучшие русские люди. Но враг разгромлен. И слава Богу, что руководство Русской Православной Церкви (митрополит Сергей (Страгородский) и еще несколько иерархов) занимает позицию полного сотрудничества с советской властью. Страшно подумать, чтобы было, если бы Церковь заняла позицию наподобие РПЦЗ. После Победы Сталин такую предательскую Церковь уничтожил бы под корень. А получилось наоборот — после войны открылись тысячи храмов, несколько монастырей и Лавра, и это фактически продолжалось вплоть до хрущёвских гонений.

III. Мой отец, совершенно невоенный человек, студент биологического факультета МГУ, пошёл в сентябре 41-го добровольцем на фронт. Долго шли пешком, дошли до Смоленска, и уже были слышны залпы орудий, но тут приехала полуторка, с которой раздался крик «кто с биофака — сюда!». Оказалось, что набирали курсантов в ветеринарное училище, и моего отца с десятком таких же студентов повезли противоложно подходящим частям. А остальные ополченцы через неделю попали в страшный Вяземский котел, в котором погибло или было взято в плен 600 тыс. наших воинов. Так что если бы не та полуторка, то я не писал бы сейчас этой статьи...

Но речь не о моём отце, а о наших потерях в Великой Отечественной. Это очень большой вопрос, в котором до сих пор нет ясности. Одни историки утверждают, что военные потери сторон были примерно одинаковые. Другие, в основном ненавистники СССР, кричат, что, мол, немцев «трупями завалили». Конечно, точно установить истину мы не можем. Но думается, что войну надо разделить на два периода: до 43 года и после. До — потери были огромные, особенно в 41 году. Причина простая — воевать не умели. Ни простые солдаты, ни командиры среднего звена, ни, тем более, генералы и мар-

шалы. Последние остались от Гражданской войны и не понимали, как ведётся современная им война. Отсюда ужасающие ошибки типа окружения под Вязьмой или под Киевом. Да и техника, тогда превозносимая, оказалась устаревшей против немецкой. Немцы же прекрасно организовывали взаимодействие родов войск и умели на прорывных участках сконцентрировать подавляющее преимущество.

Но русские тем и отличаются от других народов, что умеют учиться у других (увы, не только хорошему, но и плохому). Два года тяжелых поражений не прошли даром — особенно для генералов. Выдвинулись талантливые полководцы, например, К.К. Рокоссовский, который умел мгновенно читать замыслы противника и мастерски придумывал неожиданные для него контрмеры. И, может быть, главное — то, что наши войска стали получать отличную технику, причём в больших количествах. Так, танков Т-34 за всю войну было выпущено 35 тыс., тогда немцы сумели выпустить лишь 1,5 тыс. «Тигров» и 6 тыс. «Пантер».

Соотношение сил и умения стало в нашу пользу, и мы погна́ли врага, причём во второй фазе войны наши потери были, несмотря на наступление, пожалуй, не больше, чем немецкие. Но, конечно, всё это при огромном напряжении ресурсов всей страны.

IV. В нашей победе неоценимую роль сыграли преимущества социализма, связанные с общественной собственностью на средства производства.

Прежде всего, это полное управление хозяйством, поскольку оно всё находилось в руках государства. Отсюда и полная координация всех отраслей хозяйства, невозможная при капитализме. Хорошо известна история со «снарядным голодом», случившаяся в России в 1915 г. Долго государство вело переговоры с производителями, пока тех не устроили условия договора, и снаряды стали выпускаться в достаточном количестве. В СССР такие вопросы решались мгновенно, что позволило в кратчайшие сроки организовать выпуск военной продукции — «Всё для фронта, всё для победы!»

Особенно впечатляет успешная компания по быстрой эвакуации важнейших заводов за Урал. Разумеется, не все удалось вывезти, но тогда на новом месте производство организовывалось заново в максимально кратчайшие сроки. При частном владении подобную эвакуацию заводов осуществить было бы просто невозможно.

Преимущества советского принципа хозяйствования перед частнособственническим особенно ярко проявились в аграрном секторе. Представьте себе, что бы происходило с

продуктами питания в условиях фермерского или хуторского хозяйства? Овладение противником огромных аграрных территорий привело бы к резкому удорожанию с/х продукции и, следовательно, к обогащению оставшихся фермеров и обнищанию всей остальной массы населения. За батон хлеба надо было бы отдать целое состояние. В результате — повсеместный голод, срыв снабжения армии и неминуемое поражение. Но у нас в СССР уже укрепился колхозный строй. И колхозы, хотя и без работников-мужчин, с огромным напряжением, но производили продовольствие для всей страны, которое отправлялось в армию и распределялось по карточкам всему населению. Даже в самые тяжелые годы армия не голодала. Колхозы буквально спасли страну и обеспечили продовольственную базу Победы.

Именно война показала всем великую силу социалистического хозяйствования, преимущество общественной собственности над частной.

V. Безусловно, такое великое событие, как Победа, должно быть осмыслено и с религиозной точки зрения. Прежде всего обратимся к высказываниям наших архиереев. Так, митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн (Попов) заявил, что «...и в истории войны, есть очень показательный для всех нас урок. В первые месяцы войны более 60 процентов Красной Армии, молодых бойцов, которые были рождены уже в безбожное время, большинство не было крещёными. Они были убиты — это была несоизмеримая жертва, которая была принесена за безбожие. И войну выиграли крещёные люди, те, кто призваны были духовно победить эту хорошо отлаженную машину».

Суть высказывания, что убитые — «жертва, которая была принесена за безбожие». И это вовсе не экспромт, а продуманное заявление, ибо примерно то же самое владыка сказал днем раньше перед студентами Белгородской семинарии: «Я бы хотел обратить внимание на такой интересный факт. В первые дни войны практически было уничтожено более 60% личного состава Красной армии, то есть те, кто были призваны молодыми людьми в трагичные события. Но это люди, которые родились при большевизме и были в основном атеистами. Вся их жизнь была неким посылом в будущее без настоящего. А потом призвали крещеных людей, т.е. тех, кто по своим годам родился до большевистского переворота и трагических событий 17-го года. И это остановило, особенно под Москвой, страшную трагедию, которая могла бы произойти с Россией. Вы можете сказать, что это историческая натяжка. Но это факт. И если внимательно посмотреть, как

это происходило, то именно крещёные люди, которые имели духовный стержень, они остались верны своему долгу, и они воевали не за Сталина или за коммунизм. Они воевали за Святую Русь».

Впрочем, десятью годами ранее наш Патриарх произнес следующее: «Человеческие потери в войне с нацистской Германией — это размеры целой страны, это колоссальное потрясение для народа, основ народной жизни. Теми великими потерями, которые понес наш народ в войне с фашистами, он искупил богоотступничество во времена большевиков».

Тут, хотя и несколько иначе, но высказана та же мысль: наши страшные человеческие потери — за богоотступничество. Но если даже тут есть элемент наказания, то оно не похоже на Содом и Гоморру. Тут ситуация иная. Господь как бы сказал: «Вы, народ русский, решили жить без Бога и надеетесь на свои силы, чтобы отразить врагов. Что ж, попробуйте, благодатных чудес в войне вам не будет, обходитесь своими силами». Да, был массовый героизм, было невиданное упорство и терпение. Но против явно бесовской силы фашистов этого было мало, особенно в начале войны. Да и после, когда мощь и умение Красной армии возросло, вытолкнуть их из страны и окончательно победить стоило огромных усилий.

И тем не менее, Бог был за нас, хотя мы воевали под красной звездой, а у немцев на пряжках было написано «С нами Бог». Поддержка высших сил, заступление Богородицы за Красную армию было замечено и описано множество раз, хотя и не было громогласным и выраженным в каких-то явных знамениях.

Ибо смысл происшедшего с Россией — в необычайно быстром образовании язвы германского фашизма, язвы столь опасной, что она грозила превращению остального мира в рабское, скотское состояние. И справиться с этой опасностью мог только Советский Союз, хоть и не исповедующий Бога, но сочетающий в себе силу нестигаемого русского характера и силу социалистического социального строя. Не было другой силы, способной одолеть фашизм. СССР и исполнил по воле Божией роль Удерживающего этого мира от катастрофы. Исполнил сполна, и поэтому ему дана Победа, величие которой ощущают русские люди до сих пор, несмотря на вонь всего мира, старающегося эту Победу у нас отнять.

А что касается жертв, то да, они были огромны. Но уж такова была дьявольская сила врага — победить ее иначе как отдав 28 миллионов жизней было в тогдашних условиях нельзя.

VI. Но есть очень серьёзный вопрос исключительной важности, а именно: отношение православных верующих к Красной армии и к великой Победе. Сейчас, когда стало ясно, что Победа — величайшее из деяний русского народа в его истории, церковь старается подчеркнуть свою роль в победе над фашизмом. Но на самом деле эта проблема куда более глубока. Среди верующих можно насчитать по крайней мере три совершенно разных отношения к Победе и одержавшей её советской власти.

Прежде всего, РПЦЗ. Она в открытую сотрудничала с немцами, демонстративно благословляя их на борьбу с «игом большевиков». Свидетельств масса — и рукопожатия, и подобоострастные послания немцам об их победах, где были такие перлы: «Карающий меч Божественного правосудия обрушился на советскую власть, на её приспешников и единомышленников. Христолюбивый Вождь германского народа призвал своё победоносное войско к новой борьбе, к той борьбе, которой мы давно жаждали — к освящённой борьбе против богоборцев, палачей и насильников, засевших в Московском Кремле... Воистину начался новый крестовый поход во имя спасения народов от антихристовой силы... Наконец-то наша вера оправдана!»; «нет слов, нет чувств, в которых можно было бы излить заслуженную благодарность освободителям и их Вождю Адольфу Гитлеру, восстановившему там свободу вероисповеданий, возвратившему верующим отнятые у них храмы Божии и возвращающему им облик человеческий. И теперь — накануне предстоящего великого наступления на восток, чтобы добить врага до конца»; «Да будет благословен час и день, когда началась великая славная война с III интернационалом. Да благословит Всевышний великого Вождя Германского народа, поднявшего меч на врагов самого Бога».

И более того, вставки на литургии: 1. на великой ектении: «О христолюбивом вожде народа германского, правительстве и воинстве его, Господу помолимся»; 2. на сугубой ектении: «Еще молимся о христолюбивом вожде народа германского, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении их и Господу Богу нашему наипаче поспешати и пособити им во всех и покорити под нозе их всякаго врага и супостата». Причём, эти прошения, утверждённые Синодом РПЦЗ в 1936 г., произносились до самого окончания войны.

А глава РПЦЗ митрополит Анастасий благословил РОА и её руководителя генерала Власова.

Постоянный и характерный для РПЦЗ посыл, что фашисты боролись против богоборческой власти большевиков,

выдаёт их удивительную духовную слепоту. Цели третьего рейха были совсем другими, чисто антихристианскими — установить своё господство над Россией: экономическое и духовное, ликвидировать русский народ, превратив их в своих рабов. Это со всей ясностью определил еще Нюрнбергский процесс. Поэтому оправдание РПЦЗ, которым занимаются многие современные историки, совершенно лживо. Удивляет и ставит в тупик только одно: почему наша церковь пошла на объединение с зарубежниками без условия покаяния РПЦЗ в коллаборационизме?

А как обстояли дела у нас в России? Конечно, в условиях негативной позиции властей к православию свободное выражение верующими своей позиции было невозможно. Поэтому более правильно говорить о настроениях верующих православных к фашистам, войне и действиям Советской армии. И тут очень помогает феномен открытия церквей немецкими властями на захваченных территориях. Тогда священники подписывали обязательство сотрудничать с оккупационными властями, и в том числе — выдавать всех партизан и разведчиков. Причём, некоторые священники выполняли эти условия не за страх, а за совесть. В этом смысле печально знаменита т.н. «Псковская миссия», охватившая огромную территорию исконно русских православных земель. Фактически они занимали позицию РПЦЗ, и, как и те, не понимали всего жуткого демонизма фашистов. И очень вероятно, что аналогичная ситуация была бы и в других районах, будь они оккупированы немцами.

Вторую позицию по отношению к фашистской агрессии занимала большая масса верующих, которые были просто рады открытию храмов и возможности церковной молитвы и богослужений. Это те — кто считал, что только так должен поступать истинный христианин. Они исповедовали откровенный уранополитизм, считая, что тяжести войны посланы им за личные грехи. А кто у власти — фашисты или коммунисты — неважно. Спасти себя можно при любой власти и при любом строе.

Такая позиция, конечно, более адекватна с христианской точки зрения, чем позиция коллаборантов. Но и она являет полное непонимание, что такое социальное зло, апофеозом которого явился германский фашизм.

И, наконец, третья, патриотическая позиция. Активно поддерживала борьбу народа с фашистами только группа, ведомая митрополитом Сергием (Страгородским) и примыкавшими к нему архиереями. Они остро понимали всю бесчеловечность фашистской бесовщины. Но, судя по воспо-

минаниям пожилых христиан, складывается впечатление, что эта группа находилась в меньшинстве. Это видно хотя бы из того, сколько негативизма было вылито на митрополита Сергия (Страгородского) за его «Декларацию» 1927 г. Однако, благодаря именно этим представителям Церкви она была спасена — Сталин вернул церкви и её храмы, и её значимость в народе.

Повторяю, Бог и все вышние силы были за нас и даровали нам Победу. Но с большим сожалением мы вынуждены констатировать, что роль земной церкви, Русской Православной Церкви, в этой Победе была незначительной. Не она вела народ к Победе, не она вдохновляла. Конечно, сразу скажут, что она и не могла играть ведущей роли, поскольку претерпевала гонения. И действительно — хотя аресты верующих прекратились еще в начале 1938 г. (а «большой террор» был еще в разгаре), но храмы оставались закрыты, да и отбывавших в ГУЛАГе никто возвращать не собирался. Однако это далеко не вся правда — сами верующие, сама церковь в большинстве своём не занимала патриотической позиции и даже питала надежду, что немцы ликвидируют власть большевиков и дадут свободу вероисповедания. И в этом смысле представляется сомнительными рассуждения насчет крещёных, которые победили. Уж получилось так, что победили-то как раз атеисты, а уж крещёными они были или нет — это по-разному. Кстати, среди военных друзей моего отца все были атеистами, и за всю войну он, кажется, не встретил ни одного церковного христианина.

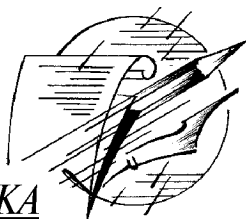
И всё-таки в Великой Победе нет смысла делить на верующих и атеистов — в войне победил весь народ, и поэтому нам, современным верующим, надо это понять и всю жизнь преклоняться перед Бессмертным полком наших отцов и дедов.

ПОБЕДА — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ФЛАГ НАД РЕЙСТАГОМ

Всё дальше в прошлое уходят трагические события Второй мировой и Великой Отечественной войны. Парадоксально, но это сопровождается нарастающей активизацией попыток дезинформаторов исказить исторические реалии того времени.

Касается это и первого в истории Международного военного трибунала, проходившего с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 г. во Дворце юстиции Нюрнберга. Характеризуя особенности Нюрнбергского процесса, главный обвинитель от СССР генеральный прокурор УССР Р.А. Руденко подчеркнул, сказав: «Это первый случай, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие само государство орудием своих чудовищных преступлений». Аналогичный процесс по осуществлению правосудия над военными преступниками Второй мировой войны — Международный военный трибунал для Дальнего Востока (Токийский процесс) проходил с 3 мая 1946 по 12 ноября 1948 г. в столице Японии.

Ныне, через 76 лет после завершения уникального Международного

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

трибунала и вынесенного приговора гитлеровским военным преступникам, развязавшим при пособничестве англовосаксов бойню — Вторую мировую войну, на Западе о Нюрнбергском процессе предпочитают особо не вспоминать, как и о решающем вкладе Советского Союза в разгром германского фашизма. Как и о том, что наша страна фактически самостоятельно, неся тяжелейшие потери, одолела врага до открытия союзниками второго фронта, когда поражение Германии стало очевидным. А как оценить факт открытия 2 мая 1995 г. в Лондоне, в канун 50-летия Победы над Германией, памятника «В честь победителей Второй мировой» с сидящими на скамейке лидерами США и Англии? И как понимать заказчиков и автора скульптуры, который кощунственно не предоставил на ней места главному победителю над фашистской Германией — советскому лидеру И. В. Сталину?

Впервые идея проведения международного судебного процесса над нацистскими преступниками нашла отражение в опубликованном еще 14 октября 1941 г. Заявлении, где говорилось: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказания по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии».

Требование о создании Международного военного трибунала содержалось и в заявлении Советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их пособников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы». Вопрос о наказании после войны Гитлера и его приспешников обсуждался странами Антигитлеровской коалиции с 1942 года. 1 ноября 1943 г. в протокол Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании также была включена «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства», опубликованная в газете «Правда» за подписями Рузвельта, Сталина и Черчилля.

Однако точки зрения лидеров стран — союзников по Антигитлеровской коалиции на форму привлечения к ответственности и осуществления наказания за совершенные злодеяния главарей третьего рейха не во всём совпадали. Так, во время Крымской конференции (4—11 февраля 1945 г.) руководителей трех союзных держав премьер-министр Великобритании У. Черчилль (прекрасно знавший о роли «Британского рейха» в подготовке Германии к развязыванию Второй

мировой войны и нападению на Советский Союз) считал, «что лучше всего было бы расстрелять главных преступников, как только они будут пойманы» и что, по его мнению, «суд над главными преступниками должен быть политическим, а не юридическим актом». Президент США Ф.Д. Рузвельт также заявлял, что «процедура не должна быть максимально юридической». Однако руководитель Советского Союза И.В. Сталин вновь подтвердил свою принципиальную точку зрения: «...перед расстрелом главные преступники должны быть судимы!»

Упрощенный подход лидеров двух союзных держав, настаивавших на внесудебной расправе с главарями третьего рейха, был отвергнут. Восторжествовала точка зрения советского лидера, которая и легла в основу окончательного Соглашения о создании Международного военного трибунала и его устава, разработанных полномочными представителями союзников в ходе Лондонской конференции, проходившей с 26 июня по 8 августа 1945 года. Принципы деятельности этого органа были утверждены Генеральной Ассамблеей ООН как общепризнанные в борьбе с преступлениями против человечества. 29 августа 1945 г. был опубликован список главных военных преступников — 24-х нацистских политика, военных и идеологов фашизма. В списке не было Гитлера, Гимmlера и Геббельса в связи с установлением фактов их смерти.

Но вернемся к Нюрнбергскому трибуналу. Как уже было сказано, требование о создании Международного военного трибунала содержалось и в заявлении Советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их пособников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы». То есть ставился вопрос о наказании после войны и пособников злодеяний гитлеровских захватчиков. А это значит, что к ответственности должны быть привлечены не только немцы — руководители третьего рейха, но и их союзники, принявшие участие в нападении на Советский Союз, а именно: Румыния, Финляндия, Италия, Венгрия и Словакия. Отмечу, что самые большие группировки войск союзников фашисты задействовали на южном направлении (360,1 тысячи румынских) и на северном направлении (340,6 тысячи финских). На других участках использовались итальянские, венгерские и словацкие контингенты. То есть 42 дивизии, почти миллион личного состава, семь тысяч артиллерийских орудий, 400 танков и около тысячи самолетов. Во многом это предопределило потери РККА в начальный период отражения агрессии. Но речь

не о ходе сражений, а о виновности и ответственности оккупантов за совершенные злодеяния в годы войны, в том числе в отношении гражданского населения. То, что творили румынские садисты на землях Новороссии, в Приднестровье, Одессе, Крыму и под Сталинградом, удивляло даже гитлеровцев. Как и румынам, Гитлер обещал отдать венграм часть захваченной советской территории, которую его союзники стремились полностью очистить от славян: на них обрушились невиданные репрессии, их расстреливали, вешали, пытали, сжигали живьем, угоняли в рабство. Показательно, что свидетельства безжалостных расправ с мирными жителями захваченных городов и сёл настолько возмутили советских солдат, что венгров в ходе боев перестали брать в плен. Не отставали от венгров с румынами и финны, а также головорезы 22 «национальных дивизий СС» — представлявшие практически все страны Европы, добровольно вступившие в части СС, чтобы сражаться с русскими. Показательно, что датчан, норвежцев и даже французов было пленено на Восточном фронте даже больше, чем участвовало в сопротивлении нацистам на их родине.

Возникает вопрос: понесли ли заслуженное наказание руководители государств, участвовавших во Второй мировой войне на стороне третьего рейха? Не все.

Судьба лидера итальянских фашистов Бенито Муссолини известна. Он был пойман при попытке бегства в Швейцарию и расстрелян итальянскими партизанами (как и предлагал поступать У. Черчилль, т.е. без суда и следствия). Не оказалось в списках военных преступников и финского главнокомандующего Маннергейма. Также избежал судебного преследования венгерский диктатор адмирал Хорти (зачлось его нежелание быть соучастником Гитлера «по окончательному решению еврейского вопроса»). Однако сменивший его в конце войны и безжалостно истреблявший венгерских евреев лидер нацистов Ференц Салаши был задержан в Австрии, передан венгерским властям, приговорен военным трибуналом к смертной казни и в марте 1946 г. был повешен.

Специфична роль Румынии и судеб ее руководителей в Первой и Второй мировых войнах. Будет справедливо отметить, что военно-дипломатическая политика руководителей этой страны не страдала предсказуемостью. Ибо во время каждой мировой войны Румыния «умудрилась» дважды менять сторону. Кстати, и после завершения холодной войны она также «словчила» — воспользовалась разрушением Горбачевым Варшавского договора и «перебежала» в блок НАТО в надежде превратить Бессарабию, Северную Буковину и

Приднестровье в плацдарм для нового похода на Восток. Видимо, уроки истории ей никогда не шли впрок, и в извилинах бухарестской власти вновь возродились бредовые идеи «Великой Румынии». Следовательно, надо вновь и вновь напоминать румынским реваншистам, как в далеком уже 1944 г. 20 августа началась Яско-Кишиневская наступательная операция по разгрому группировки немецких и румынских войск. Уже 23 августа Красная армия настолько стремительно приближалась к Бухаресту, что в сложившейся обстановке король Михай I был вынужден, заручившись доведенной до него поддержкой советского командования и оппозиционных сил, в том числе и компартии Румынии, решиться на арест маршала Антонеску. Да, арест был осуществлен непосредственно королевской охраной по личному приказу короля, однако подготовка отстранения Антонеску от власти заблаговременно велась органами ВКР Смерш по плану чекистско-войсковой операции «Прятели». В результате и была достигнута главная цель — свержение фашистской диктатуры и переход Румынии из лагеря союзников Германии в Антигитлеровскую коалицию. Так что всю подготовительную работу по решению этой сложнейшей задачи осуществили сотрудники Управления военной контрразведки Смерш 3-го Украинского фронта под руководством генерал-лейтенанта П. Ивашутина. 1 сентября арестованные были доставлены в Москву для расследования их преступной деятельности. В апреле 1946 г. СССР передал материалы уголовных дел и арестованных специально созданному Бухарестскому Народному трибуналу, который проходил с 6 по 18 мая 1946 года. В Обвинительном Акте были зафиксированы чудовищные факты развязанного румынами жесточайшего террора, создания 35 концентрационных лагерей смерти, изощренных пыток в застенках «Сигуранцы», безжалостных расправ с тысячами заложников, военнопленных, коммунистов, славян и евреев. После взрыва 22 октября 1941 г. штаба румынских войск в оккупированной Одессе были расстреляны 25 тысяч заложников — жителей города. За годы оккупации румыны уничтожили более 300 тысяч евреев и цыган. Это был целенаправленный геноцид местного, в том числе славянского населения Приднестровья, Одессы, Крыма и Новороссии с целью создания очищенной от «инородцев» территории «Великой Румынии». За совершенные преступления 17 мая 1946 г. Бухарестским Народным трибуналом Иону Антонеску и 12 подсудимым были вынесены и приведены в исполнение смертные приговоры.

Трибунал также установил, что преступления диктатуры Антонеску были направлены и против народа Румынии. Доказана виновность режима в трагическом для страны развитии событий 1941—1944 годов. Потери ее армии за годы войны составили 624 тысячи солдат и офицеров. Безусловно, переход и участие Румынии в боях на стороне Антигитлеровской коалиции в некоторой степени ослабили военный потенциал Германии, что позволило сохранить жизнь десятков тысяч воинов РККА. Именно в этом свете оправданно решение И.В. Сталина о награждении короля Румынии Михая I, единственного из зарубежных государственных деятелей, высшим советским военным орденом «Победа».

Нюренбергский трибунал — первый в истории международный судебный процесс, признавший агрессию тягчайшим уголовным деянием. Им принято решение о признании преступными руководящего состава НСДАП, имперского правительства, верховного командования и генерального штаба вермахта, СА, СС, СД и гестапо. Осуждены государственные преступники, виновные в подготовке и ведении агрессивных войн. Справедливая кара постигла организаторов и исполнителей преступных планов истребления миллионов людей и покорения целых народов. Пошло ли это в назидание правительствам и главам современных стран? Учитывается ли этот суровый урок в практике межгосударственных отношений? К сожалению, дать положительный ответ не представляется возможным. Войны в Корее, Вьетнаме, других странах еще до гибели СССР, а особенно после нашей геополитической катастрофы не позволяют это сделать. Более того, агрессия НАТО в Югославии, США в Ираке и Афганистане, свержение Каддафи в Ливии и другие примеры позволяют сделать однозначный вывод: существующие механизмы недопущения и пресечения агрессии, как и привлечения виновных в преступлениях против человечества не просто не срабатывают, а в ряде случаев цинично игнорируются.

Однако надо отметить, что попытки обратить внимание на существующие проблемы конца XX — начала XXI века предпринимались, пусть и не на государственном уровне. Так, по инициативе Приднестровья в Москве 28—29 июня 1993 г. состоялся Международный общественный трибунал (информация есть в Интернете). На нем были заслушаны заявления свидетелей и мнения экспертов как от общественных организаций, так и от государственных структур. После ознакомления с вещественными доказательствами и предоставленными материалами трибунал пришел к выводу: на берегах Днестра имела место агрессия Кишинева с целью ликви-

дании созданной в 1990 г. Приднестровской республики. В ходе вооруженного конфликта в марте—июле 1992 г. руководством и вооруженными формированиями РМ были совершены грубые и серьезные нарушения Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г., равно как и других международно-правовых актов, содержащих гуманитарные нормы международного права.

Международный общественный трибунал подчеркнул, что ответственность за это несут не только те, кто совершал конкретные преступления, но и те, кто отдавал приказы. Особо было отмечено, что в соответствии с Конвенцией от 26 ноября 1968 г. нет срока давности за эти преступления.

Приднестровье

УХОДИЛО СПЕЛОЕ ЛЕТО

ПОВЕСТЬ

Август, август, зачем же так скоро?..
Ведь еще не настала пора...
Сонной тенью немого укора
загустели твои вечера.

Валерий Хатюшин

1

Посёлок Кавардакино когда-то был райцентром, но даже лишённый в послевоенные годы штатного звания, всё равно оставался на слуху. Затерялся он в областной глубинке и отличался порядком и спокойствием, и был не маленьким: механический завод, сельхозпредприятие, школа, Дом культуры, больница, почта. Ну и, понятно, своё отделение полиции, располагавшееся в бывшей избе-читальне, и называлось оно опорным пунктом. Поселковые люди работали на заводе, возделывали чернозёмные земли и пользовались окружающим привольем.

Самый известный человек в посёлке — Михаил Бармасов. Прозвище у него — Зверь. Шло оно от родимого пятна во всю левую щёку. Он хотя и прикрывал его бородой, но всё равно наплывы синюшной густой красноты отчётливо проглядывались и делали выражение лица таким, что если раз увидишь, то будет потом оно сниться всю жизнь. Да и самого не забудешь: широкий, приземистый, словно квадратный, смотрит всегда

ПРОЗА

исподлобья; им даже пугали озоровавших ребяташек. Смолу был механизатором: пропадал в мастерских, коптился на тракторе, а в уборочную скитался в полях на жатве хлебов. Относились к Бармасову по-разному, потому что у всякого, знавшего его, а знали его все, создавалось особое мнение. Многие считали его опасным человеком, колдуном, способным на сглаз, и, остерегаясь, не высказывались о нём на людях.

В последние годы он собрал приличную сумму, что и следовало ожидать от завязанного скопидама, хотя страсть к накопительству его однажды подвела, когда в начале 90-х все его сбережения пропали, как, впрочем, и у всех в стране. И вот вновь появились деньги, так как образ жизни способствовал этому: не выпивал, не курил, вечно ходил в одной и той же одежде, пока окончательно не снашивал её, а сносил — облачался в иную, будто купленную по случаю. В общем, вид имел не очень-то привлекательный, но в душе оставался романтиком, иногда мечтательно говорил соседям:

— Вот куплю «Форда́», сигар кубинских и поеду к морю. Хочу культурно отдохнуть!

Поэтому они особенно не удивились, когда он пригнал из области ослепительно блестящий вишнёвый «Форд», поставил его в гараж, где когда-то стоял мотоцикл, и первое время не особенно говорил о машине. Кое-кто посчитал это миражом, чей-то кучерявой придумкой, но жители не интересовались покупкой у него лично, да и за глаза не говорили ни о машине, ни о нём, даже не упоминали имя. Старожилы — и те, зная его с детства, зареклись портить с ним отношения. Так и жил он сам по себе: и до машины, и после её покупки, любил, чтобы никто не цеплялся и, упаси Господь, не насмеялся. А уж если кто обижал, тому сразу наказание приходило: кого перекосит, у кого нога отнимется, а кого-то падучая замучает. Только и общался он с двумя соседями. Соседом справа — участковым Соколенковым, и соседом слева — вдовцом Тимофеевым. От них и просачивались слухи.

Всё окончательно открылось, когда он однажды, совершенно не таясь, выехал на «Форде» и, выбравшись на проходящее мимо посёлка шоссе, куда-то умчался. Часа два пропадал. Потом появился. Остановился на площади, словно для всеобщего обозрения, зашёл в магазин, а вышел с пакетом продуктов и отбыл на свою Хуторскую улицу. На какое-то время вновь пропал, зато теперь все заговорили о нём почти открыто, забыв о том, о чём всегда помнили.

Но недолго, как оказалось, разъезжал Бармасов на «Форде». Когда готовил комбайн к жатве, выхлестнуло ему глаз

оборвавшимся приводным ремнём. Лежал потом в областной больнице, где остатки вытекшего глаза удалили, и вернулся он через месяц, зловеще сверкая стекляшкой. После возвращения его направили на водительскую комиссию. Он её, понятно, проходить отказался. Так как и второй глаз потерял большой процент зрения, поэтому распрощался с комбайном, привычной работой и хорошими заработками, так и не доработав до пенсии. И на «Форде» теперь не имел возможности ездить. Зря, получилось, купил.

Но не переживал долго по этому поводу. Ещё когда находился на в больнице, обещал племяннице Анюте, что машину продаст, а деньги ей отдаст, чтобы добавила на квартиру, в которой очень нуждалась. Так что этот вопрос можно было считать решённым.

После больницы, пока оформлял инвалидность, нашёл новую работу, договорившись со школьной директрисой. Сосед Тимофеев, работавший в котельной, порекомендовал. Сперва Бармасов хотел к нему сменщиком устроиться, но оказалось, в газовую котельную не вот-то попадёшь — нужно иметь специальное свидетельство. Сосед так и сказал:

— Поздно тебе, Сергеич, учиться нашему делу, а гвоздь забить, шуруп вернуть или, допустим, кран поменять — это как раз для тебя. Ты уж столько гаек да болтов на своём веку закрутил да раскрутил — специалист, одним словом. Да и нет свободного места в котельной. Зато теперь начальником станешь.

Обязанность завхоза несложная, но это только на первый взгляд. Суеты хватает. Необходимо вести учёт инвентарю, вовремя его списывать, принимать на баланс новый, а в остальном дело известное: дверь починить, стекло вставить или что-то другое отремонтировать. В общем, работа простецкая, но на ней почему-то не задерживались. Не везло с завхозами: только наймут, поработает человек до первой полочки — и в загул. Бармасова же считали примерным в этом отношении, и чуть ли не ухватились за него. И ему неплохо: самая работа для инвалида. И почти всё лето, считай, свободен — за грибами ходи, огородом занимайся. Отработав механизатором более четверти века, он теперь радовался наступившему лету, собираясь использовать его с невероятной пользой. Даже Соколенков, сосед справа, не смог испортить настроения. Надеясь на служебное положение, он, узнав о лишении Бармасова водительских прав, сразу пристал: продай да продай «Форда», да с рассрочкой и по сходной цене, так сказать, подружески, по-соседски. А Бармасов ответил ему просто:

— Ведь он новый же совсем — только единый раз в район-центр съездил, поэтому никакой сходной цены. К тому же

племянница ещё в больнице упредила, попросила помочь. В коммуналке живёт, детей двое, мужа нет — квартиру ей купить надо. Не век же девке мыкаться. А так, глядишь, в гору пойдёт, личную жизнь наладит. В прежние годы я не особенно интересовался ею, а прошлым летом, когда умерла её мать, а моя сестра, совестно стало, обещал помогать. Тогда не знал, какая именно будет помощь, а теперь появился подходящий случай. — Он не стал докладывать, что племянница продала родительский дом, копит деньги на квартиру — чего об этом языком трепать. — А тебе, если не хватает средств, посоветую взять кредит в банке. Сейчас так многие делают.

— Многие, да не все, — обиделся участковый, — мне такого счастья и даром не надо, чтобы потом полторы цены возвращать.

— А мне врать не след, если племяннице обещал помочь.

Так и не договорились они. Но Соколенков не расстался с задумкой, зная, что никуда сосед не денется. Случай приспичит, сам прибежит за помощью. Думая так, участковый, конечно, не осознавал последствий своих поспешных мыслей из-за короткой памяти или плохого знания местного уклада жизни.

2

Всем известен в Кавардакине и участковый Пётр Соколенков, дослужившийся здесь до капитана. Уж честней его и порядочнее нет, наверное, среди полицейских всей области. Рабочий день он начинал с посещения опорного пункта и звонка дежурному по району: докладывал обстановку в посёлке и получал, при необходимости, оперативные сведения. Опорный пункт состоял из единственной мрачной комнаты, часть которой была отгорожена крепкой железной решёткой. Эта отгородка, называемая мужиками штрафной, использовалась для заточения дебоширов и временного содержания преступных элементов, ожидавших этапирования в райцентрковский подвальный каземат, находившийся, как и весь отдел, в старинном купеческом здании. «Штрафная» отгородка редко когда заполнялась, а если заполнялась, то на несколько часов — ведь у Соколенкова почти никогда не оказывалось бензина для мотоцикла, чтобы переправить нарушителя в райцентр. Приходилось отпускать протрезвевшего дебошира восвояси, правда, припугнув на будущее. Мужское население посёлка уважало капитана именно за это, считая его окончательно своим, хотя он всё-таки являлся пришлым. Высокий, стройный и белокурый — не мужик, а загляденье. Жена другая: и лицом невидная, и походка

необъяснимо какая, а вот, поди ж ты, какого мужика отхватила. Лет уж семь Пётр служил участковым в Кавардакине и, похоже, не прельщался переводом в райцентр на повышение, иначе пришлось бы продавать дом, терять семью. Начальство шло ему на уступки, считая примерным участковым, умевшим утрясать мелкие конфликты с нарушителями и вовремя пресекать крупные, впрочем, не так уж часто случавшиеся в Кавардакине, как, например, недавнее.

Конечно, никто не предупредил Петра о появлении залётных мошенников, но однажды случай вывел на них. Возвращался он в последний день отпуска с утренней рыбалки не в лучшем настроении, ничего не поймав, хотя и отвлёкся, посидев у речки, где над водой кружат серебристые стрекозы, а рыба любознательная мелюзга таращится у самого берега. Правда, без улова не остался — заехал в рыбхоз, и сторожа ему выделили пяток карпов. Так что с этим всё было в порядке. Получалось, что и на уху добыл и природой полюбился, отдаляя служебные заморочки, от которых в последние годы всё более уставал. Начальство лишь на словах ценило его за безукоризненную службу, а в остальном всё как у всех: пиши отчёты, на совещаниях присутствуй. И чуть чего — сразу в райцентр вызывают. А ведь никто и копейки не даёт на бензин: мол, на какой земле работаешь — с той и кормись. Хотя мотоцикл не столь уж много расходует горючки, но всё равно убыток для семейного бюджета значительный.

В душе рассуждая обо всём этом, жалея, что так быстро закончился отпуск, из которого он только неделю отдохнул по-настоящему, съездив с семьёй к родителям на Дон. Хотели с женой потом отправить сына в оздоровительный лагерь или оставить у дедушек и бабушек, так как все они жили в одном селе, но сын заупрямился. Так все вместе и вернулись. Многие люди отпуск проводят у моря, но для такой поездки надо иметь уйму денег, а Соколенковы помаленьку копили на машину, поэтому не разбрасывались ими. А пока машины не было, для них своя речка милее любого моря, особенно для сына. Это только сегодня что-то заленился, чуть ли не всю ночь проторчав у компьютера, дорвавшись до фильмов о шпионах.

На выезде из посёлка Соколенков заметил вишнёвый «Форд» и двух нездешних мужиков, копающихся в моторе. Невольно глянул на машину и затормозил, потому что это была машина соседа — и цвет, и номер один в один. Милицейский мотоцикл явно смутил незнакомцев.

— Кто такие? Чья машина? — остановившись, властно спросил Пётр.

— Вот взяли в вашем посёлке... Машина, считай, новая, а чего-то заглохла...

— У Бармасова, что ли, купили?

— У него... С бородой такой!

Говорили они уверенно, но всё равно Петра сомнение взяло. Посмотрел он на «Форд» как на собственный и предъявил удостоверение:

— Участковый — капитан Соколенков! Ваши документы!

— Пожалуйста...

Он взял техпаспорт, доверенность на машину, личные паспорта. Сверил данные. Взглянул на одного — тот спокойно посмотрел в глаза, а другой потупил взгляд. Это сразу не понравилось Петру, подозрительно стало.

— Проедемте, проверим документы.

Не успели он это сказать, Гошка — сын-семиклассник звонит:

— Папка, грабители угнали машину у Бармасова, в твою сторону поехали. Задержи их!

Услышав неладное, один из мужиков было кинулся на Соколенкова, а тот сразу — шаг в сторону, увернулся, привычно выхватил из-под ветровки пистолет и, дёрнув затвор, ухмыльнулся:

— Ну, что остановился-то?!

Пока они бодали друг друга взглядами, запыхавшийся Гошка примчался:

— Они дядю Мишу Бармасова опоили и машину забрали, а деньги не отдали... Его на «скорой» увезли! — скороговоркой доложил он.

— Вот оно в чём дело... Молодец, сын! В ящике, где инструменты, «браслеты» есть. Одевай на них, а я посторожу.

Защёлкнул Гошка наручники на подозрительно покорных злодеях, а Пётр вынул ключи из замка зажигания, закрыл машину и хлопал по бокам и ногам задержанных, пытаясь обнаружить оружие, если таковое имелось. Ничего не найдя подозрительного, скомандовал:

— Прыгайте... — И указал глазами: — Один в люльку, второй на неё... А ты, — приказал сыну, — сторожи машину.

Надо бы, конечно, сразу отправить задержанных в райотдел, но Соколенков повёз их в опорный пункт, чтобы позвонить дежурному, доложить ситуацию и дожждаться машину с опергруппой.

Мужики молчали, пока он их вёз, да и на месте, пристёгнутые наручниками к решётке, заговорили не сразу, а лишь когда он включил компьютер и взялся за телефонную трубку.

— Погоди докладывать, успеешь. Поговорить надо, — предложил один из них, чернявый, сверкнув нахальными карими глазами.

— О чём? О том, что преступление ваше, можно сказать, раскрыто, но пока не до конца. Осталось деньги найти, где они?

— Какие деньги?

— Какие отняли у владельца машины, предварительно опоив его!

— Соврал мальчишка!

— Мой сын никогда не врёт. Ну, я жду!

Зло сошурившись, один из них переглянулся с подельником, полез к себе под ремень свободной рукой и достал что-то завёрнутое в целлофановый пакет.

— Разверни!

Тот развернул, и Соколенков увидел шесть пачек тысячных.

— Вот и ладненько... Деньги, как вещественное доказательство, я уберу в сейф, а вас определю в камеру до приезда оперативников.

— Погоди, командир... Бери половину и разбегаемся!

— Ловок, мужик! Хотя думаешь, что предлагаешь-то? Ведь это взятка, и в особо крупном размере!

— Он по делу базарит! — подал голос его взъерошенный подельник, нервно трясающий головой и постоянно икавший. — Ну, сдашь ты нас, благодарность от начальства получишь — и что: легче от этого будет? А так при деньгах останешься — машину купишь.

Пётр замялся, подавляя в себе тревогу, подумал: «Позарюсь на чужое — аукнется. Как пить дать — аукнется!»

Увидев его сомнение, чернявый пошёл в наступление:

— Решай, капитан! Когда ещё так подфартит? А так в одну минуту разбогатеешь!

И Соколенков замялся:

— Ладно... — и попытался пересчитать деньги.

— Не сомневайся, — упредил чернявый. — В каждой пачке ровно сто листов. Упаковка банковская, сам видишь. Бери три — они твои!

Соколенков ещё более растерялся, чуть ли не проблеял:

— Ну, хорошо — взял! А дальше что?

— Снимаешь браслеты, мы тебе бьём в пятак, чтобы походило на нападение, и когти рвём. Потом выходим на трассу и ловим машину.

— Хорошо придумали... Мне по башке, сами забираете деньги, а то и пистолет в придачу — ищи вас потом... Сделаем

так, по-моему: я уберу свою долю и оружие со своими документами в сейф, потом выйду и спрячу ключ, только после этого получу от вас на орехи... А на трассу не суйтесь — не каждый остановится. У автостанции всегда бомбили крутятся, сразу в область отвезут. А я часа два не буду сообщать в райотдел.

Он отдал им паспорта, всё остальное запер в сейфе, а ключ спрятал в коридоре. Когда вернулся, снял с задержанных наручники и, готовясь получить удар, зажмурился. И сразу же покачнулся, повалился на пол. Думал, они тотчас уйдут, но они отмузили ногами, да так, что он по-настоящему потерял сознание. Очнулся от голоса Гошки, трясшего за плечо:

— Пап, что с тобой? Это они тебя так?

— Они, они... Который час?

— Да вон часы-то! — указал на стену, где висели старые ходики с гирькой. — Полпервого уже... Я ждал-ждал — весь на солнце сгорел, а потом не выдержал, за тобой поехал.

— Надо бы раньше догадаться... Ладно, езжай домой, да матери ничего не говори.

— Тебе в больницу надо. Вся бровь разбита, губа навыворот, кровь на шее запеклась.

— Принеси воды — умоюсь.

Принёс Гошка из колонки ведро холоднющей воды, но, умываясь, старший Соколенков думал о том, как теперь поступить, чтобы ни у кого не вызвать подозрений. Спросил у сына:

— А что с дядей Мишей? Откуда знаешь, что опоили его и деньги отняли?

— Он сам сказал, пока в сознании был. На крыльцо выполз, стал звать на помощь, ну, я услышал и позвонил в «скорую».

Когда сын уехал, Петр выключил компьютер, достал из сейфа пистолет, сунул его в кобуру под мышку, деньги убрал в карманы ветровки, сразу оттопырившиеся, взял телефонную трубку и произнёс убитым голосом, представив, какая волокита теперь начнётся:

— Дежурный, это Соколенков... Докладываю!

И отправился домой прятать дневной улов: и карпов, и деньги.

3

Пострадавший от мошенников, Бармасов к вечеру маломало пришёл в себя. После многократного промывания желудка его накачали антибиотиками и отпустили по слёзной просьбе домой, дав сопровождающего. Он не собирался долго болеть, но разболелся, душою занемог, хотя любой и каж-

дый занемог бы от двойной, даже тройной потери. Сперва глаза лишился, потом привычной работы, а теперь и любимого «Форда», который, как ему объяснили, временно отбуксировали в отдел, так как он не заводился.

После следственных действий, связанных с заявлением об угоне транспортного средства, машину Бармасову через неделю вернули. Остерегались её полного разграбления; даже несмотря на то, что стояла она во дворе районного отдела, кто-то сумел снять колпаки с колёсных дисков. У хозяина же она будет в лучшей сохранности, пока идёт следствие и будут ловить мошенников.

Машину пригнал Соколенков, узнавший от Бармасова о «секретке», случайно отключив которую, и попались мошенники. Вёл аккуратно, наслаждаясь плавностью хода и представляя, что машина эта — его собственная. Мог и не перегонять, но уж очень хотелось прокатиться на «Форде», потому что все эти дни бездельничал, находясь на больничном, и с заклеенной пластирем бровью и зашитой губой выглядел не лучшим образом.

Так что они оба были пострадавшими, и это, надеялся Соколенков, их должно сплотить. Ведь если бы не его бдительность, то гонял бы теперь вишнёвый «Форд» неизвестно в каких горных краях и с какими номерами. Поэтому он по-прежнему не оставлял надежды уговорить соседа, чтобы тот продал машину именно ему и по сходной цене. Надо лишь подождать два месяца, когда приостановят следствие, не найдя злоумышленников. А что это будет именно так — он знал по опыту. Поважней у оперативников дела есть.

Правда, с каждым днём у Соколенкова оставалось всё меньше надежд на получение машины: сосед и думать не хотел о нежелательной для него сделке. «Вот дождётся окончания двух месяцев и отдаст машину племяннице, теперь уж из вредности. Тяжёлый человек, никогда не поговоришь по душам», — думал Пётр, когда для порядка посещал опорный пункт. Прихрамывая на левую ногу и натужно кашляя, он спешил проскочить дом Бармасова, зло харкая в крапиву и кусты вдоль асфальтовой тропинки, будто в них кто-то скрывался.

Соколенков, конечно, теперь мог купить какую-то другую машину, пусть и не новую, но не хотелось упускать такого благодатного случая. Тем более что после несостоявшегося угона бармасовское внимание могло быть более благодарным. Надо лишь набраться терпения и смотреть, как далее будут крутиться события. Поэтому уговорил Гошку отложить затею с покупкой велосипеда. Именно этим можно бу-

дет потом козырять: мол, все копейки собрали на машину, банковскую книжку разорили, даже сыну в подарок отказали. Правда, Гошку пришлось уговаривать.

— Зато, Георгий, будем на «Форде» разъезжать, — обнадёживал он недовольно фыркавшего сына; сын всё понимал, но такое обещание всё равно казалось ему несправедливым и неизвестно когда осуществимым.

— Тебе хорошо! — укорял он отца. — Сам на машине, а у меня велосипеда нормального нет.

— Ерунда какая... Четыре года — и ты права получишь. Будем гарцевать по очереди. Даже ты больше — мне-то некогда из-за работы. Мне и мотоцикла хватает.

Белобрысый, в отца, Гошка сопел, краснел от обиды, но соглашался. Правда, это очень тяжело и обидно — остаться без велосипеда, пусть даже и променяв его на машину. Но сколько ни страдай, всё равно ничего не изменишь до времени. Именно из-за этого всё вернулось к прежней, привычной жизни. Ни плохо она была, ни хороша — всяк вертелся и думал по-своему.

Вот и Бармасов. Помимо картошки он планировал теперь запастись невероятным количеством закруток, когда-то научившись этому искусству у соседок, которые не только делились кулинарным искусством, но и заодно, между делом, подыскивали ему супругу, но он всякий раз по-юношески краснел и стеснительно отнекивался, и просил не отвлекать на пустяки, не искушать греховными разговорами. И это происходило не только в это лето, но и в другие годы. Когда был моложе, он говорил, что у него всё впереди и его невеста пока не родилась, а созрев и даже перезрев, вздыхал, что, мол, какая теперь пойдёт за такого, хотя не пьющего и не курящего. И от него мало-помалу отстали, особенно когда начали замечать в церкви.

На службы он ходил не только в праздники, но и воскресенья редко пропускал. Набожные и одинокие соседки стали считать его чуть ли не своим, но он всё равно сторонился их, не имея брачных планов и постепенно превращаясь в окончательного затворника. «Копаясь в огороде — ну и копайся, если так нравится!» — за глаза рассуждали они, отступившись в обиде. А его не волновало особенно, что о нём думают. Теперь уж почти никто не помнил, что когда-то у него была гражданская, как теперь говорят, жена Зина. Прожил он с ней почти год, ещё при родителях, так и не ощутив до конца радости женатого человека. Зина была случайным существом, а прибилась к нему, скорее, по недоразумению. Жила она через дорогу, была старше на несколько лет, разведе-

на, детей иметь не хотела или не могла, и главное, очень стеснялась Бармасова, почти никогда не появляясь с ним на людях. Только когда была выпившей, то сама цепляла его за руку и вела по посёлку, словно показывая, что не одна она, и есть человек, который любит. Любил ли он её — Бармасов не знал. Когда она погибла, замёрзнув пьяной в ста метрах от дома, он особенно не переживал, зная, что всё идёт к этому. С тех пор и сам перестал выпивать, хотя по молодости частенько заглядывал в стакан. А после случая с Зиной — как отрезало. И с женщинами у него более не сложилось. Никто по-настоящему не обращал на него внимания, и мало-помалу умерла в нём любовь, какую он собирался подарить той, которая поймёт его. Но не нашлось такой в Кавардакине. А то, что общался с соседками, так они давно считали его своим: не опасным и не завидным. Даже иногда называли его меж собой Маней. Хорошо хоть так. Он же, как только оклемался, навёл в огороде образцовый порядок, на зависть многим. Так что балакать с ними у него не имелось лишнего времени. Своих забот хватало.

А тут как-то приехала из области племянница Аня — выскокая, худая — и, узнав, что едва не угнали «Форда», окончательно позеленела.

— Дядь Миш, правда, что ли?! — чуть ли не закатила истерику. — Ну и как это произошло? Как это вообще стало возможно?

— Слушай, объясняю. Недели две томился, дожидаясь от тебя весточки, пока как-то утром не появились двое нахрапистых мужиков и спросили Бармасова Михаила Сергеевича, меня то есть, а я спросил встречно: «А вы, молодые люди, по какому вопросу?»

— Ну, во-первых, — ответили, — привезли привет от вашей племянницы Анны и письмо от неё. А во-вторых, надо сегодня оформить доверенность на машину и получить с нас деньги, как договорились с племянницей. Она собиралась вместе с нами приехать, но не смогла — младший сынишка заболел. Так что передаём от неё привет и просим показать машину. Прочитал я письмо, написанное вроде тобой, хотя более судил не по почерку, а по тому, о чём ты просила. Мол, надо составить доверенность на Назарова Михаила Артуровича, судя по паспорту, стоявшего передо мной, и развёл руками: «Ну, раз такое дело, пойдёмте во двор».

— Да кто они такие, я их знать не знаю?!

— Но они-то всё знали о тебе и вели себя уверенно. Может, с кем-то договаривалась о продаже, когда искала покупателей, а они всё выведали, но даже если и не у тебя, то у кого-то.

— Многие звонили, но разве всех упомнишь, если объявление в газету давала. Ну, естественно, объясняла, что за машина, где находится. Тебя называла, как владельца. Ну а дальше-то что?

— А что дальше. Осмотрели они машину, сверили номера двигателя и кузова, и чернявый, этот самый Назаров, цокнул языком:

— Берём! Шестьсот тысяч с нас, как и договаривались с Анной. Но для этого надо доехать до нотариуса и оформить доверенность.

— А далеко ли ехать? — спросил у него.

— До вашей администрации. Сегодня как раз нотариус из района приезжает — она и оформит. Минутное дело.

— Ну, я и успокоился. Только попросил их никому не говорить о деньгах. Мол, за сколько купили, то да сё... Сами, мол, понимаете.

— Без проблем, отец, — сказали. — По уму сделаем. Нам тоже огласка не нужна.

Всё так и вышло, как они говорили. Оформил я генеральную доверенность, вернулись домой, они отдали деньги. Шесть пачек. Я пересчитал только одну. Когда пересчитывал, помню, как тряслись руки. Поэтому остальные пересчитывать не стал, только завернул уголки, чтобы не рвать банковскую упаковку, удостоверился в подлинности денег, сказал покупателям:

— Ну что же — полный порядок. Вот вам доверенность, техпаспорт на машину — она теперь ваша.

— Михаил Сергеевич, — попросил Назаров, — нам бы перекусить, а то дорога у нас впереди долгая. Да и вы бы с нами покушали. Насчёт еды не беспокойтесь: колбаса и сыр есть. И хлеб имеется. Вы нам только чайку сделайте... — Что и говорить, хорошо мы посидели, только чаепитие закончилось для меня больницей.

— Дядь Миш, ну как же ты доверился-то? — едва сдерживая слёзы, спросил Анята. — Позвонил бы, хотя куда же тебе, если на машину денег хватило, а на телефон — ни-ни.

— Доверился вот. На тебя сослались. Письмо показали. Что мне оставалось делать? Хорошо, что хотя бы живым остался и машина цела.

— Ну и когда её можно забрать?

— Пока ведётся следствие, машина под арестом, хотя хранится у меня в гараже.

— И долго они будут вести его? До морковкиного заговенья?!

— Почему до морковкиного? Месяц остался. Я узнавал у следователя. Он говорит, если в течение двух месяцев не найдут мощенников, то снимут с машины ограничения.

— Хорошенькая новость. С нашей же машиной они решают, что делать! Сама в городе к юристу схожу — он подскажет, как поступить.

Разгорячённая племянница укатила в область, к своим деткам и мужчинам — их у неё в парикмахерской навалом, а через неделю Бармасову пришло письмо, в котором она печально сообщила: «Всё так и есть. Надо два месяца ждать. И это в лучшем случае. Но ведь осталось совсем немного. Главное, дядь Миш, чтобы ты не передумал!»

А он, если уж чего, решил, то решения своего на ветер никогда не бросал. Без лишних слов написал ответ: «Если обещал, значит, тому и быть! Племяшку нельзя подводить! Так что генеральная доверенность у тебя, считай, есть, теперь сама будешь делать с машиной, что хочешь!» Написал и вспомнил, что за все её тридцать с лишним лет ни разу ничего не дарил. А теперь вон как расщедрился, пусть и с отчаяния, вынужденно. И от такой щедрости, обозначившей крах всем мечтам, наворачивались горькие слёзы. У всех солёные, а у него они именно горькие. И никакие иные.

4

Пётр Соколенков хотя и знал о задумке соседа, но надеялся до последнего дня. До того самого, когда в самую жару приехала к Бармасову племянница, попила на веранде чаю с дядей, подстригла его во дворе, взяла документы — и скорее к машине. Предлагала пять тысяч, мол, телефон купишь, чтобы всегда на связи быть, но он не взял.

— Обойдусь. Деньги от продажи машины используй по назначению! — назидательно сказал Бармасов. — И росомхой не будь. Помни, как со мной обошлись.

— Обязательно и непременно, — обещала она. — Куплю квартиру — тогда на новоселье приглашу!

— Вот и хорошо. А пятёрка самой пригодится — что-нибудь в новую квартиру купишь. У меня теперь пенсия есть. Хоть и инвалидная, но всё же, а через месяц работать пойду.

Расцеловала она его на радостях, зарывшись носом в густую бороду, расчихалась с непривычки и сразу к машине.

— В автошколе научилась-то? — спросил он, наблюдая, как она ловко уселась за руль.

— Где же ещё.

— А ездила ли после обучения?

— И не раз. С подругой на дачу точно на таком же «Форде». Сама вела машину туда и обратно. И всё нормально.

— Всё-таки внимательнее будь.

Племянница вскоре уехала, а Бармасов вздохнул, считая себя свободным от «Форда», свалившем на его шею столько переживаний и даже страданий. Когда он закрывал ворота, то краем глаза увидел подглядывавшего соседа. Соколенков тотчас спрятался, но Бармасов понял, что он проследил, как уезжала племянница на «его» машине, поэтому отправился к соседу и сказал, почти не глядя в глаза, словно действительно был виноват:

— Извини, парень! Не повезло тебе! Не будь Аниютки, я бы машину уступил, но сам же знаешь историю племянницы. Она, можно сказать, сирота. Отца у неё не было почти с рождения — где-то до сих пор пропадает, так что сестра поднимала дочь одна. И когда та в школе училась, и когда на парикмахера, да и потом деньжонок частенько отсылала, пока была жива, ей и двум внукам. Старшему-то семнадцатый год идёт. Жених почти. А всё живут в двенадцатиметровой комнате. Так что не взыщи и обиды не держи.

— Дядь Миш, о чём разговор. Думаешь, я не понимаю ситуацию.

— Ну и хорошо, если так... А с машиной не спеши, уж если покупать, то покупать приличную. Джип, например. Теперь многие полицейские на джипах ездят!

— Давно пора... Жена всю шею перепилила, да и ребята в отделе насмешки строят, но откуда такие деньги — на твою-то не могу сполна наскрести.

От души говорил Соколенков, хотя и уничижительно для себя, потому что ему-то давно не хватало денег, хотя многие не верили, что он такой бедняк. Это-то при погонах? И вот теперь вроде и деньги появились, и лежали они в надёжном месте, а не очень-то с ними сунешься. Обязательно надо переждать какое-то время. Хотя бы до следующей весны. Можно бы, конечно, и сейчас купить подержанную «тачку», но подержанную не хотелось. Только новую, потому что стыдно участковому капитану развезжать на развалюхе.

Хотя Пётр и отговаривался, и не хотел показывать обиду соседу, но она так и сквозила, и Бармасов это хорошо чувствовал. Поэтому, зная, как погано на душе у капитана, ещё сильнее жалел его. Соколенкова же по-настоящему душила обида, и было от чего. Получалось, попусту прослужил он в органах пятнадцать лет, если не научился шустрить, а когда соблазнился шальными деньгами и порадовался подвернувшемуся случаю, то очень скоро пылкая радость прошла, и на

душе стало ещё поганее. Ведь никогда же ни в чём не был замешан, а в тот раз как затмение нашло. Кто-нибудь скажи ему, что он именно так и поступит, — не поверил бы. А теперь не верил и самому себе.

Несколько дней мучился, даже собрался вернуть деньги Бармасову, если уж они ему предназначались, как-то объяснить ситуацию и попросить оставить их разговор в тайне. Ведь он-то ничего не потерял: с машиной поступил по собственному усмотрению, да плюс деньгами разживётся. И хотя деньги лихоимские, такие, говорят, счастья не приносят, но пусть он сам потом думает вместе с племянницей, как с ними поступить. Но для этого, чтобы всё рассказать, надо переступить через себя, согнуть в дугу, но не получалось пока этого. Силёнок не хватало. Оставалось изредка заглядывать в гараж, проверяя деньги и опасаясь, что их могут погрызть мыши. Потом догадался убрать их в металлический футляр от тракторной аптечки, когда-то подаренной Бармасовым.

Изменившееся настроение и поведение Соколенкова заметила жена. Всегда спокойная, улыбчивая, бывало, смахнёт светлую чёлку, глянет ясными глазами и ничего не скажет, лишь вздохнёт загадочно, словно знает какую-то тайну, но до поры не хочет говорить о ней. А тут как-то спросила озабоченно, даже печально:

— Петь, не пойму, что с тобой происходит? Уж и болячки давно прошли, а всё равно ты какой-то чудной... Не нравится мне это.

— Не выдумывай, Нин!

— Не выдумываю... Сходил бы к врачу, обследовался, глядишь, какое-нибудь лекарство назначил. А то ведь ты ночами начал кричать. Всё чего-то о деньгах говоришь, да о машине какой-то.

— К психиатру, что ли?

— Хотя бы и к нему.. А если о машине беспокоишься, то ещё немного подкопим и купим. Все так делают.

Пропустив слова жены о машине, напряжённо сощурился:

— К психиатру только попади — сразу на учёт поставят и в один миг из органов вычистят. А мне до пенсии осталось всего ничего. А если вычистят, то куда я пойду, если нет никакой другой специальности?!

— Выучишься на кого-нибудь, зато нервы сохранишь. Это у тебя ещё с прошлого раза затмение держится, ну, когда мошенники избили. Ведь до этого же нормальным человеком был. Всегда весёлый, радостный, с Гошкой занимался. А теперь? Злым бирюком на нас смотришь. Я уж иногда боюсь

тебя, особенно по ночам. То кричишь, а то вцепишься и душишь начинаешь.

— Вот это приврала!

— Чего приврала-то... Во, гляди, — показала она на собственную шею с синеватым подтёком, замазанным каким-то кремом. — Еле вчера отбилась. Надо бы водолазку надеть, чтобы не срамиться, да погода не позволяет.

Пётр лишь отмахнулся, давая понять, что не верит жене, но когда эта история повторилась, сам перебрался спать на диван, изолировав себя в ночное время от Нины. Она это восприняла спокойно, даже радостно, когда же он начал куда-то с вечера уходить, а возвращаться на рассвете — озадачилась. Спросит, где пропал, а он лишь отмахнётся: мол, служебная тайна, огласке не подлежит. Действительно, как объяснишь жене, что поступила информация о том, что с тока по ночам зерно машинами тягают. А кто — загадка. Конечно, можно бы прижать сторожа, но тот тёртый калач, ни за что не проговорится. Поэтому пришлось засады устраивать. Три ночи попусту томился в кустах. С рассветом возвращался домой и пытался к Нине под бочок приткнуться, а она молча брала за руку и отводила на диван:

— Вот твоё место!

Когда собрался и четвёртую ночь провести в засаде, Нина предупредила:

— Если и сегодня уйдёшь, то можешь оставаться там, куда с таким нетерпением рвёшься!

Соколенкову же сделалось до невозможности обидно от такого укора и недоверия. Не утерпел, проявил норов, сказав с намёком:

— Если так говоришь, то назло пойду! Разве можно забросить приятное мероприятие.

А та обиделась еще больше:

— Иди-иди! Я ведь так и знала, что завёл какую-то маруху!

Ему бы доложить всё как есть, что, мол, необходимо поймать преступников и тем самым обелиться перед начальством, перед которым сплеховал в истории с залётными мошенниками, но вместо этого Пётр ничего не стал разжёвывать — молча ушёл.

Опять протомился до рассвета в кустах, уж собрался домой, глядь, «КамАЗ» пылит. Затаился Соколенков, наблюдает. А ворота тока перед грузовиком тотчас открыли, видно, ждали голубчика, и слышно стало, как вскоре загудел погрузчик. Соколенков напрягся в сладостном предвкушении, словно охотник перед добычей, ещё немного — и она сама окажется в руках. Но для этого надо дождаться, когда закон-

чится погрузка, чтобы взять расхитителей с поличным. И вот вскоре замолк погрузчик, стукнула какая-то железяка, и стало видно, как кузов «КамаЗа» поплыл к воротам. Когда же они закрылись за машиной, то Соколенков выскочил на дорогу и достал для убедительности пистолет. Поднял стволом вверх, дал знак шофёру: тормози! Тот остановил машину, спросил, высунувшись в окно:

— В чём дело, капитан?

— Будьте любезны, предъявите путёвку, накладную на зерно...

— Да ладно тебе... Зерно бросовое — рыбам на корм... Директор попросил отвезти.

— Отлично. Поехали, спросим у него.

Забрался Соколенков в кабину и понукунул:

— Ну, вези! Или дорогу не знаешь? Ведь, вижу, не местный!

— Что мне нужно сделать, чтобы мы договорились и расстались друзьями?

При этом вопросе Пётр сразу вспомнил недавних мошенников.

— Никаких договоров. Поехали, дорогу я покажу.

Прибыли они к нужному дому, Соколенков приказал:

— Сигналь!

Шофёр посигналил, из окна почти сразу выглянул директор, тряхнул спросонья взлохмаченный седеющей головой.

— Выйди, Сергей Алексеевич, познакомься!

Через минуту тот вышел, на ходу застегивая рубашку, подошёл к машине.

— Знаешь такого? — спросил Соколенков, указав на шофёра.

— Вроде нет. Чего он хотел-то?

— Чего хотел, он уж получил. Загляни в кузов, посмотри, чем он затарился у тебя!

Директор, встав на скат, заглянул через наращенный борт, и чуть не упал:

— Мать честная...

— Тогда забирайся в кабинку, поехали протокол составлять.

Всё утро проваландался Пётр с этим составлением. То заведующего зерновым током искали, то свидетелей, то отлавливали сторожа и отловили в поликлинике, отправившегося за больничным якобы из-за поднявшегося давления. А в конце этой эпопеи пришлось сопровождать машину в район. Когда же сдал шофёра и сторожа оперативникам на руки, то с не очень лёгкой душой отправился домой. И особо не спешил, стараясь так подгадать возвращение, чтобы Нины, проходящей из своей электрической конторы на обед, дома не оказалось. Правильно подгадал. Спокойно умылся, пообедал, обдумывая предстоящую с ней встречу, и со спокойной

душой рухнул спать, зная, что правда на его стороне, и проспал до вечера.

Случай с задержанием машины с зерном помог Соколенкову восстановить доверие и жены, и начальства. И если с этих направлений пришло относительное спокойствие, то отношение к соседу с каждым днём ухудшалось. Пытался, но не мог простить ему законное право по-своему распорядиться «Фордом» даже и тогда, когда тот пришёл с объяснениями, не желая ссориться, но всё равно обида, подобно зловредному жучку-короеду, точила и точила. И от этого становилось вдвойне обиднее: вроде и есть какие-то деньги, а не вот-то покажешь их — приходилось таиться. Иногда он доставал из железной коробки завёрнутые в газету пачки, с радостным замиранием пересчитывал купюры, словно они могли пропасть, и, вздохнув, убирал с глаз долой.

Так и жил в сомнениях, не зная, что дальше будет и как себя вести: по-прежнему угнетаться или махнуть на всё и вся.

5

Более или менее управившись с огородом, с грибами, Бармасов начал ходить на работу. Сперва спокойно готовил школу к учебному году, потом, когда появились школьники, было непривычно чувствовать себя среди гомонящих ребятишек, но он быстро приспособился, стараясь не мелькать на переменах — переждал у себя в комнате, где стоял стол, стеллаж с инструментами, верстак с тисками и кресло с вытертыми подлокотниками, неизвестно как и когда попавшее сюда. И вообще старался не мелькать на людях. Придёт пораньше, подметёт у входа, а после копается в комнатке. Когда на двери кто-то начеркал мелом заграничное слово «Office», Михаил Сергеевич тотчас стёр надпись мокрой тряпкой, посчитав её матерщиной, но когда она появилась вновь, то позвал директора и, указав на слово, попытался оправдаться:

— Видите, что творится? Непотребство это удалял уже, но детишки продолжают хулиганить. Поговорите с ними!

— Поговорю, конечно, с учителями, но в любом случае вы не огорчайтесь. Слово это цензурное, означает место работы, кабинет — офис по-английски. Так что ничего страшного.

— Тогда пускай по-нашему пишут, нечего изгаляться. А то моду взяли! — Он в присутствии Зои Львовны уничтожил рукавом надпись и сказал примирительно: — Вы уж не обижайтесь на меня. Моё дело предупредить...

Он, конечно, сконфузился от своей пустой подозрительности, поэтому, когда на следующий день надпись появилась вновь, не стал обращать на неё внимания: офис — так офис. Зато разговор

с директором помог наладить отношения, теперь Зоя Львовна относилась к нему по-свойски, как, например, к соседу.

— Михаил Сергеевич, — как-то сказала она, выразительно посмотрев маслянисто-чёрными глазами, — хочу сообщить, что ваше присутствие в школе будет особым. Не обязательно сидеть истуканом в офисе, отбывая время. Нет заявок или какой-либо другой работы — можете идти домой, но если возникнут проблемы, срочная необходимость, тогда ваш день станет не нормированным. Имейте это в виду.

Директриса хотела показаться доброй, и это Бармасов оценил, но почему-то так получалось, что в первые две недели он приходил рано и уходил затемно. А потом мало-помалу стал появляться после обеда, когда школьники разбежались. Ему так было спокойнее: он по-прежнему не стремился на люди, находя в одиночестве спокойствие душе. Уж такой человек. И вряд ли кто мог переделать его.

Он даже с мужиками-соседями редко общался. Ведь у них, как соберутся, обязательно разговор о выпивке заходил, а он всегда отказывался. А когда уж они слишком донимали — давал денег, лишь бы отстали. Мол, выпейте за моё здоровье. Они выпивали и приходили к нему домой — просить взаймы. И не только соседи. Чаше других просил Глеб Рассохин, живший на дальней улице. Никто не знал, чем он занимался, но никто этим не интересовался, потому что даже Соколенков его не трогал, будто соблюдал тайную договорённость. Бармасов остерегался его — крупного, всегда коротко стриженного, самоуверенного и оттого нахального. Ему давал денег взаймы, не спрашивая, когда вернёт, и не верил его пустым обещаниям. В общем, набаловал его да и всех выпивох. Теперь же был законный повод отказать в их пакостных просьбах.

— Да откуда деньги, если машину купил и племяннице отдал. Это все знают, — отговаривался Бармасов, когда в очередной раз Рассохин начал вымогать. — Было время — не жалел, сам знаешь.

— Михал Сергев, если тебя потрясти хорошенько, то ещё можно кое-чего наскрести. Так что не жмись!

— Не, Глебушка, теперь бесполезно. Работаю в школе — получаю копейки. Это не в прежние годы, когда на комбайне заруливал!

— А я от кого-то слышал, что ты бумагу канцелярскую продаёшь втихую.

— От кого слышал, с тем и обсуждай. Или сразу к Соколенкову иди, а ко мне более не цепляйся с такими пакостями! — зло пуганул Бармасов и закрыл перед Рассохиним дверь.

И это неожиданно подействовало. Оказалось, когда добром просишь — не понимают люди, а стоит только проявить характер — сразу в кусты. Так и с другими начал поступать. Потихоньку-помаленьку отвалил всех выпивох. И радовался этому: никто теперь за горло не возьмёт, и нахальничать не будет, обзывать по-всякому. Всё-таки теперь он не простой механизатор, а человек другого назначения. Очень нравилось, как к нему относилась Зоя Львовна. С ней у него сразу сложились свойские отношения, особенно, когда она пригласила домой починить плохо закрывавшуюся дверь. Работа пустяковая, как оказалось, — всего-то укрепить петли, из-за которых дверь осела и тяжело закрывалась. Бармасов к этому дню знал, что директриса — вдова, поэтому не стал задавать лишних вопросов. И от денег отказался, когда она захотела отблагодарить его, даже стала настаивать, достав из сумочки сотню:

— Возьмите, пожалуйста, Михаил Сергеевич! Хотя и невелики деньги, а в хозяйстве пригодятся.

Он категорично отказался, а она и в дальнейшем стала пользоваться его добротой. Чуть чего, сразу с вопросом:

— Вы не могли бы помочь?

И он никогда не отказывался, понимая, что своим вниманием лишь сильнее располагает к себе Зою Львовну, и без того уважавшую его. А когда есть уважение от начальства, то и работа в радость. Уважали его и учителя, хотя всегда обращались по отчеству, что Бармасову не очень-то нравилось. Ему хотелось, чтобы для всех он был просто Сергеевичем. Но так называл его только Алексей Пронин, учитель физики — тоже простой человек, с которым можно было легко поговорить о чём угодно. Наверное, оттого, что он жил на его Хуторской улице — всего-то через пять домов. Особенно он сделался уважительным, когда приладил выпивать в комнатке Бармасова. Зайдёт после уроков, чекушку махнёт, наговорится вдоволь, словно на уроках не наговорился, и улизнёт через чёрный ход, предварительно попросив посмотреть: нет ли кого в коридоре.

— А что, дома-то нет возможности выпить? — как-то спросил Бармасов, закрывая за ним дверь.

— К сожалению, не имеется. Жена строгая. Не разрешает. Мол, плохой пример для сына.

— Запах-то всё равно учует.

— Запах к делу не пришьёшь! — отшутился Пронин.

Он всегда шутил и казался рубахой-парнем, но всё равно что-то в нём настораживало, словно он говорил одно, а на уме таил другое. А вот что — загадка? Другой бы попытался

её отгадать, а Бармасов особенно не заморачивался: ходит мужик, ну и пусть ходит — ничего плохого-то не делает и денег в долг не просит. Даже как-то помог менять столб на воротах. Шёл мимо и, увидев Бармасова, пыжившегося в одиночку, остановился, спросил уважительно:

— Помочь?

— Помоги, Алексей, а то одному не с руки.

Установили они столб по отвесу, а Бармасов вздохнул:

— Надо бы это летом сделать, да что-то упустил такую возможность.

— Да нормально, Сергеич! Всё невозможно предусмотреть. Так что если ещё в чём появится нужда — говори, всегда помогу.

— Буду иметь это в виду, — сказал он и подумал, когда Пронин ушёл: «Вот и помощь-то от него ничего не значащая, а всё равно приятно. Уважение человек проявил, не мелькнул мимо!»

С этого дня они ещё более подружились, стали словно отец и сын. Единственное, что не нравилось в Пронине — это то, что он частенько выпивал. Даже как-то хотел ему сказать об этом, но сдержался: всё-таки взрослый человек, учитель — неловко как-то наставлять уму-разуму. Да и всё равно своего ума не дашь.

Увлёкшись новой работой, Бармасов не замечал, как летело время, даже на какое-то время подзабыл соседей, племянницу, а когда вспомнил, то огорчился: ведь Анюта так и не показала с тех пор, как забрала машину. Он не ожидал особенного к себе внимания, но письмецо-то могла бы черкануть, сообщить, продала ли машину, что с жильём намечается. Или своего добилась и привет с кисточкой.

Появилась Аня лишь перед Новым годом. На его «Форде», только номера другие. Приехала в выходной не одна — с сыновьями: старшим Алёшкой и младшим Ромкой, пятиклассником. Бармасов ещё не проснулся как следует, слышит, кто-то стучит в окно. Пригляделся — Анютка красной курткой мелькает. Вот так гостя! Открыл дверь, подивился на её сыновей, которых не видел после смерти сестры. Оба вытянулись, особенно старший, усики обозначались, голос мужицкий. Прощли в дом, а у хозяина, как на грех, ничего из еды не приготовлено. Начал он хлопотать, но Аня остановила:

— Дядь Миш, не суетись. У нас всё есть, лишь разогреть надо.

Она достала из сумки котлеты, разложила по тарелкам помидоры да огурцы солёные, явно с рынка. Даже картошку жареную в кастрюле привезла, а к ней рыбу красную и ба-

ночку икры, тоже красной. Через двадцать минут стол был накрыт и уставлен бутылками с лимонадом и прочими газ-напитками, пока Бармасов говорил с Ромкой, расспрашивая его о школе, о том, какие оценки получает, ходит ли на секции, знает ли, как по-английски писать слово «офис». В общем — обо всём.

Когда уселись, Михаил удивился:

— Это откуда же такое богатство?

— Зря, что ли, с утра до вечера у кресла стою! — похвалилась племянница и разлила лимонад по стаканам, вздохнула радостно: — Жаль, что за рулём, а то могли бы шампанского выпить. Ну да можно и лимонадом отметить, тем более что ты, дядь Миш, не употребляешь.

— А есть причина, за что выпить?

— Причин — уйма: тут и Новый год на носу, и машину можно обмыть. И, — она счастливо задержала дыхание, — квартиру! Да-да — квартиру!

— Это, конечно, хорошо, но что-то я не пойму — всё в кучу смешала!

— Да всё просто. Два года по ипотеке строила квартиру, а недавно дом сдали. Так что Новый год будем встречать на новом месте.

— И машину не пришлось продавать?!

— Обошлась. На себя её оформила. Поезжу годик-другой, а потом будет видно.

— Ну и хорошо, что всё так получилось. Везучая ты. Теперь у вас и квартира, и машина. Живи — не хочу! А деньги, действительно, тьфу. Бумажки.

Они выпили холодного лимонада, загремели вилками. Глядя на гостей, Бармасов впервые подумал, представив, что это приехала в гости собственная дочь и внуков привезла. И понял, какое это счастье — иметь детей. Давно так не думал, а сейчас само собой пришло. Но почти сразу и другая мысль прицепилась, когда вспомнил соседа Тимофеева. У него два сына, а спросите его, когда он их видел? И не вспомнит! И если один где-то на Амуре живёт — ему простительно, то второму-то сам бог велел навещать из соседней области. Но нет: как пять лет назад мать умерла, то будто отрезало у них желание ездить в Кавардакино, словно здесь прокажённые живут.

— Дядь Миш, на Новый год устраиваю новоселье. И тебя приглашаю! — отвлекла от мыслей племянница.

— Спасибо, конечно, но куда уж мне.

— Приезжай, дедушка Миша, весело будет и прикольно! — подал голос аккуратно постриженный Ромка.

— Ладно, сообщите на всякий случай адресок...

Он обещал приехать, но заранее знал, что не поедет, не станет пугать за столом незнакомых людей. Это со своими более или менее привычно, а если где-то оказывался в незнакомой компании, особенно с молодёжью, то все только и смотрели на него. Старались это делать незаметно, но он-то перехватывал любопытные взгляды и не обижался на людей, нет. Чего же обижаться, если у него судьба такая — притягивать к себе внимание.

Они пообедали, наелись бутербродов с икрой, напились чаю, а когда Аня собралась уезжать, то записала теперешний свой домашний адрес, напомнила:

— Так что 31-го числа ждём! И чтобы без опозданий! Найти просто. От автовокзала маршрутки ходят. Район называется Семчино.

— Так всё и сделаю!

Уже перед самым отъездом он спустился в подпол, достал две трёхлитровые банки с маринованными огурцами и помидорами, протёр их и сказал, улыбнувшись:

— Это к новогоднему столу, чтобы на себе не везти!

Они ещё поговорили о том, о сём, Бармасов рассказал, как побывал в сентябре на могилке Аниной матери, покрасил оградку, убрался под зиму.

— Так что не беспокойся, — попросил он, когда расставался с племянницей и её детьми, — за порядком, пока жив, буду следить.

— Спасибо, дядь Миш, теперь мы на «колёсах» и будем почаще ездить.

— Ну и дай Бог! А помидоры-то с огурцами зря привезла. У меня этого добра — полный подпол, — доложил он, похвалившись.

6

Пётр Соколенков встретил Новый год безрадостно, даже можно сказать, что не встречал. Обычно-то в эту ночь либо сами шли в гости, либо приглашали к себе, а теперь настроения у него не оказалось. Имелось ли оно у Нины и Гошки, его не интересовало. Гошка, правда, собирался в новогоднюю ночь на поселковую дискотеку в доме культуры, но Пётр не отпустил.

— Мал, чтобы по ночам шастать! — в назидание строго сказал Соколенков.

Ничего Гошка не ответил, не желая портить отношений, которые обязательно пригодятся в будущем, когда они купят машину. Вздохнув, остался дома и помогал матери готовить новогодний стол. Сам же Пётр лежал в спальне, даже решил

вздремнуть за несколько часов до полуночи, по опыту минувших лет зная, что в новогоднюю ночь обязательно что-нибудь случится в Кавардакине. Хотел вздремнуть, но не удалось. Мысль об утекшем «Форде» по-прежнему не давала покоя. Но это теперь бесполезные переживания, и он думал о том, что вполне можно купить, если уж не новую тачку, то вполне приличную. К этому-то нет препятствий. Ворочался-ворочался, думал-думал — вот и полночь явилась. Встал, пришёл к столу, выпил бокал шампанского вместе со всеми. Новый год встретил, а радости никакой. Хотел сходить в дом культуры, посмотреть за порядком, но передумал и лёг спать по-настоящему, зная: в случае чего — позвонят или прибегут.

Опять не спалось, но к утру, когда Гошка с матерью насмотрелись телевизионных передач, он мало-помалу сморился. Проснулся разбитым. От безделья пошёл чистить снег около дома. Час, наверное, спустя, вышла Нина, укорила:

— Чего ты с утра лопатой-то взялся махать?! Сейчас Локтионовы звонили — звали в гости.

— Обойдётся. В гости ходить — тратиться на подарки.

— Ну, как хочешь, — обиделась жена. — Дуроломным стал. Ни о чём не договоришься с тобой.

— Какой есть! — Не стал он объясняться.

До гостей ли ему, если в голове так и сверлила мысль о машине. Даже сам себя не узнавал. Ведь жил же все годы, никому не завидовал, разъезжая на мотоцикле, пусть и не новом, но крепком, проверенном, на котором в любую распутицу не пропадёшь. Но с появлением «Форда» у соседа всё в Соколенкове перевернулось, будто и не жил он до этого события, а тлел, постепенно угасая душой. Вот уж и сосед давно остался без машины, а обида на него всё жила и жила, и не хотела проходить.

После Рождества Соколенков решил съездить в область и потолкаться у тамошнего автомагазина, прицениться на толкучке к машинам. Съездил и понял, что его затея разваливается на глазах. Развалюху покупать не хотелось, а на более или менее приличную средств не хватало. Даже с теми деньгами, какие у него хранились в гараже.

Возвращаясь, он понял, что затея с машиной пока лишь мираж, который вроде бы виден, но его не ухватишь — ускользает он из рук, как призрачная жар-птица: поманила пушистым хвостом, и нет её. И от всего этого получалось, что надежды последнего времени, из-за которых он столько перенёс переживаний, оказались напрасными. Или пока напрасными. А если с другой стороны взглянуть, то почему бы не купить что попроще. Кто бы его спросил, откуда деньги.

Если купил, значит, были. Если были, значит, заработал. Ведь никто и никогда не мог упрекнуть мздоимством. Да, по мелочи что-то прихватывал: парочку карпов в рыбхозе «конфискует», мешок зерна иногда для кур добудет — не без этого, но чтобы по-крупному — никогда, ни-ни. Только в тот раз лукавый попутал и обхитрил, не иначе. От мыслей, от обиды, даже растерянности у него до невозможности разболелась голова на обратном пути. Он чувствовал боль на каждой колдобине, когда автобус резко подбрасывало, чувствовал её даже и тогда, когда колдобин не было.

С ним стало плохо, не доезжая километров пяти до Кавардакина. Он даже сперва этого не понял. И догадался, что с ним случилось, на конечной станции, когда пассажиры вышли, а он не смог встать. Лишь что-то замычал, обращая внимания водителя, молодого парня, недавно демобилизовавшегося.

— Дядь Петь, чего такое? Вроде трезвым был! — Не сразу обратил тот внимание на одинокого пассажира, не торопившегося к выходу. Он выбрался из-за руля, обошёл «пазик», косолапо поднялся в салон, потормошил Соколенкова и всё понял: — Плохие дела, дядь Петь, поехали сразу к врачу!

В местной больнице Петра продержали лишь до следующего дня. Перед обедом, после обхода, перевезли на «скорой» в районную. Везли с сопровождающей медсестрой и Ниной, отпросившейся с работы. Соколенкова поместили в реанимацию, а плачущую Нину отправили домой, снабдив телефоном дежурной медсестры и сказав, что пролежит её мужёнок в реанимации не менее недели, так что ранее этого срока в больнице делать нечего.

Через неделю Соколенкова перевели в общую палату, и Нина стала ездить к нему: ухаживать, кормить из ложки. Тяжело и медленно восстанавливался Пётр. Его даже врачи и медсёстры жалели, вздыхали, разговаривая между собой:

— Молодой такой, и уже инсульт.

— Так ведь — участковый. Это какие нервы надо с нами иметь!

Выписали Петра через три недели. Пытались научить ходить, но так пока и не научили. Немного говорить он выучился сам, тяжело, но вспоминал нужные слова. Говорил плохо, но его понимали, особенно, когда чего-нибудь просил. Скажет: «Воды, воды!» — значит, пить хочет. Или: «Куша-куша...» — значит, еды просит, но ел на удивление мало. Нина, взявшая отпуск, ничего для него не жалела. День и ночь находилась рядом. При каждом звуке, каждом движении заглядывая в глаза, пыталась отгадать, что он хочет сказать

или о чём-то попросить. И то ли время, то ли её забота и внимание сделали своё дело. Или просто Пётр чувствовал любовь жены. Жестом покажет, чтобы присела к нему на кровать, обнимет здоровой рукой и, вместо слов, заплачет. Она успокаивала, зная, что ему нельзя волноваться, старательно вытирала слёзы платочком, заодно и сама начинала реветь. Так и сидели, обнявшись и бесконечно всхлипывая.

Однажды их увидел сын. Подошёл, посмотрел и присвистнул:
— Ну, вы даёте!

Услышав сына, Пётр встрепенулся, сказал жене на удивление внятно:

— Вел-сипед... Гоше... купи... Вес-на... ско-ро... — и заплакал, но плакал недолго, словно знал, что слёзы показывать сыну необязательно.

С этого дня он стал на глазах поправляться. Вышла как-то Нина из спальни, а вернулась — он стоит около кровати, придерживаясь за спинку. Нина перепугалась:

— Что же один встал, ничего не сказал — так ведь и свалиться можно. Ну а если поднялся, то пойдём по комнате пройдемся, — смягчилась она, понимая, что кричать на мужа в такой момент нельзя. — погоди — половики уберу.

Она убрала половики, поглядывая на Петра, боясь, что тот упадёт. Но нет, удержался, и когда вернулась к нему, ухватился за её руку, сделал робкий шаг.

— Ничего, Петенька, ничего. Помаленьку научишься. Левая сторона, она всегда отходит. Не заметишь, как вьюном будешь вертеться. Нам нельзя долго хворать. Весна вот-вот начнётся, картошку да другие овощи надо будет сажать.

Она промолчала, не стала говорить о том, что о велосипеде теперь и мыслей нет, если потратила почти все деньги, хранившиеся у Петра в Сбербанке, по знакомству уговорив заведующую выдать их, а что купила? Да ничего особенного: на лекарства да подарки врачам и нянечкам ушли, да что-то потратила да еду. А сама-то, между прочим, и один отпуск отгуляла, и второй подходил к концу, который «гуляла» за свой счёт. Какой тут велосипед.

И всё-таки её радовало, что Пётр с каждым днём всё более становился прежним, каким она знала его с самого знакомства. У него и сила в больной руке появилась, хотя по-прежнему еле шевелилась. Как-то зашла к нему, а он взял её руку в свою, да как сдавит — она чуть ли не вскрикнула и на радостях обняла его, расцеловала:

— Вот видишь, ещё немного и восстановишься!

И Пётр мало-помалу расхрабрился, поверил в себя. Начал со стулом ходить по дому. Сам добирался до стола, помалень-

ку двигая и стул, и ногу. Нина не могла нарадоваться. Радовалась ещё и по той причине, что после выходных собралась на работу, а то уж начальник звонил и предупредил, что не может её ждать бесконечно, всему предел есть.

— Или выходи на работу, или увольняйся! Счета обрабатывать некому! — так и заявил.

Уволиться-то недолго, а что потом делать. В «Энергосбыте» хотя небольшая, но всё-таки зарплата, хоть какие-то, но деньги.

Нина вернулась на работу, а Пётр теперь оставался один. А одному скучно до невозможности. К тому же надо было заниматься лечебной гимнастикой. Вот и лежал целыми днями Соколенков поверх одеяла и пытался рукой махать. Сделает десять взмахов — передохнёт. Отдышится — ещё десять движений. А то пытается ногу сгибать. Здесь счёт до пяти. Передохнёт и всё заново. К тому времени, когда прибежит Нина на обед, чтобы накормить его, да и самой перекусить, Пётр окончательно выдохнется и от усталости заснёт. Она рада бы покормить, да будить не хочется. Оставит еду на плите и записку Гошке, чтобы покормил отца. А он когда покормит, когда забудет, или, не хуже матери, если отец спал, то не решался будить его. Он и спал до прихода жены. Так и проходило время: день за днём, неделя за неделей.

Пётр медленно, но выправлялся. Нога и рука наливались силой, разговаривать стал почти нормально. Как-то Нина прибежала на обед, а он сидит на кухне за столом и суп ест. Она обомлела от радости:

— Ой, счастье-то какое!.. Суп-то холодным, что ли, жвыкаешь?

— Почему — разогрел. Правая-то рука у меня способная: плиту включил, супу налил — вкусный сегодня! — говорил он трудно, некоторые слова плохо выговаривал, но положительные изменения были налицо.

— Суп обычный, это тебе показалось с голодухи. Глянь, в кого превратился-то со своей гимнастикой — кожа да кости!

— От этого и польза пошла. Вес — меньше, нога лучше ходит, да и рука способнее — вот хлеб сам держу!

Натомившись одиночеством, он при появлении Нины мог говорить бесконечно. Это хорошо, но пообедав и устав от разговора, пусть и недолгого, он чуть ли не за столом засыпал, и тогда жена аккуратно отводила его на кровать. Уложив и накрыв одеялом, убегала на работу. Сыну же оставляла записку о том, что отца покормила, и радовалась, что дело пошло на окончательную поправку.

Поэтому Нина не удивилась, когда тёплым апрельским днём, спеша на обед, увидела на крыльце похудевшего Петра, гревшегося на солнышке. Он закрыл глаза, на лице его высветилась малозаметная улыбка. «Вот счастье-то!» — подумала она.

— Ну, ты герой у нас! — оповестила Нина, тоже исхудавшая за последние месяцы. — Сам добрался или Гошка помог?

— Гошка в школе...

— Молодец, ничего не могу сказать. Давно сидишь-то?

— Да уж час, наверное.

— Тогда пошли обедать, да и нельзя пока долго находиться на солнышке, тем более с непривычки.

Она помогла ему подняться и повела в дом, заметив, что он без особенного напряжения перешагнул порог, подумала: «Бог даст, всё наладится!»

И действительно, мало-помалу Пётр окреп, загорел и начал выходить на участок. Правда, не был он прежним Соколенковым — живым и подвижным, неунывающим и бесконечно радостным. Теперь многое изменилось в его характере и в настроении. Нина всё это списывала на болезнь, но он-то знал настоящую причину, хотя и старался не ворошить грустные мысли, потому что от них поднималось давление и начинала болеть голова. Да, знал, что виной всему — прошлогодние деньги, в сохранности которых он убедился, заглянув после зимнего перерыва в металлическую коробку, где они хранились. Три тяжёлые, тугие пачки ждали, когда хозяин правильно ими распорядится. И чтобы не терзаться, не мучать себя и забыть лихую прошлогоднюю историю, за которую, как догадывался Пётр, Бог наказал его, он решил вернуть деньги Бармасову. Все триста тысяч. Понятно, что тогда пришлось бы рассказать о прошлогоднем происшествии, но это теперь не особенно волновало. Главное, чтобы Михаил Сергеевич понял его душевное состояние, его порыв. Он хотя и тугодумный и не особенный охотник до разговоров, но просто обязан будет войти в его незавидное положение. А уж как отнесётся к деньгам, как использует — его забота. Не захочет себе взять, пусть в детдом отдаст или в церковь. Везде будет польза. Главное, что он, Пётр Соколенков, скинет с себя непомерный груз, который устал нести все последние месяцы.

Он уж давно знал график работы соседа и однажды подкараулил, когда тот отпраивался на работу. Жена с сыном к этому времени разбежались кто куда, а он приготовил деньги и уселся на крыльце, дожидаясь Бармасова. А вот вскоре и он появился, вышел из дома. Соколенков окликнул:

— Привет, соседущка! Зайди — дело есть! — и поманил.

Бармасов молча подошёл, посмотрел исподлобья, туго спросил:

— Оживел? Давно пора. А то ишь — моду взял: от работы отлынивать.

— Пойдём в дом, разговор есть.

— Говори здесь, некогда мне канителиться.

— Нет-нет-нет — только ко мне. Разговор серьёзный, такие на улице не решаются.

Соколенков пропустил соседа вперёд и, подволакивая левую ногу, заковылял следом. На столе в кухоньке стоял чайник, две чашки с блюдцами, бутерброды с колбасным сыром.

— Присаживайся, чайку попьём! — пригласил хозяин.

— Ну, присел, и что дальше? Ведь, чую, неспроста позвал!

— Так и есть, Михаил Сергеевич. Разговор у меня к тебе великий, а вернее сказать — просьба о прощении... Помнишь, прошлым летом у тебя чёрные мужики машину покупали, но промахнулись, утекли восвояси.

— Помню, как не помнить, если в больницу загудел. Да и тебе тогда досталось почём зря.

— Досталось не только на орехи, но и кое-что осталось от тех жуликов, — Пётр достал из карманов деньги, положил перед Михаилом Сергеевичем. — Думал, что пригодятся в жизни, машину мечтал купить, а получилось, что из-за них, будь они неладны, инвалидом стал. Так что забери, они твои, тебе предназначались.

— Не понял. Как это забрать, ведь машина-то у меня в тот раз осталась. А деньги эти ты уж сам заработал. Уж не знаю как, но заработал.

— А я тебе скажу, откроюсь как на исповеди: мошенников тех я сам отпустил, позарился вот на эти пачки, которыми они откупились. Из-за них и все беды на меня свалились.

— Хочешь, чтобы они на меня перекинулись. Я не согласен. Живу без денег и впредь проживу, хотя и бедно, но кто из простых людей сейчас купается в достатке, зато живу вольно и сплю спокойно. Так что не возьму, и не проси.

— Может, подумаешь?

— Нет, нет и нет!

— Тогда хотя бы не говори о нашем разговоре никому, не срами. Меня и так Бог наказал, сам знаешь, сколько я всего испытал. Так что не наказывай второй раз.

— Все под Всевышним ходим, никому не дано знать, что будет с нами завтра. А треплом я никогда не был... Извини, мне надо идти.

Соколенков до невозможности огорчился от неудачи. Получалось, не добился, чего хотел, а только выдал себя, хотя и

успокаивал, надеясь хоть маленьким утешением очистить совесть: «Ведь сделал же я шаг навстречу, покаялся — и это мне обязательно зачтётся!»

7

После памятной встречи Бармасов остерегался соседа, всячески сторонился, будто не Соколенков покаялся, признавшись в поганом деле, а он сам всё так ловко подстроил, чтобы вовлечь его в неприглядную аферу, и теперь ходил, окончательно потупив взгляд. Ругал себя, что поддался минутной слабости и отправился в гости, но, с другой стороны, посмотреть — сосед всё-таки, к тому же больной. Как отказать? Но лучше бы отказал, чтобы не брать чужую заботу на себя.

И быть может, это переживание мало-помалу улеглось бы, но через неделю пришла Нина, и сразу с вопросом:

— Михаил Сергеевич, что вы такого наговорили Петру, что он какой день не ест. И чувствовать себя хуже стал.

— Об этом у него спроси.

— Спрашивала — молчит. Знаю же, что вы были у нас — люди добрые сказали, о чём-то говорили. О чём?

— Не пытай меня — не скажу. И не лезь в мужские разговоры.

— Ну а всё-таки? Мне, как жене, надо знать!

— Ну, если надо, то знай: о бабах — вот о чём!

— И-их, — Нина покрутила пальцем у виска и, как ошпаренная, выскочила от Бармасова.

Закрыв за ней, он не знал, что в этот же вечер Нина заболела — давление поднялось, а пришедший утром по вызову врач сказал, что накануне был гипертонический криз, назначил таблетки для снижения давления и успокаивающие, порекомендовал постельный режим. Если бы Михаил мог предвидеть такие последствия, он не говорил бы с соседкой столь грубо, попытался бы смягчить разговор, отшутиться. А она, видимо, заболела по-настоящему, если обычно после работы торчала на грядках, а теперь пропала.

Когда же дней через десять увидел её и поздоровался, то она ответила молчанием, что на неё не походило. Вот так завывка. Её поведение он сразу связал с их разговором, вспомнив при этом, что и Пётр перестал появляться на крыльце. Да и Гошка не здоровался и стороной обходил, а если в школе встречался — так и вовсе шарахался. «Зачем сына-то в это дело впутали? Хотя всего-то наверняка не рассказали, но что-то нашептали ему!» — рассуждал Бармасов. После этого, всё обдумав, он стал ещё большим молчуном.

И всё вроде бы ничего, но по посёлку пошёл слух, что Бармасов взялся за старое — начал наводить порчу на людей. И его соседи — прямое доказательство. Об этом рассказал Тимофеев, как-то заглянувший к нему в комнатку и сообщивший столь таинственно, будто ему доставляло удовольствие нервировать приятеля:

— Говорят, Сергеич, ты опять ворожить стал? Участкового не пощадил, поругавшись с ним из-за какой-то мелочи!

— Он, что ли, доложил или ты сам это придумал? — Михаил грозно посмотрел на тщедушного остроносенького соседа, своего почти ровесника, а тот не испугался его взгляда, усмешливо ответил:

— Слух по посёлку летает: мол, опять Бармасов принялся за старое. Это как?

— А вот так. Слушай больше брехню. А на эту тему более не хочу говорить — она меня не касается. А если кто-то слухи распускает, то пусть язык попридержит! — Бармасов ответил вроде бы спокойно, но его слова прозвучали как угроза, и сосед сразу сник, приняв их на свой счёт, перевёл разговор в шутку:

— Да это я к слову, Сергеич, у людей мозгов-то нет — вот и сплетают не знамо что. Тут я от одного деятеля услышал такую новость, что будто ты по ночам воешь по-волчьи, специально людей пугаешь, особенно младших школьников.

— И ты веришь в эту чушь?

— Но ведь действительно кто-то воет в твоём саду по ночам. Ну, может, не в твоём, а где-то рядом. Сам слышал. Аж жутко сделалось.

— Прежде чем говорить такое, сперва загляни к Серёгиным с соседней улицы. Это у них кобель воет, когда у них совместный запой начинается. Не кормят они его в эти дни и не поят — вот он и воет от голода и тоски. Ты и сам завыл бы, посади тебя на цепь. Так что не мели языком, если не знаешь.

— Так это не я — люди говорят, на тебя указывают.

— На всех не вали. Только что конкретно о ком-то говорил, правда, имени не назвал. И кто же он?

— А то ты не знаешь...

— Если не открываешься, значит, сам всё это и придумал. Ты-то хотя бы не уподобляйся пустомелям, — попросил Бармасов и неожиданно усмехнулся, решив пострашать Тимофеева: — А то сплетники по обыкновению первыми и страдают.

Подействовало ли предупреждение на соседа или нет, он не знал, но потому, как тот стал вести себя, понял со временем: подействовало. Ещё как подействовало, если «левый» сосед более разговоров на эту тему не заводил.

Зато как-то удивил Глеб Рассохин. Явился, как всегда, расхристанный, и сразу с вопросом:

— Как поживаешь, отец? Чего дверь-то нараспашку держишь? — спросил он, помолвившись на образа.

— Тоже мне, сынок нашёлся. Чего пришёл-то? Деньги за-нимать, так их нет. Сам едва концы с концами свожу!

— Зато, вижу, телевизор цветной отхватил!

— Хватился, прошлой весной приобрёл.

— Ладно, не ругайся. Денег просить не буду. Уж на что, на что, а на выпивку хватает.

— Тогда не темни, говори, зачем явился?

— Благодарность тебе от нас принёс!

— От кого, от нас-то? — насторожённо спросил, зная, что этот самый Рассохин та ещё личность. Прежде был рэкетиром, а теперь неизвестно чем занимается.

— Разве не понятно? От парней наших!

— Это за что же такое почтение?

— За участкового... За то, что порчу на него напустил.

— Ничего я ни на кого не напускал, и не собирался даже. Не верь всему, о чём болтают!

— Верь не верь, а всё-таки так и есть. У него и жена болела. Вижу, что ты нормальный мужик. Если возникнут какие-то проблемы, обращайся. В помощи не откажем. Причём — в любой! Понял?

— Как не понять.

— Если деньги понадобятся — тоже обращайся!

— Ладно-ладно — пока своих хватает. Не жирую, конечно, но и с голоду не пухну.

«Помогли» ему через неделю, когда Бармасов ушёл на работу. Вернулся утром, а дверь не заперта. Он этому сперва не удивился, посчитав, что забыл запереть, а хватился — замка нет. В дом ступил и сразу понял, что что-то не так, чего-то не хватает. Присмотрелся — телевизор исчез! Даже кабель срезали! Вот так фокус! Заглянул в спальню, а шкаф весь вывернут чуть ли не наизнанку. Раскрыл его и увидел, что костюма нет и зимней курки. И шапки меховой. Хотя шапка была так себе — кроличья, но всё равно жалко. Осмотрелся, а на божнице трёх старинных икон не увидел, чёрных от времени, и даже лампадку унесли, разбрызгав на полу гарное масло. Остались лишь две дешёвые иконки из картонок, но они и не нужны им — не молиться же они собирались. Подумал, кто бы мог это сделать, и сразу вспомнил Рассохина, вспомнил, как он ошаривал глазами дом, словно старался запомнить, где что лежит. И ведь запомнил, окаянный, — результат на виду.

Поддавшись первому порыву, Михаил Сергеевич, взбудораженный обидой, пошёл в администрацию, чтобы оттуда позвонить в райотдел милиции, потому что Соколенков давно уволился из органов, а замену ему так и не прислали. Но, посоветовавшись с Маргаритой Ивановной — главой поселения, передумал звонить, поверив ей, что это бесполезное занятие: райотдел и без того завален заявлениями о домашних кражах, и, похоже, никто не ищет злоумышленников и даже не думают этим заниматься. Поэтому начал себя успокаивать, что, мол, куртка была так себе, костюму уж десять лет, а телевизор он почти не включал. Так что особого убытка он не увидел, если не считать икон, но гораздо горше было на душе. Будто туда смачно плюнули гадкой слюной. Никогда не взявший чужой копейки, он не понимал, как можно без спроса прийти в чужой дом, что-то унести из него. Не понимал, и не мог понять.

«Хорошо, что хотя бы половик не захватили!» — увидев его скромным, усмехнулся он, вернувшись из администрации. И осанило заглянуть в подпол. Заглянул, включил свет, и обомлел: почти все банки с заготовками исчезли, а хранилось их десятка три. Лишь две валялись разбитыми, усыпав красными мятыми помидорами кучурку проросшего картофеля. И Бармасов послал проклятия тому, кто это сделал, троекратно сказав вслух, словно его могли услышать:

— Господи, покарай мерзавцев!

Он сказал это по привычке, как обычно говорят в таких случаях, вылил из себя гнев и постарался забыть мерзкую историю. Но вот прошло время, и он услышал от Тимофеева, что у известного всему посёлку Рассохина ноги отнялись! Мол, стоял у пивного ларька, пил пиво и упал. Всё вроде понимает, говорит нормально, а встать не может...

— На тебя люди грешат! — доложил сосед.

— Я-то причём? Теперь всё валите на меня!

— А как же: сам говорил, что телевизор утащили и прочие разносолы. А ты в отместку на тех людей порчу напустил.

— Знать бы, кто это сделал, уж точно бы проклял!

— Во-во. И я о том же.

— Ладно тебе. Как будто только у меня это случилось. Сейчас поветрие такое пошло. Работы нет, а кушать-то всем хочется — вот и хулиганят. Они хулиганят, забыв о Боге, а я виноват. Вот, к примеру, на днях машина раздавила курицу участкового — что, тоже моя вина?!

— У Соколенкова, что ли?

— Другого у нас нет.

— Его и так Бог наказал. Говорят, каких-то чёрных мужиков обобрал.

— В прошлый раз ты докладывал, что болезнь его из-за меня случилась. Теперь чёрные мужики появились. Чему верить?

— А ты не верь никому и не обращай внимания.

— И не обращаю. Меня совершенно не касается, что обо мне люди сплетают, а кто сплетает, того Бог накажет, — сказал он от души, просто, а Тимофеев враз изменился в лице и закрутился с разговором, самим же и начатым.

О чём поговорил с соседом, Бармасова мало волновало, хотя заноза на душе осталась. Получалось, что если и далее такая молва будет ходить, то ничего хорошего ему это не сулит. На костре, конечно, не сожгут, как в средние века, и батогами бить не станут, но, коснись, какой случай неподходящий свалится, в помощи откажут. Или всячески начнут вредить. Ведь стал замечать, копаясь в огороде, что на грядках прибавилось камней, битых кирпичей, словно кто-то нарочно подбрасывал их, назло. Ну, не сами же они прилетели. Как-то вечером проследил, дождался, пока соседка вышла на участок и принялась окучивать картошку. Тяпкой машет, а как что-то попадётся твёрдое, нагнётся и, не разгибаясь, — швырнёт на его грядки. Сергей Михайлович стерпел, не выдал себя, а утром пошёл и хотел вернуть всё, что ему набросала Нина, но сдержался. Поступил по-иному: собрал рукотворный камнепад, сложил аккуратно на меже поближе к соседской стороне, словно дал понять, что он всё знает о её проделках, мог бы и сам поступить похоже, но не стал разминиваться на дешёвую месть. И поразился на следующий день, когда увидел, что кучурка убрана, а на своих грядках нет ни одного сорного камня: «Вот оно — подействовал личный пример!»

И всё-таки не это его удивило по-настоящему, а то, что через несколько дней выйдя утром на крыльцо, он увидел накрытый тряпкой телевизор, и рядом кабель со штекером. По знакомой царапине на корпусе определил, что это его собственный телевизор. Подхватил, занёс в дом, соединил антенну простой скруткой, включил — и телевизор заработал. Да лучше прежнего: краски сочные, словно влажные, и резкость отличная.

После этого случая Михаил Сергеевич по-настоящему поверил в силу справедливых поступков. И знал, что к нему более никто не заберётся, не позарится на чужое. У кого-то такое происшествие пока возможно, но у него — нет.

Чтобы убедиться в своей правоте, с этого дня он, уходя из дому, перестал запирать его, зная, что мошенников никакие замки не остановят. Прислонял к двери бадик, напоминая этим, что хозяина нет дома. Именно так делали небогатые люди в давние времена. Таким небогатым стал и Бармасов,

особенно после того, как с него сняли пенсию по инвалидности, назначенную на год прошлым летом. Только зря старался, впустую собирая документы для нового освидетельствования врачебной комиссией.

8

Узнав об этом, сосед «слева» воодушевился, будто всё это сам подстроил.

— Не переживай, Сергееич, зато теперь ты стопроцентный!

— На бумаге — да. А так-то не очень. Ну да чего теперь об этом говорить, — отмахнулся Бармасов, не желая распалать почти не скрываемую радость соседа. Он хотя и склочный и подначивать любит, но всё-таки есть с ним одно общее, и называется оно одиночеством.

Николай Тимофеев, конечно, пошустрей будет Бармасова, поэтому всегда держал в курсе кавардакинских событий, особенно не рассуждая о них, а всего лишь сообщая факты. Правда, позволял себе поумничать с соседом, а тот, хотя и знал его всегда, но не предполагал, что он так изменится в последние годы, превратившись в натурального сплетника. Наверняка у Соколенкова стукачом служил — участковые целый штат подобных держат. Это всем известно.

— Знаешь, Сергееич, многие недовольны тобой, — как-то шепнул Николай, с которым случайно встретился в сквере у памятника Ленину. — Люди говорят, что ты гордым стал, выделиться среди прочих хочешь. Провоцируешь их.

— Чем же?

— А тем, что демонстративно от замка отказался. Народ не привык к этому. Ты ему в душу плюнул.

— Во как!

— Именно так. Дал понять, что все воры и мошенники, лишь ты один праведник среди нас. А таких не любят, иногда бьют. Учти это.

— Я кому-то сделал плохо?

— Напрямую, может, и нет, но все, кто тебе дорогу переступает, наказание потом получают. Это многие заметили.

— Я что, судья народный?

— От судей люди хотя бы знают, чего ждать, а от тебя — сплошная неизвестность. А это ещё страшнее. Говорят, ворожишь ты, порчу на людей напускаешь, ну, не на всех, а на тех, кто тебя обидел.

— Пусть не обижают!

— Вижу, говорить с тобой бесполезно. Поэтому мой совет: не насмехайся над людьми, не пугай их. Так всем спокойнее будет.

Тимофеев ушёл, а Бармасов остался в сквере у памятника, возле которого отдыхал на лавочке, возвращаясь из церкви, а вот что делал у памятника Николай — неизвестно. Ну не его же ждал? Значит, какое-то иное задание у него, а Бармасов случайно под руку попался. А может, за ним следил. Так ли это было или нет, но в любом случае надо возвращаться домой, и, купив буханку в «горелом» магазине, Михаил направился к почтовому спуску и шёл осторожно, переступая с плиты на плиту. Плиты были из песчаника, служили ступеньками в особенно крутых местах и отшлифовались многими поколениями жителей до матового тёмно-бордового блеска. Вообще-то песчаник — он только такой по названию, а в остальном крепче крепкого. Ломом его бьёшь, а лом отскакивает. Все, кто копает колодцы в Кавардакине на речном склоне, на глубине восьми-десяти метров обязательно упираются в слой песчаника, а как песчаник пройдут — там и вода открывается. Но чтобы добраться до неё, песчаник долбят ломами и зубилами, отковыривают пласты, которые потом используют на хозяйственные нужды. На них даже гвозди и прочий металл выпрямляют.

И вот, миновав скользкие плиты и подходя к дому, Бармасов увидел бежавшего навстречу Алексея Пронина — раскрасневшегося и взволнованного, до невозможности растрёпанного, словно он два года не причёсывался. Никогда не видел ранее таким, хотя и часто встречался.

— Что случилось, Алексей? Далеко ли мчишься?

— Тебя перехватить... Сейчас всё объясню... Прости нас! — попросил он, отдышавшись. — Прости пацанов. Дурные ведь, несмышлёные.

— Да за что прощать-то?

— Ой, прости, Сергеич, прости! Только что подслушал, как они хвалились друг перед дружкой, что, мол, если ты такой доверчивый и не закрываешь дом на замок, то они зашли к тебе и — даже стыдно это слово произнести — нагадили...

Бармасов вздохнул.

— Понимаю, кому такое приятно слушать, но ты, Сергеич, не обижайся на пацанов, я сам уберу, всё вымою, только не наводи порчу на ребят. Несмышлёные они.

— Зря заступаешься... Я бы на твоём месте привёл их и, как шкодливых котов, мордой, мордой. Тогда, может, поумнели бы.

— Ладно, не ругайся, я всё сделаю, только домой сбегаю.

Вернулся Алексей с женой, торопливо семенившей за мужем; оба несли вёдра, тряпки.

— Михаил Сергеевич, нам можно зайти к вам? — плаксиво спросила тощая жена Пронина, словно он кормил её через день.

— Валяйте, а я пока в холодке посижу... — не стал он особенно распространяться. И почему-то стеснялся смотреть в глаза, словно имел за собой непоправимую вину, будто это произошло из-за него самого, из-за его собственной обиды: сперва на чёрных мужиков, потом на участкового, потом на его жену. Теперь вот и на Прониных. И Аню вспомнил, не казавшую носа с зимы, он ведь и на неё обижался. Хотя не очень чтобы сильно. По-родственному хотелось её пожурить, встретить он её сейчас. Ведь она ещё той киской оказалась! То плакалась, что жить негде, а то и машина появилась счастливым образом, и квартира с неба упала. Это всё, конечно, хорошо, он не против, но редко кому так везёт. «Хотя, что это я?! Только человек оперился, а я уж с претензией! Нехорошо так думать, совестно. Девка, может, едва вздохнула по-настоящему, отделавшись от коммунальной квартиры, от всего того, что мешало наладить личную жизнь. А то ведь как развелась когда-то, так до сих пор одна. Конечно, кто-то у неё есть — ну, не может такая приглядная куковать. Но даже если это так, то всё равно жизнь её несерьёзная — не поймёшь какая, — думал он, продолжая наблюдать за Прониными, за тем, как они стараются, бегая к колонке и обратно, отработывая за своего обалдуя, и, глядя на них, сменил ход мыслей. — Мой отец такого безобразия не допустил бы. Все, конечно, в молодости шалят. И мы по чужим садам лазали ночами, хотя у всех яблоки свои имелись, зимой сани от дворов угоняли, чтобы с горы покататься, да не просто, а с визгливыми девчонками, криками да свистом. А если уж похулиганим, то сани обязательно возвратим, чтобы хозяин не искал их. Теперь об этом не думают, нет — лишь бы нашкодить, и не просто, а с умыслом, с обидой, чтобы пострадавший человек ходил и плевался».

Пока Бармасов думу думал, к нему подошёл Пронин, напомнил о себе:

— Михаил Сергеевич, идите, примите, пожалуйста, работу — всё вымыли и одеколоном побрызгали. Не обессудьте — старались!

— Всё — так всё, — не стал тот цепляться. Хотел сделать внушение за сына, но не стал. Зачем? Ведь всё равно не поймёт. А если даже и так, что он скажет своему олуху? Вопрос. И такой, что не сразу на него получишь ответ.

— Дядь Миш, прости моего оболтуса. Ну, пацан, чего не бывает. Ума-то нет. Обещай, что не обидишь его, — продолжал нудить Пронин.

— Да он у тебя, видно, такой, что сам кого хочешь обидит.

— И всё-таки — очень прошу. Должником всю жизнь буду.

— Ладно, чего зря языком молоть. Дело сделали — уходите.

Бармасов поднялся с травы, а ноги не хотят идти в осквернённый дом. Дошёл кое-как, осторожно переступил порог — какой-то дешёвой дрянью пахнет, полы вымыты, но кое-где блестят от плохо собранной воды. Вроде бы никаких посторонних следов, а на душе так погано — хоть плачь. Даже мысль пришла: забрать документы и пустить красного петуха. Мысль, что и говорить, отчаянная, но вся закавыка в том, что он не выжил пока из ума. А ум ему подсказывал, что надо стерпеть и далее жить, ни на кого не обращая внимания. Только надо бы обнести жилище иконой, как это делают, когда в храм забегает пёс смердящий. А пока он открыл окна, двери и ещё, наверное, час сидел на лавочке в палисаднике, постепенно успокаиваясь, отгороженный от людей кустом сирени.

Потом вернулся в дом, выгнал налетевших мух и жил какое-то время спокойно, но недели через две Тимофеев новость сообщил, о которой уж все знали в Кавардакине: Пронина малый на мопеде разбился! Говорят, пива напился и начал катать девчонок, а те и рады такому вниманию малолетнего ухажёра: пищат, смеются, цепляясь за его худые бока. Тот и распалился от телячьего задора: скорость выжимал какую только можно, и не вписался в поворот, грохнулся. Чуть столб собой не снёс. Девчонка с испугу убежала, лишь ободрав коленку, а у молодого архаровца рука и нога сломаны и внутренности отбиты. В реанимацию попал. Вот-вот учебный год начнётся, но об учёбе ему теперь надолго придётся забыть.

И опять виноват Бармасов: мол, в отместку порчу навёл. Об этом так и заявил Пронин, появившись тем же днём:

— Я же добром просил! — укорил он и чуть ли не пригвоздил взглядом к стене. — Ведь унижался, умаляя пожалеть парня, а ты не соизволил! — Чуть ли не с кулаками набросился на хозяина, сидевшего на крыльце.

— А что случилось-то с ним? — Михаил Сергеевич сделал вид, что не понимает, о чём речь.

— Ладно уж, придурком-то не прикидывайся. Всё ты знаешь, а если так, то только себе хуже делаешь.

— Ты что, грозишь? А не подумал о том, что и на тебя могу порчу навести! — не сдержался Бармасов и нарочно обострил разговор, примерив роль настоящего обиженного колдуна.

— Мне наплевать на твою порчу и на тебя самого — тебе от всего этого не поздоровится.

— Во как заговорил. А когда-то чекушки у меня заглатывал, совсем иным казался — уж таким уважительным был. Или ум пропил?

Редко Михаил Сергеевич ругался, а тут не сдержался, опоясал гостя трёхэтажным народным выражением, гневно сверкнул стеклянным глазом и сразу попросил прощения у Всевышнего:

— Прости, Господи! Не хотел, но вывел из себя оглоед! — и ушёл в дом, захлопнув дверь перед носом нового врага.

После такого разговора можно было ждать чего угодно, и Бармасов не удивился, когда остался через неделю без работы. Начался учебный год — только бы трудиться и трудиться, но родители завалили директора заявлениями: мол, не хотим, чтобы при школе находился Бармасов, от которого для всех неисчислимы беды, порчу напускает. Боимся, что детишек наших сглазит — будут плохо учиться и проказничать начнут. А какая-то мамашка, обладавшая обострённым чувством справедливости, ясно дала понять, что если меры не будут приняты, то она в районо будет жаловаться, до области донесёт свой гнев, если понадобится.

Обо всём этом рассказала Бармасову объёмная, черноволосая Зоя Львовна, будто нарочно выпучив тёмно-карие маслянистые глаза. А для наглядности подвинула стопку заявлений:

— Вот, сами почитайте!

— Да уж верю, — равнодушно ответил Михаил, вполне догадываясь, что инициатором этой поганой акции мог стать только Пронин. Никому иному и в голову не придёт заниматься бабскими глупостями.

— Очень сожалею, Михаил Сергеевич, работник вы прекрасный, не выпиваете, не сквернословите, а расстаться придётся. Репутация школы превыше всего.

— Мне можно идти?

— Да, к сожалению. Вы — добросовестный, ответственный работник, у вас каждая канцелярская кнопка на учёте, поэтому мы даже не будем делать ревизию. Верим вам, но забрать трудовую книжку придётся.

Остался Бармасов без работы, а время голодное и холодное надвигалось. Были, конечно, несколько десятков банок с закрутками нового урожая, мешков шесть картошки — прожить можно, но всё же оставаться без живой копейки — затруднительное дело. Ведь ещё недавно он получал пенсию по инвалидности, а теперь ни пенсии, хотя здоровья не прибавилось, ни работы, а надо платить за свет и газ да плюс налоги. И где теперь искать работу — неведомо. Можно, ко-

нечно, в Москву завербоваться, говорят, там ночами приезжие бедолаги подъезды сторожат, но был он в столице всего один раз и очень давно, когда возвращался в Кавардакино, отслужив срочную службу. Порядки с тех пор поменялись, а их знать надо. А разве сразу всему научиться, если привык к иной жизни?

Не придумав ничего лучшего, он решил сходить в храм: исповедаться и причаститься, попытаться очиститься от наветов, какие с лихвой на него сыпались в последнее время. А там, глядишь, и жизнь наладится, обязательно что-то изменится в ней.

9

Когда-то в Кавардакине стояло три храма. Давно это было, до революции — век прошёл. К нынешним дням остался лишь один, но и ему радовались. Радовались, что он перенёс бесчисленные невзгоды и гонения, закрывался неоднократно, но всякий раз наполнялся словом Божиим и давал приют благочестивым прихожанам и притягивал сомневающих. Бармасов долгое время был среди них, посещая храм в особо тягостные дни, но в последние годы они приходили всё чаще, и всё чаще он обращался. Он не считал себя уж очень воцерковлённым, но великие и двенадцатые праздники знал, чтил их, по возможности блюл посты. И батюшку Алексея любил по-отцовски, всегда прислушивался к нему, хотя тот по возрасту годился бы в сыновья. Но это в обычной жизни, а в церковной священники не делятся на «молодых» и «старых».

Михаил Сергеевич собрался в церковь в будний день, когда на службе прихожан негусто. Пойдёшь в воскресенье — собирается их значительно, часто приходят новые, и все они смущаются устрашающего вида Бармасова, даже пугаются, забывая иной раз вовремя совершить крестное знамение. Он чувствовал на себе любопытные взгляды, и хотя внешне не обращал на них внимания, но внутренне неудобство испытывал. В такие минуты он пытался внушить себе, что на его вид обращают внимание лишь дети неразумные, иные из них тычут пальцем, но взрослым-то так не подобает вести себя. Ведь не для того они приходят в храм, чтобы глазеть по сторонам, забывая при этом о самой службе, не замечая, что поддаются искушению, разрушающему их попытку служению Богу, делают её бессмысленной. И забывают о том, что их самих ждёт впереди, какой выпадет жребий, уготовленный судьбой.

Бармасов два дня готовил себя к исповеди, вспоминая преступления, и набегало их изрядно — все не перечислить. А

как подготовился, выделив главные из них, то отправился натошак из дома и шёл к храму с тревожно-волнующим чувством. За свою жизнь он исповедовался много раз, а теперь сам себе казался новичком, готовым ответить на любой вопрос священника, поведать о грехах, даже о помыслах своих греховных рассказать.

Во время богослужения у него и чувства были похожими, они заволакивали душу необъяснимой радостью, даже слезливостью, словно он навсегда расстался с текущей повседневностью, оставил её за стенами храма. Мало-помалу он забылся в молитвах, молился усердно, а потом встал в очередь на покаяние. Уже накрытый епитрахилью, выслушав разрешительную молитву Алексия, Михаил Сергеевич откровенно поведал о своих грехах, а в конце перечисления, сказал о главном, как ему виделось, грехе — гордыне.

— В чём же она проявляется? — тихо спросил священник.

— Неразумно повёл себя — выделился среди прочих, перестал дом закрывать на замок и тем самым попустил на людей искушение.

— Ну, наверное, всё-таки не на всех, а на тех, кто захотел поддаться ему? И какая же ваша в этом вина?

— Это верно, вроде нет таковой, но мне оттого не легче. Всякий раз поступаю по совести, никак и ни чем не укоряю тех, кто принёс мне зло или осыпал несправедливостью, а люди после этого всё равно начинают страдать от хворей, иные становятся калеками — и сразу грешат на меня. Что, мол, делаю это с умыслом, что напускаю на них порчу — чуть ли не колдуном меня считают, язычником. Но я — православный, а язычники-то, получается, они, если верят сплетням и всяким наговорам и наветам, которые сами же и придумывают.

— Вашей вины в этом я не вижу, а если что-то говорят непотребное, то пусть этот грех будет на совести тех, кто говорит подобное. Главное, чтобы вы не считали себя таковым, кем считают они. Они — слабые люди, достойные прощения. Продолжайте молиться Спасителю, ходите в храм и душевное спокойствие непременно вас посетит и не оставит. А дверь всё-таки запирайте, не искушайте мирян. Ведь слаб человек. Особенно неверующий, в ком нет страха перед Всевышним.

Хотел Бармасов сказать, что неоткуда страху взяться, если не ходят в церковь, поэтому воров не остановят никакие замки, что они существуют для честных людей, но не стал умничать, лишь отозвался благодарностью.

— Спасибо, батюшка... — вздохнул Михаил Сергеевич, сохраняя в душе тепло от его заботливых слов, словно их про-изнёс родной отец.

После причастия выслушав проповедь, в которой Алексий вскользь упомянул о его случае, Михаил возвращался домой и надеялся, что, исповедовавшись, заживёт по-новому, многое переменится в его жизни, изменится его отношение к людям, он перестанет обижаться на них, пусть даже некоторые всё чаще вспоминали его прозвище и называли Зверем. Конечно, прямо ему не говорили, но он нет-нет да слышал среди них это пугающее слово. А он не заслуживал его. Он — человек, как и все, и никогда не обращал внимания на то, кто как выглядит, не придавал этому значения. Главное, чтобы имелась в душе у отдельно взятого земляка искра Божия, чтобы с таким всегда можно было откровенно поговорить, довериться ему, а не шарахаться, боясь осквернить чувства. Но что делать, если нет у кого-то такого понимания, если он думает: раз кто-то внешне не привлекателен, то и говорить с ним не о чем. Ведь не подойдешь к такому и не станешь убеждать в обратном, тем более читать нотации. Нет, конечно. Надо всё-таки с самого себя начинать, своим примером учить, а не словами.

По совету Алексия он купил в церковной лавке молитвослов, хотя был стеснён в финансах, и пока возвращался домой, не терпелось поскорее заглянуть в книгу, найти самую нужную для себя молитву. Войдя в дом и не раздеваясь, но нацепив очки, он перво-наперво нашёл «Молитву при не-прощении обид и памятовании злого». Текст молитвы раски-нулся в две страницы, и он пробежал их торопливо, ничего, правда, не запомнив. Но, раздевшись и помолившись на обра-за, он неспешно прочитал молитву от начала до конца и вернулся к самым первым строкам, как показалось, более всего касавшимся его самого, поэтому прочитал их вслух не-сколько раз: «Спасителю мой, научи меня простить от всей души всех, кто чем-либо меня обидел. Я знаю, что не могу предстать пред Тобой с чувствами вражды, которые таятся в моей душе. Очерствело мое сердце! Нет во мне любви! Помо-ги мне, Господи! Молю Тебя, научи меня простить обидающих меня, как Сам Ты, Бог мой, на Кресте простил врагов Твоих!»

Не сразу, но читая на ночь молитвослов, он заучил эти слова наизусть. И теперь они сами просились на язык, и он не сдер-живался, а находил радость, когда повторял по несколько раз на дню, в мыслях возвращаясь к обидным воспоминаниям, и заканчивал ими день. Перед сном он не спеша шептал их, закрыв глаза и чувствуя особую силу, возносившую в горние выси:

— Спасителю мой, научи меня простить от всей души всех, кто чем-либо меня обидел...

10

Всё-таки не зря Бармасов побывал в церкви. Несколько дней находился в духоподъёмном настроении, даже не тревожила неотвязная мысль о будущем. Ведь сколько ни мечтай, а рано или поздно озадачит вопрос: на что жить, как пропитаться. А о какой-либо новой одежде он даже не мечтал, зная, что той, какая есть, хватит надолго, пусть она и не очень-то новая. Более тревожила самая простая мысль: о куске хлеба, да о коммунальных платежах, которые хочешь не хочешь, а платить необходимо.

Но эта мысль так бы и разъедала неопределённое время, пока не встретился со старым приятелем по фамилии Галкин — мелким и вертлявым, всё наперёд знающим. Когда-то Бармасов у него начинал работать штурвальным, а теперь он соблазнился наняться вместо себя сторожем или охранником, как теперь стало модным называть эту массовую профессию. И Михаил согласился, да и глупо отказываться, пока есть место. Молодые-то хотя и устремились в города охранять банки и офисы, но некоторые из них возвращались и становились конкурентами. Правда, выбирали места попрестижней, например, колбасный цех, по привычке называемый салотопкой, или молочный завод, а таким, как Бармасов, оставались склады да какое-нибудь заброшенное строительство, которое наполовину растащили. И вдруг такое предложение.

— А ты-то чего уходишь? — поинтересовался Михаил у Галкина, которого в посёлке всю жизнь называли Галкин-Палкин. — Или с начальством не сошёлся?

— На пенсию через неделю отправляюсь. Жена хворает.

— А жить-то на что будешь?

— Так говорю же: пенсию буду получать, а для разнообразия — кроликов разводить. Время пришло проявить смекалку.

— Да ты и без того, говорят, нутрий разводишь... Кролики-то в дополнение будут?

— Они чище, а нутрии гадкие. Я ведь их мясо-то не ем — только на продажу, а покупают его не очень.

— Зато шапки шьёшь!

— Да какие теперь шапки, когда зимы сиротские стали. Молодёжь в шапчонках трикотажных носится, а старики подобрались. Так что теперь, когда буду на пенсии, мне и кроликов хватит. А что: мясо у них диетическое, своё. А то курицу в магазине возьмёшь, начнёшь её варить, а из неё пена клубками — чем только и кормят-то их... — подробно разъяснил свои планы Галкин и неожиданно сменил тему: —

А заведующая у нас нормальная, иногда даже премию подкидывает.

— А возьмут меня? — спросил Бармасов, устав слушать о нутриях да «пенных» курах. — Говорят, чтобы охранником стать, надо на курсы ходить.

— Да какая там охрана! Так — вместо вахтёра будешь сидеть.

— Тогда другое дело. Это мне подходит, — внешне спокойно отозвался он, а в душе возликовал: «Работа будет, работа!»

Так Бармасов очутился в швейном цехе, где ему сразу понравилось. Здесь пахло машинным маслом, новыми тканями — сразу чувствовалось настоящее производство. Первое время он даже приходил пораньше, чтобы послушать, как стрекочут швейные машинки, работавшие словно жатки, а работницы так споро управляют с тканями, что ни одному слесарю не удастся столь ловко орудовать гаечным ключом. Вот только недолго он заглядывал в цех. Заведующая, казавшаяся приветливой и улыбчивой, заметив его «экскурсии», сразу превратилась в каменную, особенно когда холодно попросила:

— Вы уж, Михаил Сергеевич, не отвлекайте работниц, а то, чего доброго, травму кто-нибудь получит... — заведующая недосказала, что хотела ещё сказать, но Бармасов понял её и без дополнительного объяснения: мол, не отлучайся с рабочего места, не пугай людей.

«Погоди, вот нужна будет какая-нибудь помощь, тогда и я так же поговорю, — решил Бармасов. — Муж-то у тебя, говорят, ни к чему не способный — в библиотеке корпит, бумажки перебирает!»

Запасшись ожиданием подходящего случая, он стал приходить к назначенному времени. Дождался, когда в шесть вечера цех пустел, закрывал за работниками дверь, ставил на плиту в бытовке чайник, а потом, пока заваривалась в кружке душица, не торопясь ужинал принесёнными из дома картофелем в мундире, солёными помидорчиками да огурчиком. Так что худо ли, бедно ли, но до первой получки дожил. Зато, как разжился деньгой, пусть и небольшой, даже нищенской можно сказать, то заплатил за газ, свет и купил подсолнечного масла, сахару да вермишели. Денег осталось до следующей получки — несколько рублей. Ну и пусть. На табак ему тратиться не надо, на выпивку тоже. А экономить он умел. Например, чтобы не жечь газ, перестал дома варить картофель. Заступит на смену, поставит на электроплитку кастрюлю с картошкой, да поболее наварит, чтобы хватило поужинать, а утром домой можно отнести остатки. Вроде бы

незаметная экономия, но за месяц, если всё посчитать, кое-что набегало. Он и свет почти перестал жечь, хотя осень наступила, и дни заметно скукожились. А зачем он ему: книг не читал, газет не выписывал, а новости и прогноз погоды можно по телевизору посмотреть и без света.

Всю зиму он так и работал, и о нём почти забыли в посёлке, ведь в цех он приходил затемно и уходил так же. Просквозит окольной улицей с работы, прошмыгнёт в дом и сидит безвылазно до того часа, когда надо идти на службу. И так неделя за неделей. Он, хотя и спал в каморке, устлая поролоном топчан, но всё равно превратился в ночного человека и видел в этом радость, спокойствие, ибо в последнее время все его встречи, общения чаще всего заканчивались неприятностями. А так — нет людей, вот и благодать. Бывало, среди ночи он выйдет из дверей цеха, вдохнёт свежего воздуха и долго наблюдает за отсветами подрагивающего фонаря, на волнующиеся ветви голых берёз или на беспрерывную лавину метели, на мириады снежинок, летящих навстречу свету, подобно летним мотылькам. Постоит, подмёрзнет — и скорее в тепло, в ставшую привычной комнату дежурного. И как же хорошо, даже прекрасно уединиться в ней, зная, что до утра никто не потревожит, не вспугнёт требовательным стуком в дверь: мол, открывай, сторож, люди работать пришли.

А как только они появлялись, то, сдав смену, он уходил, а дома, отведав каши или доев вечерний картофель, можно поспать по-настоящему. И такой порядок его устраивал, даже нравился. Казалось, живи и не тужи.

И всё-таки в конце зимы пришло волнение: в цехе стала пропадать галантерея. Появилась недостача пуговиц, молний, ниток. Вроде бы всего понемногу, а нехватка чувствовалась значительная, отчего снабженцу Сухотину приходилось делать дополнительные поставки. Ну и, конечно, заведующей он пожаловался: мол, так в трубу можно вылететь. Коллектив в цехе устоявшийся, давно все знакомы, лишь Бармасов у них новичок. Ну и, конечно, всё подозрение на него.

— Михаил Сергеевич, как доложил Сухотин, в последнее время появилась недостача в расходных материалах! — Однажды сообщила заведующая, сверкнув очками, всегда спокойная и рассудительная, а тут сразу превратившаяся в злючку. — Ничего не хочу сказать подозрительного в ваш адрес, но учтите это обстоятельство.

Бармасов почти всю зиму ждал, когда заведующая обратится с просьбой о помощи, и, называется, дождался: в воровстве обвинила!

— Зря вы грешите на меня... А ваш Сухотин ещё тот фрукт, — отговорился он и хотел было сказать, что дочь снабженца открыла галантерейный отдел в универмаге, а в том отделе пуговицы и молнии точь-в-точь такие же, как у них в цехе — сам видел, когда недавно зашёл купить ниток.

— Пока не грешу, но моя обязанность предупредить вас как работника охраны.

— Спасибо за предупреждение, но я лицо не материально ответственное, так что ко мне претензий быть не может. А если они возникнут ещё раз, то заявите в полицию — пусть разберутся с пропажей. Могу им даже подсказать, с чего начать поиск.

— Что вы имеете в виду?

— Вам-то какое дело!

Заведующая более ничего не стала уточнять, лишь нервно передёрнула плечом и удалилась. Бармасов думал, что на этом и закончится притязание, но через два дня она, взяв в свидетели мастера и закройщицу, подкараулила его после смены, когда он собрался домой. Натурально прижав к стене, сказала:

— Михаил Сергеевич, вы, конечно, можете отказаться от нашей настоятельной просьбы показать содержимое ваших карманов и сумки, потому как не имеем права кого-то обыскивать, но если вам дорого ваше честное имя, то помогите снять подозрения, возникшие в отношении вас.

— Значит, карманы вывернуть? Хорошо, я охотно отзовусь на вашу просьбу, которая, правда, незаконна. Смотрите!

Он вывернул все карманы, оказавшиеся пустыми, лишь в одном обнаружился чёрный сухарь, раскрыл сумку, где находилась литровая банка с остатками картофеля, спросил:

— Довольны?

— Не обижайтесь. Более такого не повторится. Не задерживаем вас.

— Хотя и не задерживаете, но я задержусь и напишу заявление на увольнение, потому что находиться с вами на совместном рабочем месте более нет желания, потому как это унижительно!

— Зря вы обиделись и не захотели нас понять.

— Почему же — всё понял. Только вы ошиблись, не там злоумышленника ищите. Вскоре всё поймёте.

Хотел Бармасов поговорить с Сухотиным, был бы он рядом, но мелкие люди имеют свойство не показываться на глаза, поэтому и прежде-то его не найдёшь, а теперь и вовсе пропал, перед этим, видимо, подговорив заведующую. А хотелось бы поговорить по душам, всё ему высказать. Но нет — не суждено.

Как ни уговаривала заведующая Бармасова остаться, даже обещала зарплату повысить, он упёрся — трактором не сдвинуть: «Рассчитываюсь и более никаких разговоров!» Когда сделали запись в трудовой книжке, он настоял, чтобы сразу выдали причитающиеся деньги, не желая впредь иметь повода для новой встречи. Не прошло и часа, как он вышел из швейного цеха вольным. Шаггал улицами Кавардакина взъерошенный во всех смыслах: и внешне, и в душе. А сами собой пришли слова молитвы «Спасителю мой, научи меня простить от всей души всех...»

К дому подошёл, а у соседей несколько человек толпятся, машина стоит, и крышка гроба у крыльца приставлена. Вот так новость!

— Это кого же угораздило? — спросил он вертевшегося рядом Тимофеева.

— Петю Соколенкова настигла костлявая! Третьего дня ещё. Не знал разве?

— Да откуда. Работаю по ночам, а днём отсыпаюсь.

— Он всю зиму не показывался после повторного удара, и вот Бог прибрал.

— Отмучился парень... — вздохнул Бармасов.

Чуть позже подошла Нина, сказала, не глядя в глаза:

— Зашли бы, Михаил Сергеевич, проститься с Петром, а то сейчас уезжаем хоронить на его родину, в соседнюю область.

— Царствие ему Небесное, буду молиться за него, а зайти не смогу. Врать не буду — душа не лежит, — сказал он и тотчас укорил себя, огорчившись: «Вот я какой! Всю зиму вспоминал Спасителя, просил научению в прощении всех тех, кто вредил мне, но, видимо, плохо просил, не проникновенно».

Нина укорительно охнула, а он отправился к себе и впервые за многие месяцы громыхнул задвижкой.

Месяца полтора Бармасов не мелькал на улице, да и чего там делать в самую распутицу, поэтому не знал, что почти сразу же после его увольнения в универмаге сгорел галантерейный отдел, который держала дочь экспедитора швейного цеха.

11

По-настоящему он выбрался на свет Божий лишь когда более или менее подсохло и сразу отправился на кладбище, где полдня наводил порядок на могилках отца с матерью и сестры. Если у сестры оградка выглядела вполне свежей, то у родителей потускнела, местами покрылась ржавчиной. Надо бы, конечно, покрасить её, обновить перед праздником, но денег у него едва-едва оставалось на хлеб. Так что пришлось

отложить это богоугодное дело до лучших времён, до выхода на пенсию, когда ни в чём не будет отказа.

Возвращаясь, он встретил Галкина-Палкина. Вернее, тот поманил, приглашая к себе. Бармасов подошёл, спросил:

— Что случилось, Исаич?

— Помоги ящики с кроликами из сарая вынести...

Вспомнив, как Галкин помог с трудоустройством, пусть и закончившимся скандалом, Михаил Сергеевич легко согласился:

— Да без раздумий помогу!

Ящики были спаренные, в каждом из них крутились по два кролика, разделённые перегородкой, и теперь предстояло переселить их из тёмного сарая под навес, на вольный воздух. Дело несложное. Два ящика Бармасову показались лёгкими, а третий оказался тяжелее, да ещё оступился с ним... И сразу будто кто ломом ударил в спину. Опустил Бармасов ящик, хрястнулся на землю и замер, боясь пошевелиться.

— Что такое? — засуетился хозяин.

— Поясницу прострелило...

— Помочь встать?

— Ни в коем случае...

— Так и будешь валяться? Земля-то холодная после зимы.

Как бы хуже не стало.

— Счас, счас, — повторил Бармасов и закрыл от нестерпимой боли глаза.

— Может, «скорую» вызвать? — продолжал суетиться Галкин.

— погоди, сейчас отлежусь. У меня так бывает частенько — нерв какой-то зажимается.

Повалявшись на земле минут десять, он попросил помочь подняться, а когда осторожно, бочком-бочком, привстал, то сразу же уселся на ступеньку заднего крыльца. Наверное, полчаса сидел, по капельке шевеля спиной, а после осторожно поднялся, сказал Галкину-Палкину:

— Пойду-ка я домой, Исаич, плохой из меня помощник. Уж не обессудь. Лопату потом заберу... Хотя нет — сразу возьму, в случае чего обопрюсь на неё.

— Что ты, что ты — куда тебе идти в таком виде, — замахал тот руками, а сам радовался, что Бармасову полегчало, поэтому старался поскорее выпроводить горе-помощника со двора.

И Бармасов потихоньку — шажочек за шажочком — заковылял к себе. Перед домом увидел Тимофеева, жегшего мусор и застлавшего дымом всю улицу.

— Это кто же тебя так? — спросил тот чуть ли не с ухмылкой. — Или тоже кому-то насолил и получил в отместку? Кто

же такой смелый выискался, что на самого Бармасова порчу подпустил?!

— Вот балабол-то, — и Бармасов улыбнулся через силу. — Нет такого пока в Кавардакине, не родился... На кладбище я ходил, а на обратном пути спине прострелило. Помогли лопату нести — все руки отмотала, а бросить жалко.

Перехватил Тимофеев лопату, подцепил соседа под руку, повёл домой. Когда уложил на кровать поверх одеяла, сказал:

— Тебе теперь нужен покой и тепло. Сейчас принесу меновазина, натрёшь им поясницу — и через полчаса всё как рукой снимет.

Тимофеев вернулся быстро, стукнул пузырьком о стол:

— Вот тебе флакон почти полный — на несколько раз хватит. Лечись.

— Да как же я смогу себя натереть, если повернуться не могу!

Николай натёр соседу меновазином поясницу, а после уложил на спину, закутал болящего покрывалом с дивана, сверху навалил всякой одежды, подсказал, как настоящий лекарь:

— Тебе сейчас нужно тепло, чтобы пропотеть и заснуть... — Подумав, спросил: — Ну, а всё-таки, кто же тебя этой напастью накрыл, неужели кому-то насолил? — А Бармасов лишь слабо отмахнулся, как от назойливой и кусачей мухи.

Когда Тимофеев, покрутившись, ушёл, Михаила Сергеевича занимал даже и не сам его вопрос, а то, что он мог возникнуть в шальной голове Тимофеева. Это надо, до чего додумался: Бармасов кому-то насолил!.. Следом за этой мыслью почувствовал, что действительно засыпает. Спал он часа два, потом аккуратно поднялся с кровати, слегка повернулся вправо-влево и почувствовал себя вполне сносно. Это радовало. А когда вспомнил, что сегодня в бане мужской день, то полегоньку собрался и отправился на Ямы, где с давних пор коптит трубой такое нужное заведение со спасительной парилкой. А что может быть лучше обжигающего пара в его положении.

Дважды попарившись, он почувствовал, как ожила спина, стала такой, что забыл, где она находится. Когда помаленьку остыл в предбаннике, вернулся домой, помолился, а после поужинал, чем Бог послал, и вдоволь напился чаю с вареньем. День-другой он остерегался резких движений, а потом пообвыкся, словно и не таскал кроличьи ящики, словно не растирал ему спину сосед — всё забыл. Только почему-то вспоминалась баня. И он решил: «Вот выйду на пенсию — каждую неделю буду ходить! В субботу в баню, а в воскресенье в храм!»

С установлением окончательного тепла — в ту радостную пору, когда закурился парком прогретый солнцем огород, когда скворушка пел около старой скворечни, не переставая, — Бармасов всё время проводил на участке. Копать и сажать пока рано, но Михаил охотно заделывал прорехи в городьбе, выдирая прошлогодний бурьян, кое-где оставшийся по межам. Собрал мусор под яблонями, сложил его кучками на тот случай, если вдруг в пору цветения придут заморозки. Из всего того, чем мог он пользоваться, имелся в наличии лишь «американский» лук, росший густыми кустами, ошетилившимися мелкими перьями. Зелёный лук ранней весной — очень кстати, когда не хватает витаминов. Нарезешь его мелко, посолишь, приправишь постным маслом — объеденье, особенно с отварной картошкой да чёрным хлебом. Но этот лук скоро сойдёт, поэтому Бармасов посадил на солнцепёке небольшую грядку лука-севка, зная, что зелёную с этой грядки можно будет пользоваться через две недели.

И всё бы неплохо складывалось, но заботило, что малопомалу утекали деньги, и взять их было негде. Никогда с ним такого не было. Даже в начале 92-го года, когда все остались без сбережений, а потом и после дефолта в 98-м. Но тогда какая-никакая работа была, хотя деньги ничего не стоили и частенько их задерживали, а теперь полная безнадёга. Ведь ещё полгода надо как-то прожить до пенсии. И Бармасов совсем бы упал духом, но тут помог случай. Как-то появился Николай Тимофеев, да не один, и озадачил:

— Сергеич, вот у брата жена умерла, могилу копать некому. Самому-то ему копать не след, а мне помощник нужен. Когда он сообщил, то я сразу вспомнил о тебе.

— А что же не о братьях? — спросил Бармасов, имея в виду братьев-близнецов Незнанных, работавших в филиале ритуального агентства и выполнявших скорбные заказы.

— Заняты они, народ валом мрёт, отказались, как узнали, что надо идти пять километров пёхом, а по распутице не вот-то разбежишься. И на машине нельзя — асфальта туда нет.

— Пожалуйста, не откажите! — попросил тимофеевский брат — крепкий, увесистый, совсем на него не похожий. — Всё оплатим, — обнадёжил он, во все глаза рассматривая Бармасова.

— Да ладно, — проворчал тот, а у самого сладостно заняло сердце от реальной возможности заработать на хлеб. — Ну и когда надо?

— Сейчас и пойдём.

— Лопаты-то есть, а то я только сегодня наточил?!

— Возьмите свою, не помешает.

Прихватил Бармасов лопату и спросил:

— Как вас звать-величать?

— Сергеем...

— Ну и дай Бог. Теперь можно и в путь.

— А дверь-то не будешь запирать? — спросил Тимофеев, когда собрались.

— Зачем? — усмехнулся Михаил. — Мой дом и без того за километр обходят.

А Тимофеев пояснил брату:

— Михаил Сергеевич у нас на особинку живёт! Уж так народ приучил, что без участкового почти два года живём. И главное, в посёлке прекратились безобразия. Даже шпана поутихла, а кто посерьёзнее — уехали в другие края. Сглазу дяди Мишиного бояться.

Брат внимательно посмотрел на Бармасова, а тот смутился:

— Шутит Николай... Если послушать, что обо мне сплетают, то рехнуться можно. Не обращайтесь внимания.

— Как же не обращать! Теперь все жители дрожат при встрече с тобой: не дай бог покоситься, а уж тем более чем-то обидеть! — нарочно не успокаивался Тимофеев.

Бармасов промолчал, давая понять, что устал от такого разговора. Ему захотелось поскорее выйти за посёлок, оглядеться на соседних полях, которые знал наперечёт, взглянуть на перелески и берёзовые лесопосадки, пока ещё голые, но уже слегка украшенные зелёной кисеёй, послушать жаворонка. И вообще пройтись, размять ноги, а то засиделся за зиму, прокис в четырёх стенах, а теперь случай поможет проветриться.

Кладбище хотя и относилось к посёлку, но ранее считалось приходским кладбищем Алексеевки — княжеского села, когда-то проигранного в карты вместе с крепостными. Сельцо тогда переселили километров за восемь в лес, стало оно деревней — то есть без храма, но и там проиграли, и вновь перегнали людишек, теперь поближе к Кавардакину, когда-то считавшемуся городом, но при советской власти утратившему этот статус. Разместили людишек на оврагах, будто в насмешку: мол, из князи да в грязи. Так с тех пор и мыкаются алексеевцы, особенно в весеннюю и осеннюю распутицу. Людей гоняли, а кладбище так и оставалось единым во все времена и называлось оно Алексеевским. Хотя и недалеко от Кавардакина, но в стороне, в бездорожье. Церковь со временем разрушилась без пригляда и задолго до большевиков: бревенчатый придел, говорят, сгорел, а кирпичную кладку мало-помалу растащили.

И вот они шли теперь на это старое кладбище, укрытое разросшимися деревьями, на полпути между Кавардакиным

и Алексеевкой. Когда пришли, Сергей указал место, где надо копать, а сам отправился в деревню, вернулся через час с бутылкой и закуской, воды трёхлитровую банку прихватил, да совковую лопату, чтобы грунт ловчей было выбирать. Пока ходил, они уж половину выкопали, благо земля успела оттаять, и не пришлось долбить ломом. Копали молча, а как докопали, то вышли за кладбищенский ров, и Сергей на подвернувшемся пенёчке выложил снесь и бутылку. стакан поставил. Бармасов выпивать отказался, а братья выпили и раз, и другой, и третий — быстро уговорили бутылку самогонки, помянули усопшую. Сергей даже прослезился, хотя и взрослый мужик, уж внуки есть. Помолчав, мужики разговорились, а Бармасов, не вмешиваясь в их разговор, налегал на отварную в мундирах картошку, капусты квашеной наелся вволю, хлеба бородинского. В общем, давно так не пировал. Правда, очень хотелось ветчины, но он не притронулся к ней, помня о Страстной неделе, лишь слгатывал слюну, наблюдая, как братья расправляются с ней.

Возвращался он всё равно счастливым, ощупывая в кармане тысячу, и почти не слушал захмелевшего Тимофеева, предложившего зайти к нему. Добравшись до дому, взял жировки и отправился в сбербанк, заплатил за свет и газ. А после зашёл на почту, где был радиоузел, написал заявление о ликвидации радиоточки. Поставив подпись, спросил, уставившись единственным глазом на работницу:

— Человека пришлётё провода отрезать или самому чикнуть?

— Обрежьте, не ждите монтёра! — посоветовала прилизанная девчушка, будто только что из воды вынырнувшая, с опаской разглядывая посетителя.

— Ну что же, сделаю по-вашему — надоело слушать пустую болтовню.

12

Сразу ему не удалось срезать провода: лестница оказалась сломанной. Сделал новую лишь через несколько дней. Когда добрался до «стаканчиков» на столбе и «перекусил» провода, то заметил, спускаясь, на соседней усадьбе нового человека, женщину. Сперва подумал, что это Нина вернулась, но, приглядевшись, понял, что обознался. Женщина тоже посмотрела в его сторону, даже приложила руку, заслоняясь от солнца, чтобы разглядеть. От взгляда и внимания Бармасов вспыхнул. Ему сделалось жарко, захотелось тотчас подбежать, сказать ей... Что именно, Михаил не знал. Что-нибудь этакое — приветливое и запоминающееся, чтобы она

сразу почувствовала себя не лишней на новом месте. Но легко подумать — тяжело сделать. И он отрезвил себя сомнениями, говорившими, что не обязательно спешить, лебезить и навязываться — такое поведение мужчине не подобает. Вот если бы оказать конкретную помощь, для пользы что-нибудь сделать — это уместно. А бежать и совать нос, куда не просят — очень легкомысленно. Ещё подумает соседка, что он навязывается.

Несколько дней он терзал себя, поглядывая на женщину, когда она выходила на участок и копалась на грядках. И он спешил в такой час чем-нибудь заняться на своём огороде, чтобы хоть так привлечь к себе внимание. Но и это не помогло. Даже при его появлении она спешила уйти в дом, словно остерегалась не только встречи, но и перекинуться парой слов боялась. «Наверняка ей кто-нибудь напел про меня — вот она косится и хоронится. Только на всю жизнь не схоронишься, рано или поздно какая-нибудь нужда заставит обратиться», — думал Михаил, начиная мало-помалу остужать в себе недавний юношеский порыв, вспомнив о Страстной неделе.

Совсем его остудил после Пасхи, когда на майские праздники к соседке приехал сын с семьёй, а чуть погодя пришёл в гости. Постучался в оконную раму, окликнул в раскрытые створки:

— Есть кто в доме?

Бармасов удивился, даже немного стушевался, отвыкнув за последнее время от гостей и хрипло отозвался:

— Иду, иду..

Он вышел на крыльцо и увидел молодого, широкоплечего мужчину, коротко постриженного.

— Валерий, — представился он. — Ваш новый сосед. — И подал руку.

Михаил ответил на рукопожатие, назвал себя и сказал:

— Слушаю вас!

— У меня есть предложение, — сказал Валерий, разглядывая Бармасова. — Чтобы не мешать друг другу, можно поставить глухой забор на границе участков. Так всем будет спокойнее, а ваши куры, уж извините, по нашему огороду бегать не будут.

— Ставьте, я не возражаю.

— А если скинуться, ведь дело-то общее?

— Я бы не против, но не располагаю средствами, скромно живу.

— Потом отдали бы, когда появились бы.

— Вряд ли это скоро произойдёт. Так что обойдитесь как-нибудь без меня.

Гость замолчал, что-то обдумывая, и сказал:

— Ну что же: воля ваша. Моё дело предложить, чтобы потом не было претензий.

Он ушёл, а у Бармасова разболелось сердце: ноет и ноет, давит и давит от понимания неприятного факта, окончательно смазавшего все надежды на дружеское знакомство с соседкой. Ведь теперь, когда этот Валера наверняка всё расскажет матери, в её сторону можно не смотреть. Теперь это пустое занятие.

Только к вечеру, когда поспал, сердце успокоилось. Проснулся он другим человеком. Усмехнувшись, подумал: «Раньше надо было жениться, когда молодым был, а теперь чего ж...»

В правильности своих мыслей Михаил убедился через неделю, когда сосед привёз машину металлического профиля, столбы из труб и троих рабочих, и они за день обнесли усадьбу глухим двухметровым забором, а трубы цементным раствором залили. И ладно бы по совести сделали, а то, видимо, ничего не зная о Бармасове, о слухах, какие ходят по посёлку о нём, прихватили полметра лишнего, всю межу захапали. И ясно, что сделали это по указке хозяина. Михаил не стал ни скандалить, ни даже выговаривать, а уж потребовать перенести забор — тем более. Всё равно не станут суетиться, понимая, что одинокий старик им не чета, только подумал: «Зря это вы так сделали. Аукнется. Видит Бог — аукнется!» Бармасов не просил послать на них кару, даже не думал об этом. Зачем, если наверху и так всё известно. «Отгородился, считай, мать заживо похоронил, а это не от большого ума!» — подумал он о соседе и вспомнил его мать, которую по-прежнему не знал, как зовут.

Вскоре он о соседке совсем забыл, когда ещё раз пригласили выкопать могилу в совсем дальней деревне; видимо, прошёл слух, что Зверь стал могильщиком. А потом и ещё подвернулся случай. Он особенно запомнился. В напарниках у него оказался долговязый местный парень, который словно с неба свалился. Копание могилы никого на веселье не подвигает, ибо, углубляясь в землю, человек о земле же и думает, представляя свою кончину, а тут уж не до веселья. Да и вообще на кладбище, где даже птиц не слышно, в людей вселяется знобкая настороженность, ходишь по нему или что-то делаешь, и складывается такое ощущение, будто за тобой наблюдает многочисленная рать. Это всем известно, а его напарник будто ничего не знал этого и не догадывался.

— Дядь Миш, особенно не старайся — не размахивай могилу, — упреждал Никита, заросший гривой молодой мужик лет тридцати. — В Митрохе всего-то метр с кепкой был...

— Что так? Сколько же лет-то ему?

— Да уж почти пятьдесят, но горбуны долго не живут.

Бармасов промолчал, а Никита, словно воодушевившись от его молчания, продолжал, отхлебнув из бутылки, закусив мятым яйцом и обдав волной самогона:

— Вот когда я помру, то со мной помучаются! Во мне почти два метра, даже хотели из армии комиссовать — сорок восьмого размера сапоги не нашли. Шили на заказ, а пока шили, я портянки пакетами обматывал — так и ходил по казарме две недели. А чё: лафа. Все на плацу строевой занимаются, а я устав в тепле изучаю. Три раза в день еду в котелках носили из столовой — авторитетно жил. Единственное, что было плохо — толчки заставляли мыть по несколько раз в день. Обычно дневальные за чистотой следят, а я вечным дневальным стал. Потом, правда, когда сапоги привезли, на мне и на плацу отыгравались — с утра до вечера строевой гоняли, к присяге готовили. Так что ни приведи Господь быть таким, как я... Вот, смотри, — Никита лёг на землю, — какая мне будет могила нужна. Копать люди замучаются, особенно если зимой придётся.

— Ещё чего удумал? — Бармасов чуть ли не поддел лопатой говоруна. — Не дразни судьбу, она и так к людям бывает безжалостной.

— Да это я для примера.

— Всё, хватит об этом. Жена-то есть?

— Есть. Правда, с ребёнком взял. Скоро общего родит.

— Такая же рослая?

— Не, длинных не люблю. Она махонькая у меня. Длинную и толстую бы не взял — не прокормить! — Он долго хохотал, оскалив на удивление ровные и красивые зубы.

Когда выкопали могилу в половину Никитино роста, он сел на бруствер и сказал тоном, не терпящим возражений:

— Всё, хватит с него. Он всех баб в деревне перещупал. К моей свататься приходил, когда она овдовела. Тот ещё тип был. Вот тебе, дядь Миш, деньги от хозяев. Маловато, конечно, но они скупердяи. А на меня не обижайся, что я весёлый такой. Настроение у меня сегодня: думал, бутылка будет на двоих, а оказалось — на одного!

«Победитель! Нашёл место радоваться!» — подумал Бармасов о разгулявшемся Никитушке. Спустившись в могилу, по своему росту промерил глубину, оказавшуюся ему по шею, успокоился.

Никита же подковырнул:

— Удостоверился?

Михаил промолчал, а простился с ним холодно, почти никак, и торопливо зашагал в Кавардакино, решив более не

соглашаться на подобный приработок. И сделал это вовремя. Потому что однажды заявили братья Незнановы и поставили в известность:

— Будешь, дядь Миш, и далее могилы отворять, то делиться придётся. Учти это! — вроде настырно и нахально сказали, но с заметной опаской, зная сущность Бармасова.

— Уже учёл. Не по мне эта работа, ребята. Годы не те — спина болит. Как-нибудь с огорода прокормлюсь.

— Ну, мы тебя предупредили.

— Вы сказали — я услышал.

Но себе-то он признавался, что перестал халтурить более не из-за того, что «болит» спина, а опасаясь навлечь на себя гнев братьев Незнановых. Они же, как оказалось, остерегались его самого. Он это понял, когда принесли пять тысяч.

— Зачем это? — удивился Бармасов. — Мною не заработаны.

— Пригодятся. Ведь знаем, что без денег сидишь! — более ничего не объясняя, сказал один из братьев — какой именно, он так и не понял, потому что оба были на одно рыжее лицо — и положил денежку на стол, и тотчас оба развернулись и вышли.

На крыльце замялись и попросили:

— Дядь Миш, только не вреди нам... Ну, сам понимаешь!

— Зачем же вредить — ведь ничего плохого мне не сделали.

И в прошлый раз душевно поговорили, а ныне так и вовсе.

— Ну, тогда договорились!

Они, довольные, ушли, а он подумал: «Надо не меня бояться, а Бога, но разве они понимают это?» Его не волновало подобное к себе отношение, более мучила обида за братьев и им подобных. Ведь таких много в Кавардакине, почти все. «Неужели я такой неприглядный и страшный, что пугаю людей, заставляю их откупаться. Ведь эти Незнановы вполне могли по-настоящему пригрозить, а если не помогло бы — избить. Так делали в 90-е, да и сейчас, наверное, кто-то не гнушается этим и легко расправляется с неугодными и непокорными», — рассуждал Михаил. Он не боялся пострадать, но всякое так называемое вредительство, приписываемое ему, причинялось кем-то против его воли, даже применительно к тем, кто действительно обижал.

Впрочем, он недолго рассуждал по этому поводу даже и тогда, когда вспомнил об оставленной братьями пятитысячной: «У них не убудет. Уж такие деньги дерут с людей — подумывать страшно!» В тот же день он оплатил коммуналку, купил кое-что из еды и немного денег приберёт на чёрный день, которым теперь мог быть каждый из тех, какие отпущены свыше.

Что ни говори, а насиделся за зиму Бармасов в доме. Зато с наступлением весны, когда начал работать в саду и огороде, когда сделал несколько походов в окрестные пределы, он понял, что зря провёл столько времени в добровольном заточении, и теперь укорял себя за это и стыдил. От всего этого воспрянул духом. Его даже не огорчало неудачное знакомство с соседкой и вероломство её сына, оттяпавшего часть огорода, — всё это чепуха. Главное, что он живой, что видит, насколько позволяет зрение, свет Божий, и любит всех людей.

Теперь, покопавшись с утра в огороде, он шёл в центр посёлка, из конца в конец проходил центральной улицей. Незаметно поглядывая на прохожих при этом и замечая, что все они при его приближении либо переходили на другую сторону, либо спешили поздороваться, но делали это молча, кивком, словно опасаясь, что он может что-то сказать в ответ, попытаться заговорить, а всякий разговор с ним, наверное, пугал. Но он не хотел никого пугать, наоборот, ему очень хотелось с кем-нибудь поговорить, завести душевного друга, перед которым можно любезно, с радостью на сердце открыть душу. Но таких почему-то не находилось, хотя его все знали.

И всё-таки было приятно находиться среди людей, которые ему ничего плохого не сделали. Как-то он нашёл сто рублей, оглянулся, чтобы вернуть тому, кто допустил потерю, но никого рядом не оказалось, и он оставил сотенную у себя. Надеялся, что кто-то подойдёт, спросит по-свойски: «Дядя Миш, денежку не находил?» И он тогда с превеликой радостью воскликнет: «Да, находил, — вот она!» И достанет из кармана мятую купюру и вернёт владельцу. Но в тот день так никто и не спросил о деньгах, да и вряд ли кто осмелился бы, а ему казалось, что сотенная жжёт ногу. Он и на следующий день думал о деньге, а потом мало-помалу привык к ней, как к факту, стал считать своей, законной, вспомнив поговорку: что с воза упало, то пропало.

Если в первые дни он ходил по посёлку с непокрытой головой, но быстро загорел, поэтому выбирался теперь из дома в старой, но крепкой кепке с длинным козырьком, хорошо защищавшей от солнца и пыли. Он носил её во время жатвы, а теперь в повседневной жизни и радовался жаркому солнышку. Но и дожди любил, после которых не надо было поливать огород. Тогда и вовсе всё время — с утра до ночи — твоё, сколько угодно ходи по посёлку, а если устал, то можно посидеть под ёлками в сквере у администрации, где возвышался памятник Ленину. Бармасов никак не относился к бывшему

вождю: ни хорошо, ни плохо. «Ведь не жил я в то время, а значит, лично не знаком, но даже если бы и знал его, то держал своё мнение при себе. А то иной раз послушаешь по телевизору, что говорят о нём, то уж кажется, что все по его раз ручкались с ним. И каждый засранец изгаляется по-своему. Мол, угнетенно жили в государстве, созданном им! А сейчас что, лучше?! — возмущённо думал он, беря во внимание свою неприкаянную жизнь. — Нет, я бы так не сказал. Заботы не чувствую со стороны властей. А ведь у меня стаж сорок лет, я — инвалид, и инвалидность заработал не по пьяному делу, а на работе. Это что-то да значит!»

Вечерами и ночами у памятника собиралась молодёжь. Приходили с пивом, иногда с бутылкой, с лёгкими хрустящими закусками и куролесили до утра, особенно в выходные. И стал замечать Бармасов, что если появиться утром пораньше дворника, убиравшего территорию вокруг администрации, то можно кое-чем поживиться. Его не интересовали пустые бутылки и прочий мусор, но то, что иногда попадалось на глаза, — радовало душу. Это были монеты. И мелкие и покрупнее — все они потом приятно звенели в кармане. Иногда к ним прибавлялись купюры. Тогда и вовсе душа начинала петь. И что ему угрызения совести, если этими деньгами он завладел, никого не обидев, ни в чей карман не забравшись. Лишь только, как стал замечать Бармасов, дворник был им недоволен, как-то прервав его поиск.

— Кто тебя звал сюда? Добытчик нашёлся! — чуть ли не с кулаками набросился он и, поругавшись, стал ранее обычного выходить с метлой, чтобы опередить конкурента.

Тогда и Михаил приладил просыпаться на рассвете. Сходит на площадь, соберёт добычу и радуется в душе, имея в виду шелапутного дворника: «На-ка, выкуси!»

К добыче на площади Михаил вскоре прибавил ещё одно занятие. В примыкающем переулке находилась пивная слетней верандой: взяв пива, мужики выходили на освежающий ветерок. Бармасов пиво не пил, но однажды остановился, начал разглядывать посетителей, словно хотел попутать их. Пригляделся к одной компании, и к нему пригляделись.

— Дед, чего тебе? — спросил незнакомый мужик, видимо, приезжий.

Бармасов промолчал, продолжая рассматривать компанию.

— Ты чего, глухой, что ли?

— Да не цепляйся, — остановил незнакомца кто-то из местных. — Это наш Бармасов... Дядь Миш, может, пивка выпьешь?

Михаил мотнул головой, а незнакомец сошёл с веранды, сунул денежку в карман его пиджака и шуганул:

— Вали отсюда, не порть настроение!

Михаил Сергеевич так же молча повернулся и, привычно закинув за спину руки, крепко держащие чёрную сумку, пошёл к центральной улице. Зайдя за угол, не утерпел, достал из кармана денежку, оказавшуюся пятьюдесятью рублями. Он удивился такой щедрости и сразу отправился в магазин «Горячий хлеб», купил две буханки. Хотелось бы и сахара купить, но и без него можно чай пить. Если долго жевать хлеб, то из горьковатого, он превращается в сладкий, до невозможности вкусный. Он это знал ещё с тех пор, когда работал на комбайне. Если долго не привозили обед, он, нашелушив зерна, начинал помаленьку жевать его, и постепенно оно превращалось в клейкую массу — тягучую и вкусную.

На следующий день Бармасов повторил манёвр с заходом к пивнушке. Посетителей, правда, оказалось мало, все местные, и никто не обратил на него внимания. Огорчившись, он отправился на площадь, по пути найдя два рубля. Два рубля, конечно, погоды не сделали и радости особенной не принесли, но напомнили ему, будто укорили, что превращается он в натурального побирушку, а побирушек он сам никогда не одобрял, не понимая, как можно так опуститься. Ну, если бы человек пил, тогда да, вполне возможно такое состояние, но если он трезв, в своём уме, то каково протягивать руку за милостыней. Ведь стыдно же. Даже ему, инвалиду, который не может найти работу, а если находит, то не удерживается, чем-то кого-то не устраивая. И как быть тогда? Начать мошенничать, воровать? «Нет, никогда со мной этого не будет! — решил Бармасов. — А подаяния брать буду, от этого никуда теперь не деться». Он даже подумывал о том, чтобы начать просить милостыню на паперти, но когда вспомнил о батюшке Алексии и представил, какой будет испытывать стыд перед ним, отказался от этой заманчивой, но не выполнимой задумки.

Ещё несколько раз он оказывался у пивнушки, понемногу разживаясь, а потом мужики раскусили его хитрость и начали гнать, но осторожно, чтобы не накликать бармасовский гнев и порчу:

— Сергеич, не надоедай. Самим не хватает. Не обижайся.

А как-то встретился с Прониным, чуть ли не за грудки взявшим и предупредившим:

— Ещё раз увижу здесь твою рожу — мозги вышибу!

Бармасов внешне никак не отреагировал на угрозу, молча повернулся и пошёл прочь, сдержав обиду. Мог бы, конечно, ответить ему, но зачем себя осквернять.

Оставалось разживаться около Ленина, уж он-то за грудки не возьмёт. Правда, и у памятника не всегда везло. И он не

знал, как дальше жить, да и жизнь ли это, продолжавшая наполняться унынием.

14

Он окончательно расклеился бы, но тут прошёл слух, что грибы пошли на полях. Появилась новая планида. На полях, в прямом смысле этого слова, грибов быть не может, но когда говорили «на полях», то имели в виду заросшие берёзами и осинами пашни, давно запущенные. Некоторые чуть ли не настоящим лесом стали. Вышел на восточную окраину посёлка — и вот он, зеленеет.

В первый же поход Бармасов набрал ведро свинушек, но и подберёзовики с подосиновиками частенько попадались. Со свинушками он сразу расправился: отварил, обжарил и залил яичками — объеденье. Другие грибы решил замариновать, припасти на будущее. Уж чего-чего, а соль и уксус у него были, чеснока молодого надёргал в огороде. Конечно, грибы сильно уварились, но и литровая банка радовала, и её можно оставить до лучших времён. Или худших. Тем более что и банку, и крышку он прокипятил. Если уж не на год, то месяц-другой сохранится в холодильнике.

Воодушевлённый заготовкой, он теперь каждый день ходил на заросшие поля и возвращался не с пустыми руками. Особенно в середине недели, когда грибников поменьше. А то в выходные и дачники наедут, и те, кто в конторах сидят, тоже не отказываются от такого промысла. Так что в выходные, пройдясь утром по посёлку, он занимался домашними делами, огородом.

Вскоре картошка молодая пошла. «Житуха! — радовался он. — Осталось немного потерпеть, а к зиме буду пенсию получать. Вот когда жизнь-то начнётся настоящая!» На грибах, картошке да домашних яичках от полдюжины куриц (прежде было больше, но помаленьку-полегоньку нескольких пустил зимой на суп, когда уж совсем кормить их было нечем) он мало-помалу отъелся, набрал силу. Теперь всё дальше уходил, всё больше приносил грибов. Даже нашёл место, где росли белые, которые сушил. Можно бы и их замариновать, но без перца, без гвоздики маринад не тот, поэтому и портить такое богатство необязательно. Зато как будет хорошо зимой сварить грибной супчик. Бармасов даже представил его аромат. Но всё-таки белые редко попадались, зато других набиралось обильно.

Через неделю он даже приноровился продавать грибы, и дачники у него охотно покупали. Особенно московские. В столице-то на грибы такие цены, что подумать страшно, а в Кавар-

дакине они брали ведро по цене столичного килограмма. Когда первый раз Михаилу предложили пятьсот рублей, он даже не поверил, что за ведро подосиновиков да подберёзовиков можно отхватить полтысячи. Подумал, что ошиблась хозяйка. Но нет, легко отдала да попросила впредь приносить. Схватил он денежку, дома проверил на свет, помял, ощупывая шероховатости, — она самая, натуральная, и потом долго смотрел на неё, как на чудо, не понимая, почему люди так легко расстаются с деньгами. Или зарабатывают много, или большие — сами не могут до леса дойти. А вообще-то так и получалось: уж больно тучна тётяшка, купившая грибы, с её комплекцией не особенно-то поклоняешься каждому грибку. Если только на коленях ползать. Так все коленки, хоть толстые они у неё, сотрёшь. Всё это так, но какая ни будь комплекция, а всё равно разбрасываться деньгами не каждый сможет. Значит, есть чем. За грибы последние не отдашь.

Увлечшись грибами, он даже забросил хождения по посёлку. Как проснётся — сразу в лес. И уж знал заранее, кому потом грибы нести — несколько человек заказы сделали. Только успевай крутиться. Он даже достал с чердака велосипед, протёр от пыли и прилагодился ездить на самые дальние поля. Иногда два-три раза в день успевал обернуться, и всякий раз пустым не возвращался. Ведь чем дальше от людей, тем больше грибов. Дошло до того, что он перестал брать свинушки, теперь считая их сорными грибами.

Недели за две у него скопилось прилично денег, он полностью расплатился за коммунальные услуги, отложил часть на чёрный день и питаться начал по-царски, покупая селёдку пряного посола. Уж на что хороша с молодой картошечкой. Обьеденье, особенно с нерафинированным подсолнечным маслом, хотя и дорогим. А как-то купил котёлку колбасы, но она не понравилась, видно, отвык он от мясного, хотя много ли в той колбасе мяса? Может, потому и не понравилась.

Втянувшись в грибную эпопею, Бармасов совсем забыл о соседях, особенно тех, которые были за металлическим забором. Что-то давно он не видел хозяйку и не слышал её, обычно громко ругавшуюся на чью-то кошку, устроившую у неё на грядах туалет. А когда лазил на чердак за велосипедом, то увидел, что весь огород зарос лебедой и снытью, да и самой хозяйки не увидел. И не только в тот день. Спросил как-то у Тимофеева, мол, где она, соскучился очень...

— Хватился, Сергеич, да уж недели две, наверное, прошло, как сын увёз Людмилу. С позвоночником что-то у неё, нагнуться не могла: и ходила, и лежала, вытянутая в струнку. Сын говорил, какой-то нерв у неё защемился. Теперь будут

дом продавать. Говорят, за бесценнок готовы отдать. Не повезло людям.

Бармасов ничего не стал объяснять, почему не повезло, лишь вздохнул и более разговоров на эту тему не заводил. День за днём он продолжал ходить на грибную охоту с пользой для души и кошелька. Особенно зачистил, когда узнал от Тимофеева, что вот-вот введут плату за посещение лесных угодий — обложат грибников и ягодников налогом.

— Быть того не может! — удивился и не поверил Михаил. — Наверняка что-то ты напутал.

— Ничего не напутал. Телевизор надо смотреть. Недавно передавали по московской программе, что, мол, в правительстве приняли решение о том, чтобы со следующего, что ли, года людей запускать в лес только за деньги. А теперь подумай, почему поля зазеленели берёзами, и вроде никому до этого нет дела? Ладно, вижу, до тебя тяжело доходит, а я так скажу: их специально лесом покрывают, чтобы потом с грибников выгоду иметь? Видимо, посчитали, умные головы, что это доходнее будет, чем пшеницу сеять.хлопот меньше. Понял?

— Да, на выдумки ты горазд! — не поверил Бармасов. — Тебе лишь бы что-нибудь сболтнуть.

Он бы так и забыл этот разговор, но как-то разговорился с каким-то грибником, явно дачником, с опаской поглядывавшим на него и охотно подтвердившим, что всё так и есть.

— Вот до чего, батя, дожили! Ещё немного и на воздух налог объявят. А что: раз дыхнул — копейка. Ух, сколько таких копеек-то набегит за жизнь! — сказал-пожаловался он.

Так ли это или нет, с незнакомым человеком Бармасов не стал уточнять подробности готовящегося налога, но со следующего дня усердие удвоил. Чтобы удобнее возить и не портить грибам товарный вид на тряской дороге, прицепил по корзинке на багажник и руль, а на спину надевал рюкзак с твёрдой коробкой внутри. За одну ходку набирал три-четыре ведра, спешил, остерегаясь внезапного введения нового налога или введения задним числом.

Как-то возвратился он, нагруженный грибами, а около соседского дома стоит тяжёлая машина и рабочие грузят недавно поставленный соседом забор. И сам сосед около них вертится. Бармасов молча занёс в дом грибы, попил водицы и вышел во двор, посмотреть, что делается у соседей. Действительно: рабочие спиливали «болгаркой» столбы, освобождая межу, и целыми секциями носили на машину — торопливо носили, будто кто-то за ними гнался. И Бармасов не удержался, едко ухмыльнулся: «Стыда бояться!»

Ухмыльнулся впервые за долгое время, хотя и знал, что это такое — смеяться над другими.

15

Соседский дом долго не пустовал. Через три недели появилась новая хозяйка, и, помня, как к нему относилась предыдущая, Бармасов не набивался на знакомство. Правда, однажды не утерпел и, вернувшись из леса, отнёс соседке большую миску отборных подберёзовиков. Та увидела грибы и ахнула:

— Откуда же такое богатство?

— Это вам заяц из лесу прислал. Так что прошу принять. От чистого заячьего сердца! — стеснительно пошутил Михаил и полюбопытствовал: — А как вас звать-величать? Ведь соседи теперь!

— Светлана Евгеньевна я... — кокетливо представилась она, действительно показавшись кокеткой: невысокая, ладная, на лицо приятная, а зелёные глаза с хитринкой.

— А я, наверное, знаете, — Михаил. Так что если какая помощь по хозяйству нужна, — обращайтесь. Что в моих силах, во всём помогу.

— Уж и не знаю, за что братья. В доме вроде порядок, а вот огород запущен. И теперь уж поздно с ним что-то делать.

— Это верно, но траву-то скосить всё равно надо, а потом перекопать под зиму. Следующей весной вернётесь, тогда и приступите по-настоящему. А пока — если зелень какая нужна, лучок, морковка — обращайтесь. У меня этого добра с избытком.

— За заботу спасибо, а если говорить о будущей весне, то до неё дожить надо, да и не собираюсь я уезжать на зиму. Теперь постоянно здесь буду. В городе нажилась — хватит, внукам место пришла пора освободить, а самой — на природу, если уж на пенсию вышла. Я ведь родом из этих мест. Из Казанки. Знаете такую? Это если ехать в сторону райцентра.

— Слыхал, — ответил Бармасов, вспомнив деревеньку километрах в семи от Кавардакина.

— Но сейчас там никто не живёт, поэтому дочь присмотрела и купили мне домик по сходной цене в вашем посёлке, обещала навещать. Вы не пенсионер случаем?

— Осенью должен оформиться.

— Пенсия, что и говорить, — большое подспорье.

— Согласен: совсем другая жизнь начнётся.

Он не стал объяснять, какая именно. Попрощавшись, ушёл со спокойной душой, и было радостно от понимания того, что смог кому-то помочь, что-то подарить, а то в последние годы никому ничего не дарил, не считая Анютки, только ждал, ког-

да ему что-нибудь подкинут. А порою и не ждал, а выпрашивал, особенно в последние месяцы. А уж это совсем неприятно и так стыдно, что, добыв деньги, потом даже не радовался ей, а в душе от такого «богатства» становилось до невозможности погано. Теперь у него всё изменилось, а скопленных «грибных» денег вполне хватит до октября, когда начнёт получать пенсию, тем более что у него полно запасов.

Настроение победителя в нём жило несколько дней, пока его не вызвали в поселковую администрацию к Светловой. Вызвали письмом, словно тяжело дойти, а в письме не сообщили причину, из-за которой вызывают. Думал Бармасов, думал и ничего не придумал — не было с ним никогда такого ранее, чтобы поселковое начальство вспоминало о нём: то ли недостоин, то ли был без надобности. А тут вдруг понадобился. Ну, если вспомнили, надо идти. Собравшись, костюм надел, ботинки почистил.

Двухэтажное здание администрации вполне солидное, сложено из красного кирпича, да с вензелями, а досталось в наследство от райкома партии, а райкому — от бывшей гимназии. В общем, красивая постройка, штучная. Увидев соседа Тимофеева за столом дежурного, удивился:

— Николай, а ты давно ли сюда прибился?

— Второй день всего сижу. Из котельной уволился.

— Что так?

— Директриса сказала, что ты на меня плохо повлиял, строптивым я сделался в последнее время и всё такое прочее.

— Не переживай. Здесь тоже, думаю, можно работать. Народ вежливый ходит, культурный.

— Посмотрим, что дальше получится.

— Сама-то у себя?

— Прошла недавно...

Поднялся он на второй этаж, где располагался кабинет главы, в приёмную зашёл, показал письмо молоденькой девочке-секретарю, а та сразу за телефон.

— Маргарита Ивановна, к вам посетитель! — доложила она, накручивая локон на пальчик, и, видимо, выслушав указание, сказала Бармасову: — Проходите, пожалуйста!

Одёрнув пиджак, он вошёл, поздоровался, положил на стол письмо, вопросительно посмотрел на главу, которая когда-то была заводилой среди ребятни, организовывала набеги на сады. Забиралась и к нему, он пытался её поймать — почему-то хотелось поймать именно её, но она, долговязая, всякий раз спасалась бегством, легко перемахивая через городьбу. И вот он стоит перед лицом этой проказницы, ставшей начальником, понимая, что ничего хорошего ждать не приходится. Так и вышло.

— Присаживайтесь, Михаил Сергеевич! Жалоба на вас пришла! — сразу «обрадовала» она.

— От кого же? Или анонимка? — спросил Бармасов, присев на краешек стула.

— Нет, не анонимка. У письма есть автор, скрывать его нет надобности — это Алексей Пронин. Знаете такого? Учителем в школе работает.

— Чего ж не знать — знаю. Как-никак жизнь прожил здесь.

— Вот и хорошо. Вот вам письмо — читайте.

— Зрением слаб. Сами прочтите, если не трудно.

Светлова начала читать, и от слов, которые она произносила, Бармасову сперва стало смешно, а потом обидно чуть ли не до слёз. Опять его обвиняли в колдовстве, в нарушении общественного порядка, в попрошайничестве и дурном влиянии на настроение жителей, многие из которых впали в депрессию. Добавилось и новое обвинение, от которого впору рассмеяться: мол, ночами воет по-волчьи, специально пугает людей, создаёт им невыносимо тревожные условия для жизни и трудовой деятельности... Перед тем как закончить чтение, хозяйка кабинета сделала паузу, сказала со значением:

— А теперь главное: «В связи с вышеизложенным, прошу создать инициативную группу по организации схода жителей посёлка, на котором рассмотреть вопрос о выселении гражданина Бармасова М.С.».

От услышанного Михаил опешил, не зная, что сказать в оправдание, ведь оправдываться было не за что, лишь спросил:

— И вы, человек с высшим образованием, верите в этот навет. И ладно, если бы это сочинил простой человек, вроде меня, но ведь это учитель опустился до такой подлой низости! Чему же он может учить детей, если его самого надо учить и учить. В общем, я всё понял, поэтому официально заявляю: вины никакой за мной нет. А если нет вины, то и мер никаких не имеете права применять.

Увидев Бармасова таким серьёзным, глава смягчилась:

— Да никто не собирается вас выселять. А то, что вызвали вас, так это наша работа — реагировать на заявления граждан...

— Хорошее занятие — нервы трепать, — прервал он её и, едва сдерживаясь, чтобы не наругать, выскочил из кабинета, словно облитый чем-то гадким.

Мелькнув мимо удивившегося Тимофеева, не успевшего ни о чём спросить, Михаил Сергеевич успокоился, лишь добравшись до сквера. Здесь отдышался и, пересилив себя, зашептал: «Спасителю мой, научи меня простить...»

Несколько дней не только не выходил из дома, но даже не ездил за грибами, приходя в себя и осмысливая ситуацию.

Получалось, что жить отшельником надёжнее и спокойнее. А вот если начинаешь мелькать на глазах, стремясь к общению, то это сразу нарушение общественного порядка. А уж если какую копейку заработаешь — тогда враг почти, готовый клиент для налоговой службы и полиции, которая, слава Богу, перевелась в Кавардакине. А самая главная обида исходила от напоминания о попрошайничестве. Вот оно в чём дело. Видно, жалобщику Пронину не понравилось, что он ходит по посёлку, собирая монеты, что иногда заглядывает в пивную. Бармасову это и самому не нравилось, у самого перехватывало дыхание от такого заработка. Но вот вопрос: а что ему оставалось, если не имеешь средств к существованию, не говоря уж о достойной жизни. И заработать эти средства невозможно из-за его... Он даже не хотел думать о том, из-за чего его подвергают гонениям... Вроде свой человек и ничем, кроме бороды и запоминающегося лица, не отличается от всех иных, с которыми живёт в одном посёлке, ходит по одним улицам. Получается, вроде свой, а вроде и нет. Скорее — второе. Чужой он здесь человек, нежелательный — готовый элемент под выселение...

16

В конце недели постучали в окно, и он услышал приятный женский голос:

— Михаил Сергеевич, вы дома?

Бармасов отозвался не сразу, раздумывая, кто бы это мог быть, но когда вопрос повторился, то по распевному голосу узнал соседку и поднялся с дивана, сердито скрипнув пружинами, подошёл к окну.

— Что, Светлана, случилось?

— Со мной-то ничего... А вас что-то не видно... Уж, думаю, не заболели ли?

Бармасов сразу почувствовал необыкновенное тепло от слов соседки; оказывается, кто-то думает о нём, заботится. Это ли не чудо! Ему захотелось рассказать о встрече с главой администрации, пожаловаться, чтобы вошла в положение. Но раздумал и ответил:

— Заболеть не заболел, но душой занемог. Возраст сказывается.

— Умоляю, какой у вас возраст! А что если я приглашу на чай. Сегодня наварила сливового варенья — самый подходящий случай чаю попить!

— Вот оно в чём дело! А то валяюсь на диване и думаю: откуда это вареньем так вкусно пахнет? Наверняка Светлана Евгеньевна варит!

— Говорят, вы проникательный человек. Что ж, этого у вас не отнять. Иного, наверное, насквозь видите!

— Это кто же вам сказал?

— Говорят люди...

— От них можно такого послушаться, что страшно станет, особенно если живёшь рядом. Но вы не верьте — пустое всё это.

— Я и не верю, поэтому жду вас на чай! — твёрдо сказала она, как приказала, и ушла к себе.

Если бы Бармасов знал истинный повод приглашения, то и шага бы не сделал в сторону соседки. Но он не был избалован женским вниманием, поэтому легко согласился, ничего не зная о её мыслях. А у той — своя причина принять гостя, да такая, что не сразу и скажешь о ней. Светлана очень заволновалась вчера, когда, наводя порядок в сарае, увидела металлическую коробку. Конечно же, захотела посмотреть, есть ли что в ней. Кое-как открыла и увидела завёрнутые в целлофан деньги. Три пачки. И всё сердце оборвалось. Дома пересчитала — триста тысяч! Вот это удача! Но следом за радостью пришла забота: чьи эти деньги, кто их оставил. Ведь если хранились в потайном месте, то наверняка несправедливые. Что теперь с ними делать? Эти вопросы и заставили пригласить соседа, в надежде что-нибудь выпытать у него, чтобы знать, как поступить.

Бармасов же, поговорив с соседкой, даже не успел отказаться. А если не успел, то надо собираться. Он вымыл голову, ополоснулся и надел свежую рубашку. Было бы зеркало — заглянул в него, но зеркала он в доме не имел, чтобы не портить себе настроение. Когда выходил из дома, приставляя бадик к двери, почувствовал, как дрожат руки, и усмехнулся: «Вот жених-то выискался!» Чтобы не идти с пустыми руками, заглянул в соседний магазин. Подумав, попросил продавщицу взвесить пряников.

— Валечка, мне каких повкусней и помягче, — необыкновенно задиристо сказал он.

— Дядь Миш, чего это сегодня с тобой? — удивилась пышная и румяная продавщица. — Всегда туча-тучей ходишь, а сегодня сам медовым пряником светишься!

— И не спрашивай, девка. Племянница обещалась приехать — будет чего к чаю подать.

— Тогда уж и конфет возьми.

— Давай и конфет граммов двести. Шоколадных.

Сделав покупку, Бармасов поспешно вышел из магазина, но в ближайших кустах остановился, пересчитал деньги. Их оставалось три тысячи двести рублей с копейками, и он порадовался, что не очень-то много потратил. Он их всегда но-

сил при себе, всегда знал счёт им. А чтобы не потерялись — пришил булавкой карман булавкой.

Из магазина он возвращался гордым и, не заходя домой, сразу же постучал к соседке. Он, конечно, не набивался в любовники, поэтому и не обязательно разливался краснобаем, но и для соседских отношений нормальный разговор не помешает. И она охотно встретила его, усадила за стол, выложила его пряники в вазу, а конфеты убрала в полку. Чуть позже поставила на стол чайник, разлила по чашкам и добавила заварки.

— Это душица, — пояснила она. — На днях побывала в родной деревне — там и нарвала. Хотела родительский дом посмотреть, но нашла от него только развалины, заросшие крапивой и лопухами... Конечно, поплакала, потом сходила на наше кладбище в соседнем селе, убралась там у родителей и родственников. Всё настолько заросло...

— Главное, что поклонились... Ещё бы в церкви не помешало помянуть их.

Он, поняв, старался поддержать разговор, но так ни разу и не посмотрел на Светлану и чувствовал, что чем дольше находился у неё, тем сильнее конфузился. Будто шёл мимо и зашёл без приглашения, застав хозяйку врасплох. То, что и Светлана конфузится, он хорошо чувствовал, иначе она не просила бы каждую минуту: «Ну, расскажите ещё чего-нибудь... Ну, расскажите!» Он это потом понял, что всё-таки что-то рассказывал, что-то говорил, а что именно и о чём — совсем вылетело из памяти.

Час или полтора он пробыл в соседском доме, где ничего не изменилось после Соколенкова, а разговора не получилось, и понял, что никогда не получится. Да и как ему получить, если, в душе ругая себя, он и двух слов связать не мог. Спросит Светлана о чём-то, а у него всего два варианта ответа — «да» или «нет», словно он иностранец и по-русски говорить не умеет. Да и спрашивала-то она не о том, о чём надо бы, и о себе ничего не рассказала, а всё заладила с вопросом, мол, кто в её доме прежде жил, хорошие ли были у него отношения с ними...

Но он лишь спросил поспешно:

— Вам-то зачем это знать? Купили дом — живите, радуйтесь!

— Ну а всё-таки? — не отставала Светлана. — Мне это интересно!

— А по-моему, ничего нет интересного. Когда-то жила здесь семья — дедушка с бабушкой. Когда деда не стало, а бабушка стала плохой — приехала её племянница с семьёй, чтобы ухаживать, так как дом она отписала ей. Муж племянницы участковым милиционером стал. Лет, наверное, семь или восемь прожил здесь, но заболел и преставился.

— Зажиточный полицейский-то, наверное? На кого из них ни помотришь, у каждого машина богатая, дача.

— Не, наш простой был — росомаха, — сказал Бармасов и вспомнил о деньгах, которые этот «росомаха» сумел умыкнуть у мошенников. — Его не стало — дом нынешней весной по дешёвке отдали. Два или три месяца жила тут Людмила, да что-то на неё хворь навалилась. Теперь вот вы обосновались, может, задержитесь. Только вам-то что до тех людей, какие здесь прежде жили, что за интерес? — спросил Бармасов и внимательно посмотрел на хозяйку.

Та в душе смутилась, но виду не подала, ответила вскользь, понимая, что расспросами вызвала подозрение:

— Да так, ради интереса спросила. А пожить здесь хотелось бы, если, конечно, не будете мне вредить.

— Вот и вы о том же! — обиделся он, окончательно понимая, что говорить сегодня более не о чем.

Да они и не говорили. Услышав историю дома, Светлана отдала, словно только это её и интересовало.

Бармасов так и ушёл, не сумев побороть стеснительности, даже не попробовав пряников, но всё-таки догадался в ответ пригласить Светлану к себе на чай. Вернулся домой и увидел, какой у него беспорядок: и в одной комнате, и в другой. И, не зная, нагрянет в гости Светлана или нет, он всё-таки принялся наводить чистоту. Сперва снял шваброй паутину в углах, протёр пыль на полках и подоконниках, потом вытряс половики, подмёл пол и вымыл его; когда носил воду от колонки, старался не привлекать к себе внимания. Когда всё вроде бы сделал по дому, затеял стирку, решив постирать занавески и несколько рубашек, благо погода позволяла. Налил воды в корыто, высыпал полпачки порошка, замочил бельё и, чтобы не ждать, когда оно отмокнет, отправился за грибами — знал, что в лесу успокоится, придёт в обычное состояние.

За минувшую неделю, после похода в администрацию, он растерял покупателей — часть из них, завершив отпуск, уехала в города, другие сами пристрастились к грибной охоте. Но грибы поблизости почти перевелись.

— Дождя хорошего не хватает, — сетовали дачники, возвращаясь с полупустыми корзинками.

Бармасов всё это учёл и отправился в дальний молодняк, полового спускавшийся к реке. И не прогадал. Не сразу, но набрал две корзинки. Правда, не так быстро, как прежде. Вернувшись, он одну корзинку отдал Светлане, посетовал:

— Не стало летних грибов. Теперь надо опять ждать!

— Тогда зачем же отдали?

— Что же мне объесться, что ли? А вам как хорошо будет в охотку. Сейчас и картошки молодой накопаю к грибкам.

Он чувствовал, что именно такое общение нужно им со Светланой — чтобы весь разговор проходил между делом. Тогда сразу и слова находились, и стеснение пропадало.

Бармасов принёс соседке полведра картошки, а после постирал бельё, развесив его сушиться во дворе, подальше от посторонних глаз, и принялся обрабатывать грибы. Потом отварил их, закрутил банку, а остальные пожарил. Вот и не зря день прошёл.

Помолившись на ночь, укладываясь на покой, он вспомнил разговор с продавщицей и своё упоминание о племяннице и будто наяву увидел Анюту, не сдержался, сказал вслух, словно она стояла перед ним:

— Совсем забыла дядьку! — И долго потом ворочался, вспоминая племянницу.

17

Чем длиннее тянулась череда дней после памятного чаепития у Светланы, так и не появившейся с ответным визитом, тем острее Бармасов чувствовал, что ничего серьёзного у них в отношениях не получится. Он это понял, когда косил на её огороде траву. По окончании тяжёлой работы, она пыталась ему заплатить, но не деньгами, а позвав на обед — мол, заслужил, чем только обидела, окончательно построила стену между ними, отчего он почувствовал себя подневольным, побеждённым человеком низшего достоинства, работавшим, оказывается, за кусок хлеба. К тому же, как выяснилось, она оказалась учительницей истории, и это ещё более отшатнуло от неё, как и от всех учителей отталкивало после случая с Прониным. Бармасов перестал уважать их всех как вышедших из доверия. Он вспоминал учителей своего детства и сравнивал их с теперешними. Ему казалось, что современные — это люди с другой планеты, специально посланные, чтобы сломать у детей привычное отношение к людям и жизни. Сами по себе они, понятно, не могли так своевольничать, поэтому безропотно действовали по чьей-то указке, не в силах что-либо поменять в навязанной системе. В этом их можно было понять, но если бы это было лишь одной стороной — официальной, то другая-то сторона должна оставаться обычной, человеческой. Но почему-то получалось, что и вторая у них оказывалась фальшивой.

Иногда, наблюдая за соседкой, он невольно сравнивал её с барыней из рассказа «Муму», запомнившегося со школьных лет. И если в той истории все почему-то жалели собачку, то он до слёз переживал за обиженного судьбой Герасима. Ещё тогда он

чувствовал душевное родство с ним, шедшее от физического недуга, выделявшего их, пусть и по-разному, среди обычных людей. Поэтому, скошив траву на огороде соседки, Михаил на время отшатнулся от неё, тем более что пошли слухи о появившихся опятах. Да и время их подоспело — конец августа. Только теперь за ними надо было добираться ещё дальше — на вырубку. И он как-то отправился в старый лес, прихватив лёгкую корзинку и, на всякий случай, матерчатую сумку.

Вырубок в лесу много. Похоже, рубили-пилили всё подряд, но подходящей древесины не оказалось: кругом были трухлявые пни среди молодого тонкомера, обросшие травой-острецом. Грибы, конечно, попадались, но не столь богато, как в прежние, теперь давние времена, когда ездили на заготовку опят на лошадях и набирали по нескольку мешков — полную телегу, чтобы на всю зиму потом хватило семье. Теперь же он набрал лишь на жарушку-другую.

Хотя опят оказалось в этом году мало, а иных грибов в черномосье и вовсе не было, но Бармасов ходил в лес более по привычке, чтобы не мелькать перед соседкой, которая, как увидит, то сразу с просьбой: то где-то гвоздь надо забить, то столбушок укрепить, то дверь поправить. И всякий раз обещала в награду покормить, заранее зная, что он откажется. Бармасов это всё замечал и запоминал, всё-таки не смея отказать в помощи и пропитываясь окончательным неприятием, особенно, когда она предлагала:

— Михаил Сергеевич, как сделаете, обязательно зайдите. У меня крошечка есть!

Он же всякий раз отказывался, зная, какая у неё «крошечка» — натуральная мурцовка, и, вспоминая тургеневского Герасима, куражился, находя в этом необъяснимую радость, понимая, что радостью этой раздражает соседку.

— Ну, если крошку не хотите — у меня сало имеется. На рынке брала, — говорила она, обнажая редкие зубы в неестественной улыбке.

— Ведь же знаете — Успенский пост идёт, а я посты блюду.

— Давно ли?

— Когда на комбайне работал да на тракторе, не блюл — там сила нужна. А теперь, когда жизнь сменилась, по-иному к этому послушанию отношусь. Так что премного благодарен! — отказывался Бармасов с наигранной покорностью и делал поясной поклон, а Светлана замечала его откровенное издевательство и обижалась, укоряла как несмышлёныша:

— Что это вы, Михаил Сергеевич, как старорежимный слуга: «благодарен», да «благодарен». Ныне другой век, другие отношения, другой диалог.

— Учтём на будущее! — отвечал он, искусственно улыбаясь и остерегаясь смотреть в глаза Светлане Евгеньевне, словно провинившийся ученик, и, покорно согнувшись, ушел домой.

Обижаясь в очередной раз, он всякий раз вспоминал слова молитвы: «Спасителю мой, научи меня простить от всей души...»

Когда ночами заходило, а на траве по утрам выпадала обильная роса, грибы совсем пропали, и Бармасов перестал навещать лес, но всё равно пребывал в эти дни в приподнятом настроении. И струилось оно от встречи с работницей администрации — молодой, до невозможности симпатичной, такой, что при взгляде на неё у него сердце замерло. И звали её красиво: Алевтина. Третьего дня увидела его около магазина и, тряхнув пушистыми завитушками, спросила, внимательно рассматривая синими глазками:

— Михаил Сергеевич, хочу напомнить, что пора собирать документы на оформление пенсии. Зайдите как-нибудь к нам, мы всё напишем на бумажке. А то другие-то за полгода вперёд покоя не дают, а вам через месяц оформляться, а вы похаживаете преспокойненько. Нам уж из района звонили, предупреждали.

— Хорошо, добрая душа, как-нибудь зайду. Время терпит.

— Не «как-нибудь», а завтра ждём вас! — настояла она.

— Хорошо, хорошо — пусть будет по-вашему! — пообещал он, но несколько дней ничего не предпринимал, словно растягивал удовольствие, предвкушая скорое изменение в своей жизни.

На радостях даже легко взялся за копку огорода соседки, стоило той лишь строго напомнить:

— Михаил, обещал ведь огород перекопать! Время пришло — вегетация-то давно закончилась!

— Обычное дело, — согласился он и пошёл точить лопату.

И вот второй день маячил на соседском огороде, чем привлёк внимание Тимофеева, которого давненько не видел. Подошёл он, просунул нос в жидкий штакетник, окликнул:

— Перекури! — и поманил к себе.

Бармасов нехотя вогнал лопату в землю, спросил недружелюбно:

— Чего надо?

— Сам тебя хотел попытать. За деньги копаешь или другой расчёт с хозяйки имеешь? — и засмеялся вроде бы по-приятельски, но с подковыркой. — А то смотри — сделают тебе начёт в налоговой или алиментами замучают. Потом не отвертишься!

— Думал, ты по делу, а ты вон чего — насмеяться пришёл, — укорил Михаил и, отмахнувшись как от назойливого насекомого, вновь взялся за лопату.

Когда Светлана позвала пообедать, даже настаивала, — он не соизволил, зная, что она будет заглядывать ему в рот, говорить о каких-то покемонах и тем самым вводить в смущение. Дома спокойнее: даже можно хлеб размочить в супе. А главное, никто не лезет в душу, не учит, не отнимает чувства и мысли.

Мыслей у Бармасова в этот день было особенно много. Он решил разделаться с чужим огородом, ставшим ненавистным, — не оттого, что тяжело копать, хотя и этого не отнять, а от отношения соседки, от её неискренности и фальшивой улыбки. Уж так она приторно улыбалась, так суетилась, что хотелось гаркнуть: «Остановись, надоела!» Но в том-то и дело, что не мог он сказать таких слов, не хватало духа, словно она давно и навсегда поработила его, а он не имел права этому противиться. И тогда, помня молитву о прощении недругов, он решил не думать о ней плохо и вообще никак не думать, будто она стала пустым местом и ничем не заслуживала его внимания и уважения. Это решение помогло волшебным образом, он стал чувствовать себя уверенным и сильным даже и тогда, когда она оказывалась рядом.

Когда же она не мелькала перед ним, он отдавался мечтаньям, представлял сладкую жизнь пенсионера, когда не надо будет ни перед кем лебезить, что-то кому-то говорить, навязываться. Вольготная жизнь будет: получил месячное довольствие и что хочешь с ним, то и делай: хочешь за один раз всё потратить, хочешь — за месяц, а хочешь — отложи немного на чёрный день, не будь росомахой! И ведь скоро это счастье наступит. Вот только ходит к Алевтине, хотя и не очень-то влечёт в администрацию, уточнит, какие справки надо отвезти в район, соберёт их, а после лишь останется ждать радостного известия. Говорят, теперь пенсионерам даже банковскую карточку вручают, чтобы не связываться с почтальонами. Вставил карточку в банкомат, там-сям нажал на кнопки и — вот они, денежки, бери, сколько положено.

Он уж почти докопал, оставалось на полчаса работы, как вдруг почувствовал, что с ним что-то произошло, в груди, будто душа заткнулась, и он не смог вздохнуть, упал навзничь и почувствовал жгучую боль в сердце, словно оно разорвалось. Даже не сумел крикнуть, позвать на помощь, только успел понять, что умирает, и последнее, что увидел, — серое небо, раскинувшееся от края до края. Когда Бармасов затих, с небес вдруг заморосил мелкий дождик, словно уходившее спелое лето спешно оплакивало Михаила Сергеевича, напоследок пролившихся чистыми небесными слезами, которых он не ощутил.

Светлана вышла к нему через час, хотела посмотреть, сколько он вскопал, и пригласить ради приличия поужинать, хотя и знала, что он откажется, и перепугалась, увидев его распростёртым на вскопанной земле. Он лежал с открытыми глазами, в бороде блестели капли дождя и, как ей показалось, притворно улыбался, словно решил испугать, словно затем и пришёл, чтобы умереть на её огороде и добавить забот. Это более всего ее поразило.

Она бегом вернулась в дом, схватила мобильник, долго не могла найти номер экстренных служб, а когда нашла, едва удерживая телефон в руках, сообщила, что на её огороде лежит мёртвый человек.

Минут через пятнадцать приехала «скорая», через полчаса прибыла полицейская машина из райцентра, а в ней полицейский и оперативник в штатском. Они сфотографировали место происшествия, осмотрели Бармасова, о чём-то поговорили с фельдшером «скорой», опросили Светлану, потом на носилках перенесли тело в «скорую» и повезли, как сказали, в районный морг на вскрытие.

Через день стало известно, что умер Бармасов от оторвавшегося тромба. Люди из администрации начали искать родственников, но никого не нашли, да их у него и не было за исключением племянницы. Не дозвонившись до неё, решили хоронить за казённый счёт. И кое-кого удивила такая забота администрации, потому что не каждый знал, что это их обязанность.

— Вот жухало, — говорили они, имея в виду Зверя, теперь вроде бы не опасного: — Даже и после смерти к нему особое внимание!

Охотников проводить Бармасова оказалось совсем мало. Как только батюшка Алексей отслужил на кладбище молебен по усопшему, братья Незнановы засыпали могилу, поставили восьмиконечный крест и приложили венок. Был человек — и нет его.

Поминали в администрации. Случайно или нет, но так оказалось, что на поминки собрались все те, с кем покойник был в контрах, кто особенно недолюбливал его и даже боялся, кому он мешал жить, а теперь эта преграда была снята. Других не позвали. Был здесь Пронин и его начальница — Зоя Львовна, братья-могильщики, заведующая швейным цехом и её снабженец Сухотин, начавший что-то говорить о том, как покойник, чуть было не разорил их. Чтобы казаться повыше, он вскакивал из-за стола, что-то бормотал и бормотал, но его не слушали. Все, перебивая друг друга, воспомина-

ли собственные приключения с Бармасовым, словно радовались такой удаче, и поминали усопшего, не называя его имени и плотно закусывая. Вскоре присоединился к поминальщикам Глеб Рассохин, где-то пропадавший до сегодняшнего дня, а тут сразу прибывший с компанией на двух иномарках. И сразу народ оживился — давние знакомые приехали! В разгар поминок позвали с поста Тимофеева помянуть соседа, но он, взглянув на собравшихся, категорично отказался, подковырнув словцом:

— Поминки, а они лыбятся сидят! Вы ещё Хазбулата запойте. Тьфу! — и вышел.

— Друзья, не обращайтесь внимания — не на кого обращать! Продолжаем поминать нашего уважаемого земляка! — попросила Маргарита Ивановна.

В какой-то момент в зале появилась сперва неузнанная женщина, у которой Маргарита спросила:

— Вы кто будете?

— Вдова участкового Соколенкова. Приезжала снять остатки денег с банковского вклада Петра, узнала о таком печальном случае, решила зайти помянуть. Всё-таки соседями были. Можно?

— Конечно! — позволила Маргарита. — Вас, кажется, Ниной зовут?

— Именно так.

— И где вы теперь живёте?

— На Дону, с сыном и родителями Петра. Они совсем ослабли, когда его не стало, — постоянный уход требуется. Мне ещё сегодня надо в райцентре на поезд успеть.

— Да что вы стоите — проходите. Вы и ваш муж, Царствие ему Небесное, особенно пострадали.

Не успела Нина скромно присесть к столу, появилась ещё одна гостя. Маргарита Ивановна её сразу узнала, потому что когда-то вместе училась в школе.

— Анечка, проходи! Извини, что тебя не дождались, похоронили уважаемого Михаила Сергеевич, но, поверь, звонили тебе, искали, но не могли дозвониться.

— Да я за границей была, в Доминикане.

— Ну, хотя бы на поминки успела. Выпей вина, помяни дядечку!

— За рулём я, компоту налейте. И чего-нибудь пожевать, а то я прямо из аэропорта, — бегая глазами по столу, выпалила загоревшая племянница Бармасова.

— Компот в конце поминок пьют, а сперва перекуси.

Аня макнула блином мёд, отведала кутьи, а потом и на прочую еду навалилась. Наевшись, начала расспрашивать, что

произошло с дядей, при каких обстоятельствах. Маргарита ей коротко рассказала на ухо и спросила:

— Одна летала-то?

— Догадайся с трёх раз.

— Понятно. А дети-то с кем оставались?

— Одни были. Старший студент уже, а младший пока слушается его. У меня с ними строго!

Пока они болтали, Нина Соколенкова пропала. Хватились — нет её. И никто не заметил, когда она, помянув блином и кутией Михаила Сергеевича, плотно покушав и набрав в дорожку пакет пирожков, ушла, ни с кем не попрощавшись.

— А ведь я хотела её до поезда подвезти, — сокрушилась Аня и начала что-то говорить про взаимовыручку, но Маргарита одёрнула её.

— погоди, дело поважнее есть! — негромко сказала она и повела Аню в свой кабинет, где, достав из стола какую-то бумагу, положила перед ней: — Ознакомься...

— Что это?

— Почитай... Завещание от дядечки на дом и надворные постройки с участком. Между прочим, на тебя у нотариуса оформил — когда только и успел. Что и говорить: порядочный человек!

— Он таким всегда был, — вздохнула Аня и прослезилась.

— Не плачь, слезами горю не поможешь. Теперь тебе надо будет заявить о правах на наследство, а через полгода оформить дом на себя. Поедем сейчас к нему, заберёшь, что можешь забрать, чтобы, не дай Бог, не растащили, а дом печатаем, закроем. Я уж замок приготовила.

Оставив поминальщиков, они поехали на Анином джипе на Хуторскую улицу. В осиротевшем дядькином доме перекрыли газ, отключили свет, очистили холодильник. Потом долго доставали из подпола банки с закрутками. Маргарита и себе взяла, с грибами. Подумала, и ещё одну прихватила — с помидорами, сказала, рассматривая банку:

— Всё-таки прекрасный был человек этот Бармасов. Душа всего посёлка. Никому в помощи не отказывал. Вот только в личной жизни ему не везло... А за картошкой тебе придётся ещё раз приехать! А то если оставить на зиму — помёрзнет.

— Приеду как-нибудь. Как немного в себя приду.. Вот ещё о чём хотела спросить: а денег-то у него не было, что ли?

— Не знаю... Ни медики, ни полицейские не передавали. Может, где-нибудь в заначке лежат, хотя какие у него деньги, если он ждал пенсии как манны небесной... Со временем, может, что-то и найдёшь, а сейчас некогда этим заниматься.

Погрузив банки в машину, они вернулись в дом, закрыли подпол, огляделись. Цветов у Бармасова не было, зато Маргарита присмотрелась к обогревателю, над которым висел солидный мешок размером с наволочку. Развязала его и охнула:

— Да тут грибы сушёные. Сплошь белые! Забирай, Анют, пригодятся!

— Мне куда столько, разделим. Они нашли крепкий пакет для продуктов, поделили грибы и тоже отнесли в машину.

Когда уж собирались уезжать, вспомнили о курах, гулявших по двору. Их-то куда девать? Пошли к соседке, и Светлана охотно согласилась забрать их себе, сама вызвалась переловить. И переловила, перемазавшись и затолкав по одной в мешок. Так и понесла их, орущих с перепугу на несколько голосов.

Оставалось накинуть замок и опечатать дверь, что они и сделали. Чтобы уважить, Аня подвезла Маргариту домой, помогла отнести банки и грибы, потом обнялась с ней и поспешно отбыла в область, помахав подружке ладошкой. Думала заехать на кладбище и поклониться дяде, показать свою любовь к нему и уважение, но не хотелось это делать в спешке, отложила до следующего приезда.

19

Не сразу, но в Кавардакине всё-таки узнали о кончине Бармасова, и первое время не верили в эту новость. Когда слух разошёлся по всему посёлку, то, ёжась и оглядываясь, оглушённые новостью, боязливые кавардакинцы постепенно приходили в себя, радостно наливались осознанием свободы, когда не надо напрягаться, завидев идущего навстречу косматого человека в кепке, чтобы, повстречавшись и торопливо кивнув ему, спешно разминуться. Это всё так, но некоторые суевренные граждане даже и теперь по-прежнему остерегались ходить мимо его дома. А осмеливались только те, кто доверял новому замку и белой полоске с печатью администрации на входной двери. Это их успокаивало, словно замок и казённая печать навсегда заперли хозяина, окончательно замуровали и никогда более не выпустят, не позволят бесцельно шататься по посёлку и наводить порчу на невинных людей. Давно бы этому надо случиться. Но теперь, когда это произошло, привыкание к новой свободной жизни шло медленнее, чем хотелось бы кому-то, словно могло произойти некое чудо, и Бармасов в один распрекрасный день вновь появится на улицах...

Только через месяц-другой посёлок окончательно вернулся к забытому и привычному укладу, при котором каждый

наперёд знал, что надо делать в той или иной ситуации: где на себя положиться, а где на кого-то, не оглядываясь, не ожидая подвоха. Был Зверь — и не стало Зверя. Всё это теперь ушло в историю.

К Новому году в Кавардакино вернули участкового, так как участились случаи воровства — опять начали забираться в дома, особенно пустующие, оставленные дачниками до весны, — и хулиганства в отношении жительниц общежития, работавших на пущенном осенью консервном производстве. Новому участковому, не по-здешнему чернявому и горбоносому, с фамилией, которую никто пока не мог запомнить, выделили в администрации кабинет и отдали ключи от подвала, в котором он устроил арестантскую комнату. А бывший опорный пункт, где когда-то хозяйничал Соколенков, мужики растащили по кирпичику, стёрли скверную память о быльём поросшем времени, пусть и недавнем. Обычно, приезжая из района на джипе, новый участковый сразу отправлялся к Маргарите Ивановне и подолгу пропадал у неё в кабинете — секретарь только чай успевала им подавать. Проваландавшись у главы полдня, иногда вместе с ней пообедав в кафе, участковый отправлялся в обход по посёлку, показывая, кто здесь теперь хозяин.

Чего-чего, а порядок он быстро навёл, сделав неурочными две-три проверки общежития и застав на месте злостного нарушения особо ретивых донжуанов. На первый случай, предупредив, прощал, а пытавшихся проникнуть в женское общежитие повторно, отправлял напрямик в район на пятнадцать суток. Так что покушавшихся на женский пол старлей быстро приструнил, хотя и не жил, как Соколенков, в посёлке постоянно. И все знали: если появился джип участкового около администрации, то мимо неё лучше не проходить, не привлекать внимания участкового, особенно если кто был выпивший. Он, не в пример Соколенкову, не очень-то валандался с выпивохами. Чуть что — сразу к врачу — дуть в трубку, а потом в райцентр отвозил: всё равно ведь туда возвращаться в конце дня. А если уж кто из нарушителей попадал в райцентр, то минимум, чем мог отделаться за бесплатную поездку в джипе, — это штрафом. И новый участковый не разбирался, кто перед ним: простой человек или из начальственного сословия. Даже работника администрации привлёк к строгой ответственности, когда узнал об одном таком от Маргариты. Им оказался Тимофеев, посмеявшийся оскорбить почтенных людей на поминках Бармасова да и в дальнейшем не отличавшийся примерным поведением. После Нового года участковый застал его на рабочем месте

в нетрезвом виде, выразавшемся в остаточном явлении алкоголя, хотя Тимофеев и клялся, что ничего из спиртного не принимал накануне, но медиков не обманешь. После медицинского освидетельствования отбарабанил он как злостный нарушитель общественного порядка пятнадцать суток по решению районного суда, убирая железнодорожный вокзал в райцентре, а когда вернулся, то оказалось, что его место в администрации занято. Жаловаться Светловой Николаю не стал, знал — бесполезно. Лишь заглянул к участковому, считая теперь его своим, и сказал, что это не дело — занимать чужое место, пока хозяин его трудился на благо общества. А участковый сразу нахмурил лохматые брови и припугнул:

— Совсем тут распоясались без полиции. С Петуховой пример берёте?

Участковый говорил с сильным акцентом, поэтому Тимофеев не очень-то понял его и переспросил:

— С какой такой Петуховой?

— Со Светланы, что в доме прежнего участкового проживала.

— Погоди, уважаемый... Что-то я не понял: как это «проживала»? А сейчас она где?

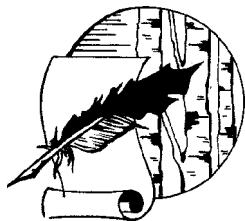
— Под следствием находится и надолго загудит в места отдалённые. Она ведь с умыслом из города переехала, чтобы фальшивыми банкнотами бабушек на базаре охмурять. Мол, деревня, не поймут, что к чему! Обыск делали у неё на днях — почти триста фальшивок нашли. И след от этих фальшивок далеко-далеко тянется. Вот так-то, дед! Будешь и дальше пургу гнать на людях да врать — и у тебя что-нибудь найдём, посерьёзнее!

И Тимофеев замолчал, понимая, что значат слова нового участкового, не желая более его сердить, а думая лишь о том, как без потерь выйти из неприятного разговора и спокойно дожить до пенсии, до которой и осталось-то всего ничего.

— Ну, дорого вам здоровьица! — пожелал он участковому и направился к двери.

Боялся, что окликнет, остановит на пороге и начнёт расспрашивать об учительнице, но в этот момент тому позвонили на мобильник, и, махнув оглянувшемуся Николаю, мол, уходи, проваливай, участковый заговорил на своём непонятном языке.

«Хоть в этом повезло!» — подумал Тимофеев и поспешил на выход, ругая себя за оплошность, с какой отправился искать защиту.

Валентин СОРОКИН

СВЕТ ПАМЯТИ

Я СТОЯЛ У ОГНЯ

Я стоял у огня,
Плавил кремний и резал,
Потому у меня
Руки пахнут железом.

Я стоял у огня,
Где стихия клокочет,
Потому у меня
Прямо подняты очи.

Я стоял у огня,
Средь моторного шума,
Потому у меня
Крепнет русская дума.

Я стоял у огня,
Между тьмою и светом,
Потому у меня
Возле сердца планета.

Я стоял у огня
В миг рожденья булата,
Потому у меня
Путь-дорога крылата.

1969

КТО СЕДЕЕ

Снится мне мама, седая-седая,
И говорит: «Я еще молодая,
Ты же совсем у меня молодой,
А уж седой-то, седой-то, седой!»
Вот и сидим, и глядим друг на друга,
Кто же седеет нас: жизнь или вьюга?

ЕЁ ДУША

Не того встречаю, привечаю
И не ту спасаю от невзгод.
Вот живу я и не замечаю,
Что цветёт рябина каждый год.

Вековой взята перегрузкой,
Ей и мне с рожденья не везёт, —
Заревые капли крови русской
В океан страдания несёт.

Счастье ей и чудится, и снится,
А по яви доля нелегка,
Меж оград душа её теснится
И до звёзд дорога далека.

Русские просторы без причала,
А за ними ветер и молва.
Разве бы она не закричала,
Да сдавила горло синева.

Иволгу вчера грозой убило,
Соловьи израненные спят.
Край, в котором выросла рябина,
Взрывчатыми распрями объят.

Лунный лик восходит и смеётся,
Не суля пощады никому,
Потому шумит она и гнётся,
Приникая к сердцу моему.

* * *

Я за свою житейскую дорогу
Ношу под сердцем благодарность Богу,

Как горело сердце в человеке
От страданий края.

Угрожали зло и басовито,
В гении просили,
Очень уж хотели видеть сытым
Сокола России.

Осыпали золотою пылью,
Славой, хуже пыток,
Но свистели вдохновенно крылья
Над угрюмым бытом.

Пусть кипели мстительные вести
Необъятным морем,
Нет, не полонили верной песни
Клеветой и горем.

Ликовала, плакала с народом,
Разрывала сети.
И её шемающая свобода
Реет на планете!..

БРОСИЛ РОЗУ

*Одно крыло Урала бело-берёзовое,
а другое крыло Урала зелёно-хвойное:
Азия и Европа*

А я сорвал и бросил розу
Вослед большому кораблю,
Люблю я белую берёзу
И ель зелёную люблю.

Когда звенит и плачет стая
Родных осенних журавлей,
Шумит берёза золотая
Среди покинутых полей.

Когда морозец отдалённый,
Иголки сыплет на порог,
Взметает ель огонь зелёный
По всем излучинам дорог.

И хутора мои растворились в чилижнике и крушине,
И над горным простором истаяла русская речь.

Теперь туда не спешат и не торопятся люди,
Долина обилья разграблена, брошена и пуста,
И боюсь я, боюсь я, Господи, вдруг рядом с моим не будет
Ни одного черного,
идушего к звёздам креста!..

ОЖИДАНИЕ

Кончился вой метели,
Травы из речки пьют,
Липы замедовели
И соловьи поют.

В храм позвала тропина,
Вздых над крестом дрожит.
И через луг рябина
К дубу опять бежит.

Жили мы — воевали,
Враг нас
во мгле не стёр,
Но на моём Урале
Рос я среди сестёр...

Болью неутолимой
Вечный горит огонь.
Матери и любимой —
Всюду одна ладонь!

В муках и в круговерти,
А не в раю росла,
От неминучей смерти
Ты ведь меня спасла.

Крону клоня густую,
Дуб, высоту любя,
Тонкую и святую
Ждёт — на холме тебя!..

* * *

Злых людей, как тайн в болоте, много,
И не меньше в мире черных ям.
Никогда я не дойду до Бога,
Потому что грешен и упрям.

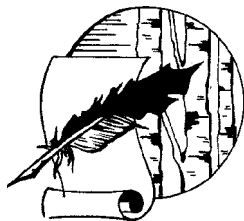
Потому что мама провожала
В путь... Сверкал и веселился дождь...
Голову к плечу мою прижала:
«Ах, какой ты добрый, пропадешь!..»

По стране и по моей округе
Стонут люди и от горя пьют.
Все дожди сменились вдруг на вьюги,
Ледяные вьюги в сердце бьют.

Пропадаю снова, пропадаю,
За спиной клубится волчья падь,
Нападаю снова, нападаю,
Некуда нам, русским, отступать.

Не одним обмануты уродом,
Мы, обиду вечную тая,
Рвемся к Богу в очередь народом —
Разве я узнаю, где моя?..

Пляска дьяволов на пьедесталах.
Пулями израненные дни.
Ты прости нас, Господи, усталых,
И Россию нашу сохрани!

Анатолий АВРУТИН

РУСЬ КРАСНОЗВУЧНАЯ

* * *

Русский — прилагательное, слышали?
То, что прилагается к добру,
К радуге над мокнущими крышами,
Без которой вздрогну и умру.

Русский — прилагательное... Тихое...
На вопрос отвечает: «Какой?»
И кружатся аист с аистихою,
И над Храмом лучик золотой.

Русский — прилагательное... Чуткое...
Что не знает каменных палат,
Но всегда соседствует с побудкою,
Если вдруг тревогу протрубят.

Русский — прилагательное... Странности
Всех грамматик мира одолев,
Русские давно привыкли к данности:
Кровь за кровь, но песню — нараспев.

Не дождавшись Божьего пришествия,
Не страшась, что ворог зол и лют,
Эти «прилагательные» шествуют,
Женщин любят, плачут и поют...

Недругам — всегда падеж винительный,
И ломоть последний — для своих.
Ничего не знаю существительней
Этих «прилагательных» родных.

* * *

Дышится, боженька, путь не кончается.
Тропка к дороженьке — Русь получается.

Мрачная-мрачная, стылая-стылая.
Часто — барачная, но не постылая.

Над закоулками поздно смеркается.
Гулкая-гулкая Русь получается.

Пусть одинокая, но ясноглазая.
Поле широкое... Даль с перелазами.

Вороги бесятся? Пусть им икается.
Где перекрестятся — Русь получается.

С птахою певчею, с песней забытою.
С дверью, доверчиво людям открытою.

Сколько ни мучили, всё не склоняется,
Всё краснозвучная Русь получается.

* * *

Вначале шагал я несмело,
Но, делаясь снега белей,
Мне матушка песню пропела,
И враз зашагалось смелей.

Искрили полуночью звёзды,
Кричал полоумный петух...
Мне матушка пела... И воздух
Сиял и светился вокруг.

Лез в драку... Но только за дело.
«Ты прав, но старайся без драк...» —
Мне матушка будто пропела,
Примочку кладя на синяк.

Сменялись за зорькою зорька,
Свой след оставляя в душе.
Мне матушка пела... И горько
Не так становилось уже.

И прежде, чем брненное тело
Навек вознести в небеси,
Мне матушка песню пропела:
«И больше, сынок, не проси...»

Напрасно молю я: «Воскресни!...»,
Бессильно упав на траву,
Не зная — без маминой песни
Живу или нет, не живу?

* * *

Закричу.. Неотзывчивы ныне
Эти дали и эти леса.
Смолкли в сумрачной белой пустыне
Обезумевших птиц голоса.
Но среди поседевшего мрака,
Где ни возгласа и ни огня,
Что-то ухнет... Залает собака...
Может, это хватились меня?

Стылый воздух причудливо горек...
С губ слизнув ледящую бель,
Через силу взберусь на пригорок —
За пригорком всё та же метель.
Чиркну спичкою... Жалко... Погасла,
Пальцы еле заметно черня.
Всё стою, всё гляжу понапрасну —
Может, где-то хватились меня?

И в молчанье метелицы белой —
Злой предвестницы чёрных разлук,
Всё мне чудится звук оробелый,
Из молчанья родившийся звук.
Он растёт, согревая неволью
На исходе пропащего дня...
Может, это набат колокольный?
Может, это хватились меня?

* * *

Фёдор Михайлович, что вы забыли в Москве?..
Николай Переяслов

Лев Николаевич, страшно вас нынче читать —
Где те характеры, где те мечты и порывы?

Так же чужую жену соблазняют опять,
Но, в основном, соблазнённые живы и лживы...

Где же, Борис Леонидыч, та горечь разлук,
Где над февральской чернильницей горькие плачи?
Те же скрещения ног и скрещения рук,
А со скрещением судеб выходит иначе.

Вас я, Марина Ивановна, не понимал,
Хоть был раздавлен мрачнейшим ритмом тяжёлым.
Но ведь стихам драгоценным черёд не настал...
Винам — настал... Ординарным, прокисшим, дешёвым.

Анна Андреевна, как вы сейчас далеки!
Реквием смолк... Над державой ветра и метели.
Мир обезумел... И чудится — с левой руки
Все мы перчатку на правую руку надели.

* * *

«Поэт в России...» Даже не смешно,
Когда заспорят — больше ль, чем поэт он?
Поэту и России всё равно:
Погасят свет — свети сердечным светом.

Признание? Неужто в этом суть?
Дороги не пройдя, свой путь итожим...
Равновеликим Родине побудь,
Тогда поймёшь — велик ты иль ничтожен?

* * *

Всё нынче поздно... И летать,
И плакать поздно.
Есть неземная благодать
В ночи беззвёздной.

Есть стол... Есть горькое вино.
Темно и тихо.
Мерцает дальнее окно,
В котором лихо.

Там тихо женщина одна
Стоит за шторой.

Там свет неверный от окна,
Пропахший ссорой.

И на душе её черно,
Ликует лихо.
Есть стол... Есть горькое вино.
До боли тихо.

И взгляд мой, истоиво крича,
Летит сквозь муку.
Два наших взгляда, два луча,
Поют разлуку.

И где-то, выше, чем печаль,
Они скрестятся.
И, всколыхнув ночную даль,
Назад умчатся.

Умчат стремительно назад,
Двоя потерю.
Но мне останется твой взгляд...
Я взгляду верю.

ОТПУСК

Стремясь в светящийся зенит, в прозрачной тишине,
Журавлик тихо пролетит, не зная обо мне.

А я живу себе, живу — неделю без проблем.
Ложусь на колкую траву, с куста крыжовник ем.

Кошусь на злящихся гусей, шиплю на гусака,
Пляжу на образ жизни сей немного свысока.

Являю свой довольный вид родимой стороне.
...Журавлик в небесах летит, не зная обо мне.

Я вслед ему махну рукой, крылом он не махнёт.
Меня ни отдых, ни покой не вознесут в полёт.

Живу неделю без проблем и жизнь моя пуста.
Всего-то дел — крыжовник ем с колючего куста.

Неделю целую подряд, ленивые на вид,
Гусыни на меня шипят... И женщина шипит...

Я с женщиной всегда несмел... А где-то в вышине
Журавлик тихо пролетел, не зная обо мне.

ЛИСТОК

Я — ручей, я — ручей, я — ручей...
Я бурлящий, но, в общем, ничей.
Где-то близко дрожащий росток,
Что в поток сбросил робкий листок.

Я — росток, я — росток, я — росток...
Я совсем без листвы изнемог.
Ветер сдул мой листок под откос,
А ручей по стремнине понёс.

Я — стремнина, я — та же вода...
Не взяла б я листок никогда.
Так устроила грозная высь,
Что я вдаль не могу не нестись.

Я — листок, я — листок, я — листок...
Подхватил меня бурный поток,
Ветер сдул... Все забыли спросить,
А хочу ль я лететь или плыть?

* * *

Мне помнятся едва-едва,
Сквозь век, обманчивый и душный,
Твои черты, твои слова,
Твой тихий голос равнодушный.

Не звал, не клялся, не просил,
Запомнив, как свистя без лени,
Листовою ветер обносил
Твои надменные колени.

И было в общем-то не жаль,
Что обращались в пень птичье
Твоя тоска, твоя печаль,
Твоё слепое безразличье.

Когда же в тёмное окно
Стучала ветка осторожно,

Мне было зябко и темно,
И вновь мучительно-тревожно.

И повторял я, чуть дыша,
Страшась, что худшее случилось:
Моя любовь... Моя душа...
Моя единственная милость...

* * *

Не возвращайтесь туда,
где вас однажды предали...
Жан Рено

Думы и мысли всё больше разнятся,
Думы печальной, а мысли — в распыл.
Как это правильно — не возвращаться
В место, где некогда преданным был.

Пусть в одиночестве звякают блюда!
Брошу.. Забуду фальшивую медь.
Только ведь некуда будет вернуться,
Если реально на мир посмотреть...

БРАДОБРЕЙ

Хоть раз меня послушай, брадобрей:
Намыль клиента, пены не жалея,
И бритву затупи чужой щетиной.
И пусть клиент от страха лебезит,
Когда вдоль горла лезвие скользит,
Как нота «си» в мелодии старинной.

Да ты об этом знаешь, брадобрей,
Научен ты профессией своей,
Что жизнь ничтожней лезвия у горла,
Которое неловко повернёшь —
И горький стыд, и праведную ложь
Одним движеньем бритва напрочь стёрла.

Чуток меня послушай и заплачь,
Не мститель ты, не сволочь, не палач,
Которого манит чужая глотка.
Ты просто добрый, старый брадобрей,
Ты всех на свете лучше и добрей,
И дело ты своё освоил чётко.

Но где-то там, внутри тебя живёт,
Совсем другой, тоска его гнетёт,
Хоть он нечасто думает о страхе.
Ему всё мнится руку протянуть,
По горлу бритвой резко полоснуть...
А там — хоть женский крик, хоть смерть на плахе.

* * *

Видишь, родная, какая погода?
До основания промокла природа,
Тучи плывут и плывут.
Все полтора искалеченных года
Только лишь чёрное льёт с небосвода —
Как не печалиться тут?

Видишь, родная, какая немилость?
Чёрная крыша совсем прохудилась,
Ветер свистит сквозь чердак.
Сколько здесь плакалось, сколько молилось,
Сколько здесь снов удивительных снилось!
Всё оказалось не так...

Чёрные птицы над крышей летали,
Чёрные молнии нас выбирали,
Делался чёрным закат.
В жизни печали идут по спирали,
Вот и спружинились наши печали,
И выпадают подряд.

Мне не летается в небе просторном...
Впрочем, любимая, хватит о чёрном,
Видишь — бела голова...
Будто бы инеем заледенелым
Волос покрылся и сделался белым —
Здесь не солгала молва.

Время скользит, обжигая, по коже...
Что не сбылось — уже сбыться не может!
Тёмные складки у рта.
Если я большего в жизни не стою,
Просто махни равнодушной рукою...
Ну а потом — немота...

г. Минск

СТО ЛЕТ — ЦИФРА МОЛОДАЯ

Журнал «Молодая гвардия» возник в 1922 году как еще один рупор и пропагандист власти большевиков. И не случайно главным редактором тогда был назначен троцкист Леопольд Авербах.

Потребовалось около полувека, чтобы Савл превратился в Павла... С конца 1960-х «Молодая гвардия» стала едва ли не главной трибуной русской мысли, тем духовным ростком, который пробился — чудом! — сквозь русофобский асфальт. На страницах «МГ» стали появляться русские духом и смыслом национально-патриотические статьи. Хотя некоторые из них еще были отравлены духом национал-большевизма.

В ту пору возрастала и моя общественно-политическая активность — в том числе и в пространстве театральной культуры. Я жил и работал в Ленинграде, прочно оккупированном антирусскими силами. Антинациональный диктат партийного Кремля внушал покорность и провинциальным вождям. В городе в сферах культуры, искусства, СМИ доминировала известная диаспора, которая блокировала деятельность русских авторов и проявление русской национальной мысли.

После ухода с поста главного редактора журнала «Нева» писателя С. Воронина, а позднее и увольнения зав. отделом критики журнала «Звезда» А. Калентьевой — для русской мысли ленинградская трибуна была прочно запечатана.

Спасительной для моего пера оказалась «многоподъездная» Москва. И прежде всего — журнал «Молодая гвардия» (и издательство тоже), где у меня появилась возможность публиковать свои работы. За годы сотрудничества с журналом на его страницах было опубликовано около двадцати моих статей. Не мог я не оценить и бережного отношения к текстам со стороны редакции.

К 100-летию «МГ»

В хоре русских голосов на страницах «МГ» появилась и моя лепта. За что выражаю благодарность сотрудникам редакции и прежде всего Валерию Хатюшину, с которым всегда была полнота единомыслия. С 2009 г. он стал главным редактором издания. И это — большая удача не только для самого журнала, но и для всего русского национально-освободительного движения. Журналом руководит бесстрашный русский писатель, патриот с последовательной и бескомпромиссной гражданской позицией. Да еще и со смелым и веселым политическим задором. На страницах «МГ» дышит и энергично заявляет о себе Русский мир, прорываясь сквозь преграды враждебных сил. И журнал остается отважным и молодым в полном соответствии со своим названием.

От троцкиста Авербаха к русскому патриоту В.В. Хатюшину — таков извилистый, но в главном победоносный маршрут столетней жизни замечательного журнала. Многая ему лета!

Марк ЛЮБОМУДРОВ, критик, публицист, искусствовед,
г. Санкт-Петербург

РУССКАЯ ЛИНИЯ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

100 лет — почтенный возраст вообще, а для отечественных журналов — в особенности. За рубежом есть журналы и постарше, ну так там ведь не было двух государственных переворотов в течение одного века, которые круто повернули жизнь страны и привели к огромным жертвам — не только физическим, но и духовным. Среди последних были и литературно-художественные журналы.

Итак, «Молодой гвардии» 100 лет. Старше, да и то всего на месяц, только «Сибирские огни» (Новосибирск).

Первые 40 лет своей жизни это был обычный советский журнал, в котором, правда, печатались лучшие советские поэты и прозаики — С. Есенин и В. Маяковский, М. Шолохов и Н. Островский, Л. Леонов и В. Шишков. Как и все остальные журналы, он твёрдо стоял на позициях социалистического реализма, писал панегирики вождям Октября, придерживался «единственно верного учения», пропаганди-

ровал идеи интернационализма. А потом журнал, с приходом А. В. Никонова в 1963 году, неожиданно для смотрящих начал гнуть «русскую линию» — обращаться к корням русской национальной культуры, умышленно преданным большевиками забвению, что вызвало беспокойство в верхах и настоящую панику среди «либералов-интернационалистов», глубоко окопавшихся тогда в «Новом мире». Сколько атак и доносов с их стороны, закончившихся увольнением с должности главного редактора, пришлось выдержать Анатолию Васильевичу — тема отдельного рассказа (хорошо, если бы такой рассказ был написан). С его уходом «линия», однако, не прервалась, её продолжили достойные преемники — А. С. Иванов, А. А. Кротов, а впоследствии В. В. Хатюшин. На эту «линию» вскоре же вступили «Наш современник», «Москва» и некоторые другие журналы.

Особенно злобным нападкам подверглась «Молодая гвардия» в 1990-е годы со стороны сионистов, господствовавших в СМИ и называвших журнал не иначе как «фашиствующим». Эти господа не зря валили всё с большой головы на здоровую. Ведь фашизм базируется на трёх идеях: первая — идея исключительности, избранности собственной нации, превосходства её над другими нациями и народами; вторая — идея предопределённости этой нации подчинить себе другие народы и повелевать ими; третья — идея паразитирования на теле подчинённых наций и народов.

Ничего похожего в журнале никогда не было. Да и быть не могло, потому что идеи эти чужды русскому национальному сознанию, подтверждением чему является вся история России. Что же тогда было? А были публикации о том, в чьих интересах был развален Советский Союз, в чьих руках оказалась реальная власть и награбленные богатства России, почему разрушается экономика страны, кто и с какой целью проводит политику дискриминации русского народа, с какой целью страну накачивают иммигрантами. Эти и другие острые темы вызывали и вызывают зубовный скрежет недругов России.

Итак, «Молодой гвардии» 100 лет! Журнал заслуживает не только поздравления со славным юбилеем, но и самых тёплых слов русских людей, за национальные интересы которых он боролся все последние 60 лет. А в том, что «Молодая гвардия» не свернёт с «русской линии» пока главный редактор — В. В. Хатюшин, можно не сомневаться. Здоровья ему!

Валерий ГАБРУСЕНКО, публицист, г. Новосибирск

НЕСУЩИЙ ВРЕМЯ В СЕБЕ

В определенные периоды жизни мы ищем разное и разное находим в одной и той же книге, журнале, статье. Это понятно и объяснимо: взрослеем, умнеем, становимся другими, меняемся, осознаём...

Чувство вины время от времени посещает меня, когда вспоминаю предательски выброшенную за ненадобностью, как мне тогда казалось, подшивку старых журналов. «Огонёк», «Юность», «Крокодил», любимый отцом «Квант» и «Молодая гвардия» в один миг были исключены из семейной библиотеки.

Один «раненый молодоговардеец» уцелел случайно, на рваной обложке — панорама Бородинского сражения художника Ф.А. Рубо, в уголке — красный треугольник с цифрой 9. Да, девятый номер 1987 года «Молодой гвардии», открывающийся словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — уцелел!

В рубрике «Литературная критика» среди прочих участников на «дискуссионной трибуне» Валерий Хатюшин. Страница 278, статья «О самом главном». Спешно читаю, ищу ответ, что самое главное было в том далёком году для молодого поэта и публициста.

«Открытая, честная, созидательная критика — жизненная необходимость для нас... Ведь спекулировать можно на чём угодно, в том числе и на критике», — пишет Валерий Хатюшин и искренне сокрушается, что Запад диктует свою «шкалу оценок, свои точки отсчета во всём, что касается нашего прошлого и настоящего». Это слово писателя о гласности, о честности актуально и сегодня.

Журналы, как и книги, нуждаются в том, чтобы их перечитывали с самого начала и до конца. Да, я любила перечитывать журналы, находила среди авторов своих любимцев, следила за их творчеством, верила им. Широко представленная в то время в журнале «Молодая гвардия» поэзия болгарских поэтов раскрывала передо мной душу этой страны. Любомир Левчев искренне писал о своем времени и своей Болгарии. Фазу Алиева, аварская поэтесса, уверенно утверждала: «...Прекрасный мир, где счастье есть для всех», — и я верила ей и ее стихам.

Размышляя о прошлом, о чтении, о времени и о себе, я вспоминаю, конечно, журнал «Молодая гвардия» как журнал особенный. Не случайно в том далеком году он издавался тиражом более чем 600 000 экземпляров. Смутно, но помню, что некоторые романы можно было найти только в нём. И это были достойные произведения, проверенные строгой цензурой.

Сегодня «Молодая гвардия» — это не просто журнал, это орган, *несущий время в себе*. Поэт и публицист, главный редактор журнала Валерий Хатюшин не объявляет себя «истолкователем своей эпохи», он выражает дух этой эпохи в той мере, в какой он способен его постичь, и его журнал — это своеобразная патриотическая трибуна для вещания и просвещения.

...И снова девятый номер, но уже 2018 года у меня в руках. В глазах радость, в сердце трепет, точно такой же, как годом ранее, когда с волнением распаковывала посылку из Москвы с книгами Валерия Хатюшина. Журнал «Молодая гвардия», скажу честно, стал мне близким через поэзию. Это она показала многогранность поэта-гражданина В.Хатюшина, истинного сына своей страны!

Незаметно для себя, погружаясь в иной мир, наступал мир в душе по ту сторону другой вселенной. Эти частые мгновения, уносящие из суеты повседневности, эти встречи с высокой поэзией сделали свое дело: что совсем не волновало, стало волновать, открылось то, что было закрыто! Распахнул свои страницы журнал, в котором и поэзия, и публицистика, и «страницы истории», и «вызовы времени».

В каждом номере «Молодой гвардии», как всегда, важное и актуальное! Статья В.Большакова «Над пропастью во лжи», открывающая девятый номер 2018 года, снова, как и в 1987-м статья В.Хатюшина, говорит о Западе, о «философском наступлении Америки через рекламу, имеющую в своих истоках военную пропаганду».

Хатюшинское *«О самом главном»* не исчезло — оно прошло сквозь время и в нём получило постоянную прописку.

«Россия, Русь! Храни себя, храни!» — таким лозунгом-призывом открывается сегодня журнал «Молодая гвардия».

На странице 265 (№9, 2018) моя статья — «Увидеть в человеке Человека», написанная к 70-летию Валерия Хатюшина о его творчестве. Да, действительно, поэт громко и настойчиво заявляет о том, что его судьба — это судьба страны, судьба людей, с которыми рос, мужал, судьба его современников.

Чтение журнала «Молодая гвардия» стало для меня делом важным и нужным. Информация не утекает сквозь пальцы и

не теряется, она становится собственностью, ибо она радуется и утешает так, как это могут делать только друзья.

Журналы, как и люди, умирают и гибнут. Они, как и люди, испытывают нужду и просят помощи у верных читателей и подписчиков, они празднуют и отмечают юбилеи! Столетний юбилей «Молодой гвардии» — это событие страны, это событие каждого, отличающегося хорошим читательским вкусом!

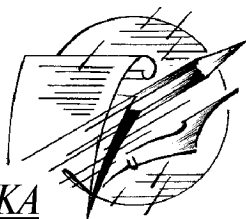
Сегодня журнал «Молодая гвардия», как огромный ледокол, раскручивающий свои мощные турбины, своими гребными винтами раздвигает холодный покров наших душ, ломает, крошит всё ненужное, лишнее, мерзкое. В бурном потоке лжи и фальши он смело выталкивает на поверхность всё то, что мешает жить!

«Большому кораблю — большого плаванья!» — так и просится пожелание главному редактору и всем причастным к «Молодой гвардии»! А еще... вечной молодости!

Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ, *учитель русского языка и литературы, г. Гродно, Белоруссия*

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

Почти трехмесячный дипломатический марафон переговоров Москвы со странами «коллективного Запада» по вопросу обеспечения гарантий безопасности России закончился к концу февраля этого года практически ничем. Запад проигнорировал заявление президента России Владимира Путина о том, что «возможное вступление Украины и Грузии в НАТО будет воспринято в России как пересечение «красных линий» и для урегулирования конфликта на Украине необходимо соблюдение «законных интересов России в сфере безопасности». Запад же, вместо того чтобы искать компромисс, предпочел конфронтацию с Россией. Активизировалась подготовка Украины к вступлению в НАТО. ВСУ сосредоточили мощную группировку у линии прекращения огня в Донбассе и резко усилили обстрелы территорий самопровозглашенных республик ЛНР и ДНР. В ход пошли даже реактивные установки залпового огня. Били по жилым домам, школам, детским садам. Ежедневно гибли мирные жители. Президент России Владимир Путин открыто назвал эти действия украинских вояк геноцидом.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В руководстве России шли споры о том, как на все эти провокации реагировать. Были сторонники продолжения переговоров с лидерами США и стран НАТО. Были и противники дальнейшего диалога, который, по их мнению, использовался Западом лишь как ширма для расширения НАТО на восток и для подготовки выступления пятой колонны в России против центральной власти по сценарию бандеровского переворота 2014 г. в Киеве. Путину напомнили о, казалось бы, забытом «Плане Хауса» образца 1918 г., советника президента США Вудро Вильсона, о разделе России на четыре части.

Когда 24 февраля с.г. В.В. Путин созвал совещание членов Совета безопасности (СБ) России и заставил каждого из них высказаться по поводу обращения Государственной думы о признании ЛНД и ДНР, эти сомнения, хоть и не открыто, но проявились. Так, секретарь СБ Н.П. Патрушев и директор СВР С.Е. Нарышкин склонялись всё же к продолжению переговоров с США, хотя бесперспективность их стала уже очевидной. Но после того, как Путин потребовал от них — а всё это транслировалось в прямом эфире — высказаться более определенно за признание донбасских республик или нет, Патрушев сказал, что он «за», а Нарышкин переусердствовал и даже предложил принять эти республики в состав России, на что Путин заметил: «Мы же этот вопрос не обсуждаем».

Неизвестно, удалось бы Путину достичь консенсуса на том историческом заседании СБ, если бы президент Украины Зеленский не заявил о возможном выходе его страны из Будапештского договора, в соответствии с которым Украина лишилась статуса ядерной державы вместе с размещенным на ее территории ядерным оружием, и о том, что для создания «грязной» атомной бомбы у него есть все возможности. А они и впрямь были: для изготовления ядерной бомбы можно использовать ядерные отходы Чернобыльской АЭС (именно поэтому российские войска в ходе спецоперации установили свой контроль над Чернобыльской и Запорожской АЭС) и средства доставки в виде РСМД «Точка-У». Эти ракеты не раз использовались украинской армией после бандеровского переворота в обстрелах Донбасса.

Отмечу, что уже 27 февраля, на четвертый день после начала спецоперации, Украина отказалась от выполнения обязательств по ядерному оружию в полном объеме. Украинские власти объяснили это потерей контроля над Чернобыльской

АЭС. Утверждается, что теперь Киев больше не может гарантировать МАГАТЭ, что ядерные материалы на национальной территории не используются в военных целях. А это означает, что работы по созданию собственной ядерной бомбы были уже начаты на Украине. Последствия этого страшно представить.

После того, как было принято решение о признании ЛНР и ДНР, после подписания в тот же день всех необходимых соглашений, включая договор о военной помощи, президент Путин как Верховный главнокомандующий отдал приказ о начале специальной военной операции, которая одним Донбассом не ограничивалась. Было официально объявлено, что речь идет о демилитаризации и денацификации всей территории Украины. Это означает безоговорочную капитуляцию «незалежной», ликвидацию бандеровского режима и обеспечение нейтралитета Украины со всеми гарантиями о неприсоединении ее к НАТО. По словам президента, в его планы не входила оккупация Украины. Путин предупредил Запад: «Несколько очень важных слов для тех, у кого может возникнуть соблазн со стороны вмешаться в происходящие события. Кто бы ни пытался помешать нам, а тем более создать угрозы для нашей страны, должны знать, что ответ России будет незамедлителен. И приведет вас к таким последствиям, с которыми вы в своей истории еще никогда не сталкивались».

Сбылось предсказание болгарской ясновидящей Ванги. Она указывала на судьбоносную дату — 22.02.2022. Именно 22 февраля российский парламент ратифицировал документ о признании Луганской и Донецкой народных республик. Вот и не верь после этого в предсказания...

24 февраля войска России вместе с ополчением донбасских республик пересекли разделительную линию, отделявшую последние восемь лет жителей Донбасса от мирной жизни, обрекая их на последовательный геноцид со стороны киевской бандеровской хунты. Историческая специальная операция началась. Как стало известно уже в марте, наши генштаб и Министерство обороны всего на один день сумели опередить запланированное Киевом массированное наступление ВС Украины и националистических банд, целью которого был полный захват Донбасса, геноцид его русского населения и выход к границам России. Вот почему к линии соприкосновения были стянуты едва ли не все украинские войска. Эта преступная авантюра Зеленского и его нациков, в подготовке которой принимали участие и заокеанские советники, была сорвана нашей армией.

Россия за один день спецоперации лишила бандеровских вояк связи, аэродромов, почти всей авиации и логистики, без чего в современной войне победить невозможно. От реальной войны эта «спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины» отличается тем, что удары Российской армии наносились только по военным объектам. Жилые дома и мирное население, как заявили в Минобороны РФ, обстрелам не подвергались. В США один генерал задал вопрос в связи с этим: «Это что, война в белых перчатках?» И всё же, как ни называй эти боевые действия, в них участвовали регулярные войска, ракетные части и авиация с самым современным вооружением, ударные беспилотники. Поэтому при всех предосторожностях российского командования наши войска всё же потеряли к началу марта более 500 солдат и офицеров, в том числе одного генерала. С украинской стороны потери были в разы большие.

Страдало и мирное население с обеих сторон. Массированные обстрелы Донбасса продолжались, и счет жертв бандеровских банд рос. Массовый исход беженцев с Украины в Россию и на Запад, исчисляемый уже сотнями тысяч, дополнял страшную картину этой трагедии, небывалого кровавого столкновения двух братских славянских народов.

Уже через два дня после начала операции по освобождению Украины российские войска подошли к Киеву. Его окружили со всех сторон, оставив только гуманитарный коридор для выхода мирного населения из города. Ожесточенное сопротивление ВСУ и националистических формирований в Донбассе тем не менее продолжалось. 27 февраля президент Владимир Путин в связи с тем, что «высшие должностные лица ведущих стран НАТО допускают агрессивные высказывания в адрес нашей страны», приказал перевести российские силы сдерживания в особый режим несения боевого дежурства. Это было еще одно предупреждение Западу: не смейте нам мешать! Сами виноваты! Не хотели слушать Лаврова, будете теперь слушать Шойгу!

На всё это «коллективный Запад» ответил заранее приготовленным пакетом «ужасающих санкций», как хвастливо назвал их президент США Байден. Фактически всё сотрудничество с Россией и частично с Белоруссией, поддержавшей Россию в ее действиях на Украине, было заблокировано. ЕС отключил от SWIFT банки ВТБ, «Россия» и «Открытие», а также Новикомбанк, Промсвязьбанк, Совкомбанк и ВЭБ. Было закрыто для российских самолетов воздушное пространство всех стран Евросоюза, США и Канады. Были заморожены счета российских фирм и частных лиц, прежде

всего олигархов, в западных банках. За долголетнюю зависимость российской экономики от Запада пришлось дорого платить.

Санкции «коллективного Запада» давно готовились и координировались всеми союзными и зависимыми от США странами. Они носят всеобъемлющий характер. России отказано в участии в любых культурных мероприятиях и обменах, международных спортивных соревнованиях. Разорваны контракты с деятелями культуры РФ, отказавшимися осудить «агрессию России». Каждый русофоб отчитался перед вашингтонским «батькой» по-своему. Музей восковых фигур Гревена в Париже убрал из экспозиции фигуру Путина. Международный олимпийский комитет, известный своим русофобством, отстранил от участия в играх в Пекине команду российских параолимпийцев. А Всемирная федерация тхэквондо решила отозвать у Владимира Путина почетный черный пояс 9-го дана, честно завоеванный президентом на соревнованиях в 2013 году. И это уже, мягко говоря, было совсем неспортивно. Дело дошло до того, что вузы стран Евросоюза и США стали высылать российских ученых и студентов на родину. Взрыв русофобии на Западе приобрел всё черты этноцида русского народа, организованного синхронно с бандеровским геноцидом русских в Донбассе. И это еще были только цветочки. Сенатор Грэм призвал к «ликвидации» президента России Владимира Путина. К этому, кстати, уже не раз призывали кадровые сотрудники ЦРУ, обещая потенциальным Брутам защиту и райскую жизнь на Западе.

Новая схизма XXI века

Информационная война как часть войны гибридной против России — это своего рода политический камуфляж для прикрытия истинных причин возникновения нынешнего вооруженного конфликта на Украине.

Этот «спор славян между собой», по Пушкину, не Россия начала. Он был расчетливо спровоцирован Западом, для которого и Украина, и ее народ не более чем средство противостояния с Россией, подрыва славянского единства. Такое в нашей истории было не раз, и разнородные «витии» делали всё возможное, чтобы оно не возродилось как можно дольше.

Ненависть к России, ко всем русским людям зашкаливает на Западе. Слепнут от русофобии даже те, кого до недавнего времени считали у нас «здравомыслящими политиками». «Американцы через своих послов «бегают» по всему миру,

заставляя страны Африки, Латинской Америки и Азии хоть что-то сделать против России, — говорил министр иностранных дел РФ Сергей Лавров (интервью телеканалу Al Jazeera. — В.Б.). — Это низко для великой державы, какой Америка является. Низко и недостойно. Но мы к этому привыкли. Так было не раз в нашей истории, когда партнеры действовали с нечистоплотных позиций, нечистоплотными методами. Мы сдюжим. Уверен в этом на 100%. Видели, насколько озлоблен Запад, насколько он агрессивен в продвижении тезисов о недопустимости усиления влияния России, насколько он был последователен в защите фашистской, неонацистской власти на Украине, стремясь использовать ее против России».

Слова Лаврова — это убедительное подтверждение того, что Запад и Восток веками, а не только с начала нынешнего периода передела мира и становления нового миропорядка, отделяла друг от друга даже не разделительная черта, а пропасть. И уж, конечно, те тектонические процессы, которые способствовали ее образованию, начаты не 24 февраля — с началом спецоперации Путина на Украине, а уходят в глубь веков.

После крещения Руси в 988 г. по Византийскому обряду возник конфликт между католической и Русской Православной Церковью. Последовал за этим раскол западной и восточной христианских церквей в 1054 г., известный как Великая схизма. Политический же конфликт начался еще в XIII—XIV веках, когда католицизм стал распространять свое влияние на славянские, в том числе русские земли. И с тех пор он фактически не прекращался.

Схизма Средневековья обернулась современной цивилизационной несовместимостью западного и русского миров. Непримиимость Запада в отношениях с Россией, ненависть к русскому народу, вообще к славянам, о которой с болью говорил Сергей Лавров, сродни фанатизму средневековой инквизиции. Она не раз приводила к самым кровавым «крестовым походам» западных стран против России. Нашествие гитлеровской Германии, осуществлявшееся в союзе с большинством европейских государств, помимо завоевания исконно русских земель предусматривало и тотальный геноцид русских и других народов нашей страны. Разгром этих претендентов на мировое господство Советской армией спас жизни миллионам европейцев, но и тысячекратно усилил ненависть к нам врагов России.

Это тысячелетнее противостояние предопределило несовместимость бездуховной западной цивилизации, основанной

на торгашестве и насилии, и русской православной цивилизации, в основе которой лежат Заповеди Господни, Учение Христа и стремление к миру и духовному совершенствованию. Без понимания сути этого раскола невозможно понять и причины нынешнего противостояния России и «коллективного Запада». «Запад ненавидит Россию, потому что она не делает то, что отсюда ей говорят», т.е. упорно не подчиняется Западу, признает в своей книге Union Jackboot британский политолог Т. Коулз. Он отмечает, что в Великобритании Россию считают врагом уже с начала XX века, а британские историки называют тот период первой холодной войной. Коулз подвергает критике и военные действия Запада. По его словам, американские военные специалисты еще много лет назад говорили, что любые попытки НАТО влиять на Украину приведут к «аннексии» Крыма. И сейчас Москва не внезапно «нападает» на Киев, а демонстрирует свою реакцию на действия НАТО.

«Представьте, как если бы Шотландия, — пишет Коулз, — отделилась от Великобритании и русские стали бы проводить у наших границ военные учения, якобы чтобы сдерживать британцев от захвата Шотландии. То же самое мы делаем на Украине. Или же проведи Россия свои маневры в Канаде или Мексике, это тут же сочли бы огромной угрозой и нарушением Устава ООН, не меньше». Корни ненависти к России, как видим, действительно глубокие.

А если бы?

Вопрос, который задают сейчас многие: можно ли было России решить проблему Украины мирным путем? Задают его и наши недруги, и наши друзья, и абсолютно нейтральные государства мирового сообщества. Не буду перечислять все те предложения о взаимных гарантиях безопасности, с которыми Москва выступала не раз, а в декабре прошлого года поставила уже вопрос ребром: или — или. Признаем очевидное. Та «красная черта», которую так долго и терпеливо Россия стремилась не переходить, сдерживая Запад от дальнейшего расширения на восток и от вооруженного столкновения, была стерта после начала спецоперации от российских рубежей на Запад, вплоть до границ входящих в НАТО государств. Политая кровью русских и украинцев, она надолго, если не навсегда, разделила Русский мир и западную американизированную цивилизацию.

Она разделила и наше общество. Мы убедились воочию, что у нас две России, два народа и две цивилизации, до поры

до времени относительно мирно сосуществовавшие. Одни наши граждане готовы всегда встать на ее защиту и поддерживать ее руководство в столкновении с внешним врагом, даже не будучи согласными со всеми его действиями и заявлениями. По последним опросам общественного мнения действия Путина на Украине поддерживали более 70 процентов населения России. Около 20 процентов не смогли ответить ни «да», ни «нет». Другая часть — куда меньшая, но обладающая, несомненно, большим влиянием, чем наше молчаливое русское большинство, открыто поддерживает внешнего врага России. За восемь последних лет никто из этой прослойки профессиональных либералов и подписантов разного рода заявлений протеста так и не выступил с осуждением бандеровского переворота 2014 г., в результате которого к власти пришли откровенные нацисты, последователи бандеровцев, навеки заклеянных позором за пособничество гитлеровцам в их геноциде русских, евреев и цыган в годы Второй мировой войны. Не выступили эти наши сограждане и с осуждением украинских националистов садистски уничтожавших мирное население Донбасса, включая стариков, женщин и детей. А вот после начала спецоперации, главной целью которой были демилитаризация и денацификация Украины, со всех трибун и на всех волнах в Москве, Питере и других городах России зазвучали их голоса, скандирующие лозунги: «Позор!», «Нет войне!» и проклятия в адрес Путина. А где были эти господа, когда фашисты сжигали заживо русских в Доме профсоюзов в Одессе? Когда избивали в центре Киева и во Львове граждан Украины только за то, что они говорили по-русски? В протестных заявлениях и плакатах российских западников, под которыми они ходили на свои митинги, часто звучало: «Порядочный человек не может молчать», «Каждый честный человек должен...» Но порядочность — это понятие цельное, неотделимое от чести и честности, и если она присуща человеку, то проявляется во всем, а не только в отдельных случаях. И когда твоя страна подвергается смертельной угрозе со стороны внешнего врага, когда она приходит на помощь своим братьям по крови и когда льется эта кровь, каждый гражданин так или иначе встает перед выбором между своим личным благополучием и благополучием его Родины. Для патриотов выбор существует только один — в пользу нашей Родины и того правого дела, за которое она сражается. Когда грянула Великая Отечественная война, такой выбор сделало подавляющее большинство россиян, в том числе и те, кто имел серьезные разногласия со сталинским режимом. Те же, кто сделал иной выбор, вольно или невольно

перешли в стан врага и были прокляты нашим многонациональным народом на все времена.

Россия не впервые в своей истории встает перед судьбоносным как духовным, так и цивилизационным выбором. Так было в 1917 г., когда антирусские силы взорвали изнутри великую Российскую империю, а затем устроили Октябрьский переворот, обернувшийся Гражданской войной, красным террором и большим террором. Миллионы людей погибли, прежде чем наш народ принял советскую власть и стал ее защищать от внешнего и внутреннего врага. Но внутренний враг оказался, и не первый раз в нашей истории, сильнее. 75 процентов граждан СССР в апреле 1991 г. проголосовали за его сохранение. Всего через восемь месяцев после того референдума Советского Союза не стало. Это было прямым следствием массового воздействия разлагающей прозападной пропаганды времен перестройки на умы советских граждан и действий пятой колонны, которую возглавили перевертыши и предатели, захватившие руководство КПСС. Та же тактика «ползучей контрреволюции» применялась и во всех странах Варшавского договора, что и привело к его развалу и переходу бывших социалистических государств из него в НАТО, куда после развала СССР стали завлекать и бывшие советские республики, включая Украину.

Напомню, что никто не вышел с протестами на улицу тогда спасти нашу советскую Родину. 10 миллионов членов КПСС тихо разошлись по домам. Даже кадровые офицеры Советской армии не взяли за оружие, а генерал Лебедь, нарушив присягу, перешел на сторону разрушителей СССР во главе с Ельциным. Даже офицеры КГБ предпочли спокойно наблюдать за тем, как пьяная толпа сносит перед окнами их ведомства памятник их кумиру Железному Феликсу. Ну, хотя бы кто-то в воздух выстрелил для остротки. Разбежались бы. А ведь проверяли их на благонадежность и верность Отечеству чуть ли не под микроскопом.

После неудачного путча ГКЧП — последней и неуклюжей попытки спасти Советский Союз — при полном равнодушии более чем 200 миллионов советских граждан три предателя из числа второразрядной партноменклатуры подписали в Беловежской пуще соглашение о развале СССР, а четвертый мерзавец и предатель закрепил это своей подписью лидера исчезающей великой державы. Казалось, что ничто уже не сможет помешать осуществлению «Плана Хауса» по разделу России на четыре государства, подконтрольные мировому капиталу. В лихие 90-е вечно пьяный Ельцин, ставший президентом России и командором масонского Мальтийс-

кого ордена, призывал национальные республики и округа брать как можно больше суверенитета. А кадровые сотрудники ЦРУ, как недавно напомнил Путин, уже сидели в Кремле и готовили Россию к тотальной распродаже на мировой бирже. К счастью, благодаря нашей армии и патриотическому ядру российского руководства удалось спасти Россию от этого позора и падения в пропасть исторического небытия.

Усвоили ли мы эти страшные уроки нашей истории? Осознали, что внутренний враг, как сказал министр обороны РФ Сергей Шойгу, куда опаснее внешнего врага?

Стратегия пятой колонны

Когда началась спецоперация на Украине, российские власти, хотя и весьма осторожно, всё же пошли на то, чтобы обозначить антигосударственные, подрывные организации и агентства, обосновавшиеся в России, как агенты иностранного влияния, не запрещая тем не менее их деятельности. Небольшой список этой агентуры можно было бы активно продолжить. В ходе специальной операции на Украине Генеральная прокуратура РФ потребовала запретить выход в эфир телеканалу «Дождь», зарегистрированному как «иностранная агент», и «Эху Москвы» в связи, цитирую, «с целенаправленным и систематическим размещением на интернет-сайтах «Эха Москвы» информации с призывами к экстремистской деятельности, насилию, а также заведомо ложных сведений в отношении действий российских военнослужащих в рамках проведения специальной операции по защите ДНР и ЛНР».

Почему же этого не сделали раньше? Как в своей толерантности российские власти и впрямь дошли до абсурда — русофобское «Эхо...» с самого начала субсидировала государственная корпорация «Газпром» через «Газпромбанк»?!

Немного истории. В 2001 г. Владимир Путин, разъяря главный редактору и совладельцу «Эха Москвы» (14%) Венедиктову, по кличке Бенья, кто он в его глазах, сказал: «Враги прямо перед тобой, ты с ними воюешь, потом заключаешь перемирие, и всё ясно. Предателя нужно уничтожить, раздавить. Знаете, Алексей, вы не предатель. Вы — враг». Как тут не вспомнить известный арабский афоризм: «Враг моего врага — мой друг». Бенью не просто с восторгом воспринимают на Западе. Его чествуют, платят щедрые гонорары, награждают, он кавалер ордена «Почетного легиона» (Франция) и «Золотого Креста Заслуги» (Польша). За какие заслуги вручают такие награды?

В августе 2008 г. Путин отчитал Венедиктова за то, как «Эхо Москвы» освещала российско-грузинский конфликт в Южной Осетии. Известно, что Бенья и его команда с пенной у рта защищали Саакашвили и его головорезов, поносили Россию за помощь жертвам грузинской агрессии, в результате которой погибли наши миротворцы и летчики. И тем не менее «Эхо...» не убрали тогда из российского эфира и не вычеркнули из платежной ведомости «Газпрома». Видно, кто-то из ближайшего окружения Путина замолвил словечко за Бенью. Как сообщил сам Венедиктов: «Трижды Владимир Владимирович — последний раз в январе 2012 г. — не дал закрыть «Эхо Москвы» или уволить меня. В декабре 2011 г. Медведев объявил мне увольнение, а через две недели после этого Путин предложил мне стать своим доверенным лицом». Венедиктов это предложение Путина публично отверг.

Запад и на этот раз поддержал своих подопечных. Иностранный агент по имени «Дождь» продолжил вещание уже с зарубежной площадки. Видимо, скоро такую же площадку подыщут и Бене. Но даже после запрета выхода в эфир «Эхо...» продолжало работать через свои филиалы и соцсети при попустительстве российских властей, поддержке олигархов и западных покровителей.

История с «Эхом Москвы» лишний раз показала, что так называемая «несистемная оппозиция» — это весьма серьезная и хорошо финансируемая политическая сила в современной России со своим руководством, бюджетом и лоббистами во всех структурах российской власти, своими СМИ и соцсетями. Более того, многие деятели этой антирусской оппозиции, имеют открытый доступ к эфиру государственных телеканалов и радио. По сути, это и есть пятая колонна. Часть этой структуры действует из-за границы под руководством ЦРУ и других спецслужб, которые и содержат этих «новых диссидентов».

После развала СССР и ограбления граждан России в ходе гайдаровской «прихватизации» новая российская элита не просто сориентировалась на Запад. Она сделала всё возможное, чтобы там укорениться, стать частью мирового олигархата, вложив туда свои капиталы и поселив там свои семьи с детьми, которые нередко даже не говорят по-русски. Россия незаметно, но последовательно превращалась по мере захвата ее экономики иностранным капиталом, частью которого стала и российская офшорная буржуазия, в оккупированную страну. Целые отрасли, а не только отдельные предприятия перешли под его контроль. И все мы остро ощутили опасность такого внедрения в Россию, когда были объявлены

«ужасные санкции», по Байдену. Конечно, в каком-то смысле Запад, как говорится, «выстрелил себе в ногу»: усилилась инфляция, взлетели цены на газ и нефть, чему способствовал и отказ от «Северного потока — 2» и от поставок российского сырья. Поэтому и не стали полностью отключать Россию от платежной системы SWIFT и от перекачки российского газа через Украину. Ударили по олигархам, близким к Путину, но не по всем. Романа Абрамовича пощадили, и он даже прилетал из Лондона для участия в переговорах украинских властей с представителями РФ.

Не будем забывать, что российская элита пустила глубокие корни на Западе. Как сказал в свое время Збигнев Бжезинский: «Вы всё еще думаете, что это ваши олигархи? Нет, они давно уже наши». Не только у российских миллиардеров, но и у многих госчиновников и депутатов есть, несмотря на все запреты, зафиксированные в нашей Конституции, иностранное гражданство, и часто не одно, либо виды на жительство. Они купили даже замки и другую дорогостоящую собственность за границей, завели там банковские счета на миллионы долларов. А в России эта публика принялась разлагать ее изнутри, стала новой пятой колонной, начала подрывать безопасность и экономику России, подчиняя ее Западу. Весьма показательны в этом отношении протесты российских элитариев и ведомых ими либералов против спецоперации ВС РФ на Украине и всего российского руководства, включая президента Путина. Типичный тому пример — обращение против войны на Украине, которое подписали более тысячи выпускников Московского государственного института международных отношений (МГИМО), рассадника российских элитариев, который производит дипломатов и журналистов-международников. Это те, кто обязан защищать за рубежом государственные интересы и политику России.

Иностранцы с регистрацией и без таковой действуют в России совершенно свободно и вольготно. Непонятно, почему к числу иностранных агентов не отнесены до сих пор действующие в России многочисленные филиалы зарубежных организаций и даже сект, включая масонские ложи, инсталлированные, т.е. возрожденные в России с помощью их материнских лож во Франции, таких, как «Великий Восток», «Великая ложа Франции» и «Великая национальная ложа Франции», а также лож в Англии и США, с которыми «наши» масоны поддерживают активные связи и участвуют в их международных сборищах. А «Великий Магистр» «Великой ложи России» Богданов даже выдвигал свою

кандидатуру на президентских выборах и активно сотрудничал с президентской администрацией.

В России открыто действуют многочисленные сионистские организации, подчиненные центральному руководству международного сионизма, включая сионистско-масонскую ложу «Бнай Брит» со штаб-квартирой в США, Всемирному еврейскому конгрессу, которому подчиняется Российский еврейский конгресс (РЕК), и Всемирной сионистской организации со штаб-квартирами в Израиле.

Филиалы западных центров влияния и международного сионизма имеют прямой доступ к руководству России, в том числе на самом высоком уровне.

Государственное российское телевидение и радио, где на руководящих постах также числятся обладатели двойного, а то и тройного гражданства США, Израиля и стран Евросоюза, стали не только их рупором, но и их кормушкой. И только когда началась спецоперация на Украине, против которой дружно выступили обласканные Западом «звёзды», российские власти поняли, кого они годами кормили и пригревали.

В российских политических ток-шоу до и после начала спецоперации Вооруженных сил РФ на Украине принимали участие не только активные противники российского руководства, но и сотрудники западных спецслужб наравне с участниками сионистских организаций и других центров влияния. Типичны в этом плане передачи члена руководства РЕК Владимира Соловьева — его трудно упрекнуть в отсутствии патриотизма. И у него, и у другого постоянного участника его передач из руководства того же РЕК Сатановского он даже зашкаливает. Но почему у Соловьева постоянно выступает генерал израильской спецслужбы «Натив» Яков Кедми, деятельность которого даже в Израиле вызывала неоднократные скандалы? Кедми получает немалую пенсию от правительства Израиля, но, как правило, выступает как бы с наших патриотических позиций, даже восторгается Сталиным. Но ведь общеизвестно, что из секретных служб в отставку их руководители не уходят. И сам факт выступления Кедми на российских государственных каналах, где, помимо похвал в адрес Сталина, он не скупится на ругань в адрес палестинцев, Ирана и Сирии, есть не что иное, как реабилитация израильских спецслужб, не раз замешанных в терроризме, убийствах и других преступлениях.

Можно ли себе представить, что, скажем, американская телекомпания CNN приглашает для постоянного участия в своих передачах бывшего генерала КГБ вместе с сотрудни-

ками РТ и «Спутника»? Да ее лишили бы лицензии еще до выхода такой передачи в эфир!

В условиях вооруженного противостояния с враждебными нам внешними силами вновь перед нашей интеллигенцией поставлен вопрос Максима Горького: «С кем вы, мастера культуры?»

Спикер Госдумы Вячеслав Володин сформулировал его еще жестче. Он предложил деятелям культуры, которые не поддерживают спецоперацию России на Украине, покинуть свои посты. Жесткая постановка вопроса, но понятная. Под предлогом свободы слова и печати, защиты прав человека пятая колонна в России осуществляет сейчас ту же тактику, что и ползучая контрреволюция в СССР в период перестройки и в других социалистических странах. Известно, чем это кончилось. Уроки нашей истории не следует забывать. В своем противостоянии с Россией Запад по-прежнему преследует свою главную цель — ее развал, оккупацию и уничтожение ее государственности. В этих целях он и натравливал Украину на нас, не оставив руководству России иного выбора, кроме как прибегнуть к оружию.

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА

РАССКАЗ

Пора признаться в том, что я давно знаком с женщиной. Нет, уж говорить, так до конца — с этой женщиной мы любим друг друга. И когда мы раз в год сбегает, она — от своего мужа (он писатель), я — от своей жены (она учительница), то бываем счастливы. Счастью многое помогает — то, что она избавлена от изнуряющей повседневной готовки пищи на своего мужа, детей, избавлена от стирки, от работы, суеты, звонков, первые три дня она лежит на пляже почти бездыханно. Хотя сразу скажу, что бездеятельность она ненавидит. И я освобождаюсь от своей замордованности, вечного состояния вины за невыполненные обязанности в работе, семье, знакомствах, делах всяких обществ. В это время, когда мы с ней, почти всё кажется нереальным, потому что здешняя жизнь тоже нереальна: море рядом, кормят так, что один отдыхающий баталист на неделю обессмертил себя двустеишем: «Еда на уровне министров, да и обслуживают быстро». Русской речи почти не слышно, а только иностранная, грузинская и абхазская.

Женщина эта делает со мной что хочет. Простой пример. Я волоку сюда

ПРОЗА

работу, но, устав от всего предшествующего — от срывов, неудач, ссор с женой, горечи от поступков детей, от переживания за стариков родителей — я и не чаю, что что-то смогу сделать. Но милая моя женщина всё прекрасно устраивает. Вот завтрак, вот она конвоирует меня сквозь десяток-другой знакомых, любовью из которых может сожрать за полчаса все нервные клетки, отпущенные на этот день, вот заводит в комнату, приносит фруктов, целует, запирает и оставляет. Что прикажете делать? Выход один — давать продукцию. И, совершенно не надеясь, что что-то получится, я начинаю перебирать наброски и эскизы. Что-то тут же уничтожаю, недоумевая, как это могло остановить внимание, но что-то хочется вспомнить, вернуть блеск и свежесть впечатления. Я закрываю глаза, вспоминаю, вспоминаю... и через два часа с трудом пытаюсь вспомнить, о чем это я пытался вспомнить, так как оказывается, что эти два часа не сидел за столом, а лежал рядом с ним на диване. Но куда она денется, рано или поздно работа идет. Хорошо выходит или плохо, об этом я сужу не только сам, мне дорог ее отзыв. Когда она, посмотрев работу — вначале быстро, потом по кусочкам — говорит свое мнение, я всегда вредничаю. Если говорит, что сделано хорошо, заявляю, что это очень плохо, а если критикует, говорю: как это можно не понять такой шедевр. Но по опыту долгих лет я знаю ее всегдашнюю правоту в оценках. Она тянет меня в кино или погулять, но когда у меня дело идет, сразу уступает и проводит вечера в обществе полюбивших ее жен других творческих работников.

Продавали билеты на вечер органной музыки (здесь старинный храм приспособлен под концертный зал), она купила билеты, вынудив меня пойти тем, что билет достать невозможно, каков бы я был, если б не оценил ее подвиг. Шел я без всякой охоты. До последней минуты тянул, но признаюсь, что не последним в решении пойти было то, что она надела красивое, но уж очень сквозное платье, и меня ужасала ревнивая мысль, что на нее будут смотреть. А смотреть тут есть кому. Причем она красавица редкая — стоит ей пойти на рынок (одной), как почти каждая машина тормозит, и бравые усатые водители предлагают к услугам свой транспорт. Она хохочет, рассказывая. Но мне-то каково? Одно спасает — виду не давать, что такие рассказы задевают.

До зала нас хотели везти на автобусе, а он сломался. Я обрадовался — остаемся. И нас, может быть, и не повезли бы, но с нами были иностранцы, нашелся другой автобус. Все равно опоздали. Нас предупредили, что места заняты, что концерт идет без перерыва, чтоб входили на цыпочках и, если согласны, слушали орган стоя на ногах.

Вышло даже так, что ей нашлось место, а я остался у огромной, сложенной из кирпича колонны. Посадили и иностранцев. Органистка сидела ко мне спиной, но я вначале не ее заметил, а другую женщину, стоявшую рядом с ней для перелистывания нот. А еще она переключала бесчисленные кнопки на огромном пульте, который напомнил мне пульт прокатного стана. И вообще всё было похоже на работу механизма с программным управлением. Органистка иногда даже отклоняла от клавиш руки и играла одними ногами. Помощница ходила перед пультом, сверялась с бумажкой, когда и какую кнопку нажимать. Зажигались и погасали огоньки. Вертикальные створки надо всем сооружением то открывались, как жалюзи, показывая сверкающие стальные внутренности, то закрывались.

Вот закончилась музыка того произведения, на которое мы опоздали, и органистка вышла на поклон, оказавшись молодой и красивой. Кстати, и ее помощница тоже была красивая и стройная, и мне хватило этого, чтоб к музыке не придирались. Место у меня вышло отличное — виден весь зал, своды, орган — моя женщина сидела в профиль ко мне. Я видел, что в зале изрядное число любителей органной музыки, один лысый человек, запрокинув голову на спинку кресла, казалось, спал, но, приглядевшись, заметил я, что он даже дышит под музыку, замирая в особо напряженных местах.

Голос человека или смычок не извлекут аккорды такой протяженности, как орган, и такой наполненности звуком замкнутого пространства. Иногда это был растянутый во времени протяженный грохот, допустим, летящей по каменному берегу пенной волны. Какое еще могло быть сравнение при имеющейся близости моря? Ах, как мне хотелось написать о море! Да разве только один я так восклицал? Простится мне от искусствоведов — и Айвазовский в своих полотнах более силен в написании неба, нежели моря. Тут объяснение то, что небо даже в мятежных состояниях природы все-таки более неподвижно по сравнению с морем, то есть в те несколько мгновений, нужных для впечатывания картины в память зрения, небо милосерднее к нашим глазам, дает себя разглядеть, но не стихия, именно стихия воды. В ней миллион движений на каждом квадратном метре, тысячи зеркал с внутренней подсветкой, с отражением, с боковыми бликами.

Я посмотрел вверх — паруса под сводами были расписаны, но фрески плохо сохранились. Хорошо читались надписи «Егудиил, Уриил, Селафиил, Иеримиил», и сам центральный образ был прекрасен. Кого только и чего только не видел этот образ, видя одновременно всех и каждого, а каждый общался только с

ним, встречаясь робким, или недоуменным, или растерянным взглядом один на один. Такой же образ, только гораздо более молодого Христа я узнал в этот раз в Новом Афоне, куда меня тоже вывезла моя женщина...

О господи, я же на концерте, спохватился я. Но тут же положил себе сформулировать, а после выговорить ей целую теорию о том, что мне не только не стыдно, что мне чего-то не дано, но что, наоборот, я рад, что и не дано, и не стыдно. За всё не ухватиться, за всем не нагоняешься. Ужас зрителей (слушателей, читателей) как раз в этом. Например, говорят: тебе непременно надо посмотреть такую-то выставку, посмотреть фильм, сходить на спектакль, прочесть такую-то книгу, познакомиться с тем-то, что это обязательно тебе нужно. Но почему обязательно? А может, это мне будет во вред? Может, действие книги, картины, спектакля, общение с кем-то плохо повлияют на ту работу, которую я делаю и которой живу? Причем даже хорошее влияние может исказить замысел, а ведь замысел почти всегда лучше исполнения. Почему же так? Уж не глупее нас были мудрецы, сказавшие, что влияние надо испытывать до поры самостоятельности, а потом следует развивать данное тебе. Зря, что ли, они творили уединенно, уходили в затвор, в безмолвие. То есть вроде бы уходили от процесса жизни, как сказали бы сейчас. Но выходили их работы куда долговечнее и куда важнее, нежели те, что создавались с натуры. Почему, например, я должен стесняться того, что мало или даже совсем ничего не понимаю в органной музыке? Почему мне не стыдно, что, будучи в Риге, не старался попасть в Домский собор? Ничуть. Мое место, надеюсь, занял тот, кому это надо больше. Если меня не тянет читать какого-то писателя, что из того, если даже все кругом упрекают меня в невежливости по отношению к этому писателю. Я рад, что хоть наконец-то ко временам седины появляется чутье раненого животного, которое точно знает, какое растение его спасёт, а какое погубит.

Взять этот же Дом творчества, эту атмосферу порядочности и троекратно взвинченной приветливости, когда здороваешься на день по три, по четыре раза. Но ведь тут же враз живут и закоренелые, кровные враги, которые тоже раскланиваются. Помогает ли это им в работе? А может, они идут от противного, ведь столько огня в сдерживаемой ненависти? Но уж если ссылаться до конца на мудрецов, они-то бы не впали в осуждение других. Так что надо спрашивать только с себя и не прощать только себе. Еще к тому же: из многих наблюдений и выводов я заключил, что хватающиеся за всё, знатоки во всем — тщеславны. Даже если это многое есть добродетели. Ведь и ими кичатся.

Как же все-таки сделан, написан, создан, сотворен этот образ? Даже не о трудностях я думал, когда надо было работать на лесах, лежа кверху лицом или же стоя и опрокидывая до онеменения голову, думалось о тайне, которой владели эти мастера. Попытки вычислить эту тайну, изучая пропорции, соразмерность, отношение одного к другому, изучение состава красок, материала кистей — всё это оказывалось и будет оказываться суетой. Ближе всех к разгадке тайны подходит мысль, что волшебство мастеров прошлого было в их вере, вере в то, что их дело призвано спасать людей. А уж надо думать, что свое призвание к этому делу они пытались многократно. И росписи храма Нового Афона прекрасны. Жаль, что после осмотра группу неумолимо повлекли в пещеру. Была адская жара, потом поезд, ощущение метро, потом путь по залам, в которых я только и замечал вмешательства человека в природу — подсветку сталактитов, шелканье тумблеров, управляющих включением и выключением прожекторов, и непрерывное требование экскурсовода, женщины в валенках, чтобы мы имели немного фантазии и тогда увидим в изгибах и выступлениях мифологические и сказочные персонажи. Я тащился сзади, и единственное, что меня взволновало, это изыскание ученых, что пещеры — следствие работы подземных рек, которые вымывали известковые, слабые породы, оставляя навеки гранит. «Действие рек, — сказала экскурсовод, — относится к временам ветхозаветного библейского потопа». Эта фраза в соединении с известием, что Новый Афон был выстроен на месте захоронения одного из учеников Христа, апостола Симона, резко соединяла эпохи, страшно отдаленные. Страницы древних рукописей, даже переизданные современным способом, оживлялись вдруг картинами, особенно фрески вдруг являли первоначальный смысл, но это было так быстро, что смысл ускользал, оставляя мучение души по себе. Мудрость никогда не была количеством знаний. Смешно думать, что отшельник, открывая родник целительной воды, знал состав солей этой воды. Но шли за мудростью к нему, а не к ученому, который мог написать о химическом составе этой воды огромную работу, включающую объяснение, почему она месяцами остается свежей. Но главный вопрос: почему открыл родник отшельник, а не ученый?

— Да, — сказала в этом месте милая моя женщина, когда мы после концерта сидели у моря. — Как хорошо, что бабий ум короток. Могу себе представить жену этого ученого, которая за исцелением бежит к отшельнику. Они ведь условные фигуры? А жена реальна. Ух, как реальна!

Мы сидели будто в ложбине меж сушей и морем, казалось, море гораздо выше нас, будто там, далеко в нем, вознеслась высокая волна и идет на берег, но всё никак не дойдет.

— Послушай, — сказала она, когда я ее поцеловал. — Ведь нам не избежать этого разговора.

— Почему? Давай избежим. Купаться и спать, спать, спать. Радуйся жизни, скоро всё это кончится.

— И ты вернешься к своей жене, я к своему мужу, и нам снова будет с ними плохо? И снова ждать этого крохотного оазиса радости? Тогда зачем он? Чтоб только ужаснее было остальное жизненное пространство?

— А ты хотела сплошную радость? Тогда она не будет чувствоваться, будет тяготить. К тому же надо радость заслужить.

— Чем? Опять, скажешь, страданиями?

— Больше ничем. Если тебе так тяжело с мужем, считай это расплатой за счастье со мной. Только я никогда не пове-рю, что тебе плохо с мужем.

— Ты его не знаешь.

— Здравствуйте. Да из одних твоих рассказов я могу составить его внешний и внутренний портрет — сводя его до простоты, судя по себе, кстати, ведь я тоже творческий человек... Или не так?

— Так, так. Так каков же портрет?

— Когда ему не работается, все вокруг него, и жена в первую очередь, виноваты в этом, а когда ему работается, ему все, и ты в первую очередь, мешаешь. Так было, и так есть. Но если жёны поймут, что тут мужья ни при чем, что дело в работе, то и все обиды исчезнут. Ты говоришь: давай говорить о муже. Потом ты заставишь меня говорить о моей жене.

— Да, заставлю. А ее какой портрет?

— Да точно, как и твой: ревнует ко всем и всему, а в первую очередь, к работе. Не работается дома, значит, не любит тебя, семью, а работается — к себе не подпускает, лучше бы ничего не делал.

— Он иногда вампир такой, что я боюсь. Все мои силы, какие есть, он может убить за пять минут. Иногда кажется, что он пьет моей кровью, моими нервами.

— А как ты хотела иначе? Вначале только он еще свои изведет во много раз больше.

— Ты, по крайней мере, понимаешь. Он — никак. Сюда его не затащишь, юг не любит, а мне кажется, ему бы здесь работалось.

— Муж и жена всегда будут разными людьми. Не любит — и пусть не любит. Ты страдаешь оттого, что не можешь заста-

вить его полюбить юг, а сама поджимаешь губы, когда говоришь о его Севере.

— Мне и здесь хорошо. С тобой тем более.

— Я был и нет, а муж — это навсегда. Да и мне больше по нраву края вечнозеленых помидоров, нежели края вечной зелени. В основном-то я их и описываю. О море написать — это мечта. Она тогда зародилась, когда я жил в Керчи, потом в Тамани, видел, что коренные жители иногда ни разу в лето даже не купаются в море, некогда. А предмет между тем требует наблюдений. Ну смотри, смотри — это же чудо: полнолуние, рожа у луны, кстати, как на Севере, только загорелая. Сейчас она на берегу и вот-вот перейдет на полосу прибоя, он начнет вдобавок к белизне золотиться. Волна несется вдоль берега, как огонь по бикфордову шнуру. Или это плохое сравнение?

— Очень военное.

— Да мне и не нужны сравнения, оставим их твоему мужу. Можешь запомнить для него — волна летящего блеска.

И так стало — свет луны перешел с песка на прибой, и в этом движении прожекторного небесного света так ясно ощутилось взаимное движение земли и луны — двух начал. И так уж мне не хотелось говорить о взаимоотношениях мужа и жены — об этой почти единственной теме всех жён, что я стал уводить мою милую в разговор о мифологии, о языческой вере в мужское начало света и дождя и в женское начало земли, ждущей этого света и дождя. Но ничего не вышло — моя возлюбленная все-таки вынудила меня говорить о семейном ее положении. Ставя ее на место своей жены, я думал, что точно так же и моей жене мне ничего не доказать. Логика ее рассуждений была чисто женская. Например:

— Я не вижу в нём опоры. Раньше он был другой.

Такие фразы она говорила постоянно. Как будто выдержать высокую ноту запетой любви дано всем. Дано, будем честными, но не тем, кому дано другое. Я отвечал в том смысле, что мужчина и работа должны быть синонимами. Мужчина немислим без общения со своими единомышлениками. Работа, если она всерьез, если она угадана как приказ развития природной одаренности, никогда не позволит сжечь жизнь в разгуле или запоях. В это она не могла поверить. Не могла простить мужу пустячной выпивки, например, терпеть не могла его знакомств.

— Но ему же надо быть с друзьями.

— Зачем?

— Разговор, впечатления, взаимная поддержка, ведь всегда идет постоянное соотнесение работы других со своей, оценка.

Но логика ее возражений была несгибаемой.

— А не пора ли всем им вспомнить, что они сами — свой высший суд?

— Я думаю, он это знает, но в это входит и сравнение. Наконец, мужчине просто нужно общение.

— Зачем?

— Хотя бы потому, что он мужчина.

— Ну и что? А мне не нужно? Хотя бы потому, что я женщина. Я твоими словами отвечаю.

Вот эти «а я?», «а мне?» были непрошибаемы для любых доводов. Как бы я ни защищал ее мужа, говоря, чтоб она смотрела на других, сравнивала, она этого не терпела. «Послушай, — говорил я. — Он задержался после собрания. Их сидит там десять человек, рядом в десяти компаниях еще по десять. Все женаты. Почему девяносто девять жен относятся к этому спокойно, а тебя трясет?» — «Это их дело». Больше того, она под свой эгоизм, который мог быть от ревности, от прав владения на мужа, подводила базис любви. «Его ждут, его любят, я высываюсь в окно, волнуюсь, сын не засыпает, а ему хоть бы что».

— Но ты же женщина, твое дело такое женское — ждать.

— Много вы хотите, чтоб вам было хорошо в компании, да чтоб еще вас ждали, да чтоб еще и любили. Женщина! Что — женщина! Тогда я бы тоже могла — сигарету в зубы и в ресторан.

Спасение было в одном — смене темы разговора. Я менял тактику. Я склонял голову на ее колени, она ласково гладила мои волосы.

— Седеешь милый. Жена доводит.

— Годы. Как будто бы я без жены не поседел. Или, например, как будто бы любая женщина не состарилась без мужа. Еще бы быстрее. И почему-то мужей упрекают, что они виноваты в старении жен.

— Это обо мне?

— Это обо всех. Жена моя меня считает убийцей и деспотом.

— Она тебя недооценивает.

— Это ты ей скажи. Она истеричка иногда в чистом виде — устраивает скандалы по пустякам, будто ей выгодно вывести меня из рабочего состояния. Ребенок затемпературил, а я обещал быть на выставке — плохой отец, не имел права заводить детей; задержался — не думаю о семье; поехал на родину — лишь бы от неё уехать; самое смешное, что работу, которую бы мне без выезда не сделать, потом она очень любит и любит слышать от других о ней хорошие слова, то есть она с тобой одно к одному.

— У нее есть любовник?

— Думаю, что да, и очень давно. Так же в отпуске, так же очень редко. В это же самое время. Сидят у моря, освещенного луной, или у костра на берегу реки, и им хорошо, и перемывают нам косточки. Смотри. Костёр далеко, видишь? И от него — красное, разбрызганное, но не резкое, вот и луна на воде, и вот посветлело, а темнота вокруг костра стала больше. Радуйся, что ты не художница, а то бы плакала от беспомощности.

— Мне и так есть от чего плакать.

— Здесь, в этом воздухе, который, как выразился экскурсовод, помнишь, ездили в Новый Афон? — есть коктейль горного и морского, который успокаивает нервы? Экскурсовод, конечно, шагнул далеко от тех затейников, которых называли «Два притопа, три прихлопа». Этих уже называют: «Открываем перцовку — начинаем массовку». У него все шутки об одном — выпивка и адюльтер. На большее он не выходит. Торопливо отбарабанит официальную часть и опять за свое. «Знаете ли вы, что такое абхазский закрытый стол? Знаете ли вы, что такое шесть абхазских тостов? Первый тост — один стакан, второй — два... Всего двадцать два». В дендрарии: «Мужчины, вы зря не смотрите на померанцевое дерево, вспомните, какая была померанцевая настойка». У горной реки: «О, форель, царская рыба! Еще, товарищи, обратите внимание — по преданию, снимает грехи. Отчего это многие мужчины и женщины к концу пребывания у нас непременно хотят покушать форель?»

— Что ты о нём!

— А то, что с нами ехала его жена, которая была в восторге от его шуток.

— Вот бы вам таких жен. Моему особенно.

— Он бы ее стал лупить.

— Она бы и это считала как знак внимания. Только, скорее, она бы его лупила.

— Верю. Некоторые женщины специально устраивают сцены мужьям, чтобы потом страстью искупить свою вину.

— Откуда ты всё знаешь? Значит, у тебя были еще женщины?

— Кроме тебя никого. А между нашими встречами жена, в редчайшие дни. Мне этого хватает выше головы. Ну, пошли в воду. Как раз луна зашла, и море будет светиться сильнее. И медуз нет. Сынишка мой раз сказал, когда пришел на море и поглядел в воду, увидел медуз и говорит: «Мало гадин, но крупные». Он сейчас с ней. Вот чего не отнять от нее — материнства.

Мы плыли рядом. Луна опять засветила во всё небо. Было тихо, мы плыли без единого плеска. Женщина прерывисто заговорила:

— Такое все первобытное, если еще на берег, на эти многоэтажные корпуса не оглядываться. Вода, опусти в нее голову и открой глаза, малахитовая, свои руки, как из слоновой кости, даже странно, что они так легко раздвигают малахит. И почему, как могут люди ссориться? Почему ты ссоришься с женой?

— А почему ты ссоришься? Давай поворачивать. Почему вообще мы съедаем друг друга? Это что — средство к существованию? Или даже форма существования?

— Муженек уже мне вдалбливал: враги человеку — домашние его. Зачем тогда женился?

— Но он же не знал о своем призвании.

— Но я-то при чём?

Мы вернулись в корпус, пройдя мимо вечно недовольной привратницы. В баре еще гремела музыка, разносортные девицы впархивали в него и выпархивали.

— Ужас какой-то, будто все с ума сошли. Ведь тоже чьи-то жены и чьи-то мужья. Или, еще ужаснее, будущие чьи-то жены и будущие чьи-то мужья.

— Не суди, да не судима будешь.

— Господи, ты будто у мужа моего учился. Еще скажи, что из блудниц со временем выходят блюстительницы нравов и ханжи первостатейные.

— Видишь, зря на мужа сердисься, поддаешься все-таки его влиянию.

Мы уже были у себя в комнате. Она переодевалась, сушила волосы, развешивала пляжные полотенца, купальник.

— Это точно — поддаюсь. Узнал бы он, как я его цитирую, без него, конечно. Я ведь баба, а ведь баба, по Гоголю, что мешок — что положат, то и несет. Конечно, я его люблю, но подавить свою личность, независимость ради даже него — лучше умру.

— И умрешь, умрешь от гордыни именно как личность раньше смерти. И про независимость ты здорово трактуешь, как будто мы независимы даже от мозоли на мизинце, от настроения начальника, от давки в автобусе, от перемены погоды... За что же тогда его любить, когда он давит тебя как личность?

— За то, что он бывает таким, как ты, — ласковым, любящим, внимательным. Много ли мне надо?

— Ты требуешь его всего, это, конечно, прекрасно. Но его всего требует и работа. Разве и я не ухожу от тебя к работе?

Ухожу, но здесь нет той суеты, которая считается, а может, и есть жизнь в том мире, который мы оставили. Ведь и я люблю жену, может, именно за то же, что она иногда похожа на тебя.

— Чем же?

— Отсутствием мелких обид, раздражения по пустякам, поисками двойного смысла, бесконечными ожиданиями внимания к себе, ожиданием... Я думаю, что ты согласна, что понятие страдания входит в понятие искусства. Вот у кого вампиризм так вампиризм — это у читателей и зрителей, ведь они именно тем наслаждаются, что принесло создателю наибольшее страдание.

— Муж всегда повторяет, что никаких страданий, мучений творчества нет — сплошная радость. Мучения у меня.

— Мучений творчества нет, но есть жуткое, обморочное, ненормальное, изнуряющее, тут все эпитеты годятся, тяжелейшее ожидание творческого состояния.

— Он пока его дожидается, доведет меня до нервного истощения, до таблеток, я их горстями пью, а сам творит и радуется. Хорошо устроился. И еще понимания требует. А кто меня поймет?

— Но творит-то он, а не ты. А таблетки брось пить. И по врачам ходить. Классиков любишь — люби и их выражения. Вот одно: «Нет большего заблуждения, чем то, что врач может вылечить». Муж твой через свои страдания несет радость. Хотя понимает, что надо любить ближних, а несет радость неопределенным чужим.

— Ближние же — враги его.

— Всё-таки ты злопамятная. Это от своеволия. Он занимается искусством. Было ли оно в древности в таком виде? Нет. И искусством не называлось. По истокам профессии он — летописец. Куда мы убежали от этого? К искусству, то есть к искусственному. А за это надо платить. Здоровьем, нервами, ну и так далее. А ты без конца: а я, а мне! Ты как барыня-старуха тургеневская из «Муму». У нее дворовая девушка просится замуж, а барыня недоумевает, что это за блажь, ведь она-то не хочет замуж.

— Это ты к тому, что он уже меня сделал старухой?

— Не кокетничай. Просто нельзя равнять несравнимое — мужчину и женщину. Если тебе совсем не надо ни капли выпивать, это не значит, что это не нужно и ему. Какая тут драма?

— Если б ты хоть раз видел его лицо в пьяном виде, хоть бы раз услышал, как он во сне что-то кричит, я б на тебя посмотрела.

— А что ты хочешь, бесы свое возьмут.

— Ты специально ведешь к тому, чтоб я и с тобой поссорилась?

— Вот тебе и пример. Ты выдумываешь обиду, вот и разбежись по углам, вот уж им радости — похихикают. Не заметила усталости, не простила обиду, не смолчала вовремя, не перетерпела — вот тебе десятки щелей, куда можно влезть. Всему время — любви, работе, молчанию, радости, печали, откуда же эта претензия на сплошную радость?

— Какая там радость, хотя бы покой, да и он мне только снится, я вся как струна, я постоянно в тревоге за него, в напряжении.

— Чего боишься, то и случается. Нечего бояться. Готовь еду, детей воспитывай, рубахи стирай — в этом есть огромный жизненный смысл. Когда в его усталости ты утешаешь его...

— Он этого не ценит.

— Ошибаешься. Ты ждешь, что он явно оценит, явно это покажет, но есть же благодарность сердца.

— Увидеть бы хоть раз.

— Только на вскрытии. Самое прочное, что есть в любви, — теплота сердца, хотя выражать ее мешает рассудок. Ну, будем ссориться?

— Неужели он сейчас ведет с ней такие же разговоры?

— Непременно! А так как он начитаннее меня, то читает ей стихи Василия Федорова: «До всенародного признанья пути заведомо трудны. Поэт обязан быть в изгнанье хотя б у собственной жены».

— Я просто поражаюсь, насколько он жесток. Иногда я ужасаюсь, что я и сама служу объектом его наблюдений. Ты сейчас скажешь, что самая доступная натурщица — это жена, знаю. Но он не рисует, он использует меня как доказательство своей концепции.

— Прочти маленький рассказ Нормана Мейлера «Записная книжка». Он тебе его пересказывал?

— Нет.

— Странно. Рассказ этот многое объясняет. От писателя, не выдержав всего того, на что ты жалуешься, уходит жена. Всё ему разгневанно высказывает. Он слушает, смотрит и думает, что какой бы прекрасный мог выйти рассказ — от черствого, не понимающего женскую душу человека уходит жена. Какие слова, думает он, их можно найти только в минуту гнева и страсти, надо запомнить, думает он, надо записать, а то забуду. Он даже не понимает, что жена уходит всерьез, он и тут поглощен своей проклятой работой. Видишь. Так что, если ты и выкидывала какие номера, он не принимал их за настоящие, хотя переживал страшно.

— Ничего, я однажды проучу его как следует.

— Не смей! Писательство есть обреченность, а писательская жена — жертва. Счастье её только в полной растворённости в деле мужа. Только так. Это единственное. Уверяю, что он работал бы в два раза больше, если бы ты больше думала, как ему помочь. А помогают не обиженным молчанием, не истериками, а добротой. Помни Анну Григорьевну.

— Да что вы все — Анна Григорьевна! Стояла она у плиты? Душили ее в автобусах, электричках?

— Вспомни тогда Гоголя — обращение его к русской жене: гоните мужа к его делу, делайте всё, чтобы он как можно больше свершал пользы для отечества.

— А ты уверен, что мой муж свершает пользу для отечества?

— По крайней мере старается.

— Я и делаю всё для этого.

— Если б ты делала всё, так бы не говорила, а подумала бы, что делаешь мало.

— Мало! — взвилась женщина. — Да я нахожу в себе силы прощать его. Другая бы...

— Ну, ну, ну, какая другая, ты ж не терпишь сравнений с другими. А другой бы на его месте давно бы не стерпел напрасных упреков.

— Напрасных! — Она даже уперла руки в бока, собираясь наступать. — Равнодушие, глухота, постоянные отъезды! Я нахожу силы прощать его! Он ценит? Не ценит совершенно. Какие еще жертвы потребует его милость?

— Какие бы ни было, нельзя ждать награды. Жертве уже одно сознание, что она принесена во имя любви, помогает быть счастливой.

Женщина не слушала меня, и легко было представить, какво ее мужу, если меня, любимого, ни во что не ставят с моими доводами. Она продолжала:

— Кто еще будет так прощать его выпивки, равнодушие к семье, а давно ли мы выкарабкались из нищеты, чулки не на что было купить!

— Для творческого человека время денежных трудностей неизбежно.

— Пусть так. Я душу ему не мотала, не тыкала тем, что другие питаются с рынка и не стоят в очередях по полдня.

— Ты прямо гордишься тем, что прощаешь за то, что он сам себе простить не может. Это жестокость, а не подвиг прощения.

— Он пишет одно, а живет по-другому.

— Пример?

— Ругал в статье пьянство, получил огромную почту... И

уверял меня, что не может вынести всего ужаса, который открылся ему.

— Он, думаю, и писал статью, чтоб и себя избавить от болезни. И кто лучше знает болезнь, как не переболевший? А почта, могу себе представить эти искалеченные судьбы, о которых он читал, они же на душу его ложились, те, кто исповедовался в письмах, уже получали облегчение. За счет чего? За счет того, что он взял их на свою душу, отяготил ее. А им стало легче. А ему как избавиться от тяжести? Ты поняла это? Нет, ты только и видела, что человек выпил. Эту тему давай закроем, а то он у тебя запьет только из-за тебя. Милая, мне самому многое неясно, но знаю по опыту — нельзя выяснять отношения. Это их ухудшит.

— Все, договорились до точки. Спокойной ночи.

Утром мы пошли в армянскую деревню за яблоками. Это, скорее, был просто предлог, женщина мечтала о прогулке, была веселой.

— Вот тебе мое наблюдение, — говорила она. — На пляже уединяются или влюбленные, или одиночки. А лишненные любви...

— Лучше скажи — не любящие.

— Пусть так. Они не переносят ни одиночества, ни зрелища чужого счастья. Тебе это пригодится?

— На тот случай, когда из-за пустяка разбежимся по разным комнатам?

— Хорошо пустяк. Это ведь ты вчера завел разговор.

— Нет, всё из-за тебя, ты не находила отводов на мои доводы и, чтоб не сознаваться в этом, выдумала обиду. Это в основном женская болезнь — никогда не чувствовать себя виноватой. А так как вина есть, то совесть действует на нервы, и начинается неврастения.

— Тем более надо ему сказать: разве можно жить с неврастеничкой? Кстати, он всё делает для того, чтобы загнать меня в психиатричку.

— Успокойся, неврастенией сейчас больна половина женщин и треть мужчин. Считается, что признаться в этом стыдно, хотя лечат же грипп, а он более некрасив в проявлениях — сопли, красный нос, глаза слезятся, горло хрипит... Ладно, сдаюсь. Итак, почему, милая, вы с мужем похожи на журавля и цаплю, которые всё ходят друг к другу, но никак не сойдутся, так как никто не хочет смирить гордыню?

— Инициатива должна исходить от мужчины.

— Да. До женитьбы. Но если она произошла и жена и муж стали «едина плоть», то тут должно быть равенство. Ты всё

ждешь, когда он тебя приласкает да позовет, а ты еще поломаешься да еще всё ему выкоришь под видом того, что он с тобой не разговаривает и тебе негде поговорить, кроме как в уединении. Он не железный, он тоже тепла хочет. Чем больше отдашь, тем больше получишь — не нами сказано.

— Как надоело твое начетничество. Смотри, как хорошо в лесу, как смешно — прямо на тропе растут грибы, и все время тянется этот мандариновый сад, и на каждом дереве по сотне мандаринов. Под персиковым деревом лежат свиньи, и персики падают им прямо перед мордой. Идем сквозь тоннель из голубых виноградных гроздьев... чудо!

— Благословенный край, в газетах которого без конца печатается о семейных драмах, хроника из зала суда, о кражах и ограблениях... Ты сказала о наблюдениях на пляже, а вот наблюдение коридорной, Лейлы, только не знаю, абхазка она или грузинка. Считает, что все белые женщины с Севера развратны и едут к ним развращать их мужчин.

— Их и развращать нечего, им только покажи светлые волосы и полноту. Ты когда ходишь со мной по рынку, с меня спрашивают гораздо дороже, а когда я одна покупаю, дают почти даром, правда, требуют свидания.

— Ты говоришь, чтоб я возревновал?

— От тебя дождешься. У тебя сейчас у самого жена ушла в горы с любовником, хотя у нее слабенькое сердце, — поддела она. — У меня тоже не из сильных, но какова любовь! Ты даже не интересуешься, как я переношу высоту.

— Я вижу, что хорошо. Посидим? Изложу теорию. Выстрададанную.

— Излагай. Только учти, я могу не слушать. Здесь и так хорошо.

— Теория выстрадавана веками, она гласит: женщина, знай свое место. В данном случае вот твое место. — Я подстелил ей куртку, которую тащил в руках. — Но почему же женщины занимают несвойственное им место?

— Я встану с этого места.

— Сиди. Почему ты считаешь себя несчастной, когда ты счастлива?

— Ого!

— Не ого, матушка, а именно счастлива!

— Сейчас — да. Но с ним, какой он бывает, увольте!

— Бывает. Сама сказала — бывает. Значит, не всё же время. Дети, тревога за них постоянна, но вот обнял за шею сын, вот подошла и спросила совета дочь — разве не теплеет в груди?

— Но вот подошел он и подбросил туда ледышку.

— Зато тепло ощутилось сильнее. Подожди, не сбивай. Почему так необыкновенно возвеличена женщина в искусстве? Бумаги, холста, мрамора, киноплёнки затрачено на мужчин меньше, чем на женщин. Публика так воспитана, что покажи ей фильм без женщин — будет смотреть? Вопрос: кто движет прогресс, науку, искусство? Мужчины. Вклад Софий Ковалевских ничтожен, в скобках: при самом хорошем к ним отношении. А из-за кого начинаются войны? Из-за кого льется кровь, кого не поделили в Древней Греции? Город? Территорию? Яблоко? Красоту не поделили. Но ведь сказано, что простая лилия прекраснее царя Соломона во всей его царской одежде. Сравнить ли красоту лица женщины с восходом солнца?

— Это обо мне? А ведь и я создана по образу и подобию...

— Нет, это как раз о мужчине. Ты из моего ребра, как Ева из Адамова. Сейчас главное: мужчина наделен жалостью, разумеется, порядочный мужчина. Как твой муж, например.

— Лучше пример из истории.

— Рафаэль. Умер от любви.

— Это моему мужу не угрожает. И что же Рафаэль?

— Не обязательно он. Любовь — прекрасное состояние, вызывающее приток сил, а они у талантов уходят на творчество.

— Я думала, на любовь.

— На творчество. Но порядочный творец, чувствуя вину перед женщиной, которую любит и которой приходится делиться с его работой, воспевает ее, чтоб ей не было обидно. Как ни велика любовь — работа захватывает.

— Или друзья, или поездки.

— Это в интервалах.

— Значит, женщин воспели от чувства вины перед ними, а женщины вознеслись, так?

— Именно так. Воспеты идеальные женщины, которых нет, которые воображены любовью художника, к этим идеалам надо стремиться, а женщины вообразили, что они такие и есть. Что они — предмет поклонения, культа.

— А разве нет?

— Нет. Они — предмет опустошения физического и духовного, они могут убить за любовь, и это даже возносится многими рисующими и пишущими. Жрицы любви, храмы, название какое, любви — всё во имя плоти, которая прикрывается духовным словом — любовь. Только проследить бы за этими жрицами, где они кончали свою жизнь, уж, верно, в походных домах терпимости, которые тащились сзади войск, например, Александра Македонского.

-
- Значит, продолжают род людской низшие существа?
- Продолжают жены, матери, а они уже по одному этому не могут быть ни в чем упрекнуты.
- Но и вдохновлять не их дело, так?
- Доказать тебе что-либо трудно, но поверь — все женские обиды оттого, что они ждут от мужчин больше внимания, чем те могут его дать. Но обещали в начале знакомства, в расцвете любви. Ты вспомни своего мужа в его первой влюбленности в тебя, в первые годы жизни, вспомни!
- Что мне вспоминать, я это непрерывно помню. Мы часами не могли наговориться. Какие букеты он приносил! Раз зимой принес огромную, всю в инее, ветку. По балконам лазил. Какие безумия мог вытворять!
- Значит, ты выходила замуж за безумца?.. Гордись, ты вызывала такую любовь, значит, и ты была ее достойна.
- Если бы не те воспоминания. А его письма ко мне! Когда бывает ссора, достаю их, и мне легче не сердиться. А иногда и тяжелее, иногда кажется, что он всё лгал.
- Нельзя же лгать так долго. Да и обмануть тебя невозможно. А любящее сердце в особенности.
- Я не говорю, чтобы он был такой, как вначале, но все-таки и не такой же, какой стал.
- А работа какая!
- Всё равно можно сохранить внимание, заботу. Или и это угробит искусство?
- Так он же любит!
- В чем это выражается?
- Но ты же знаешь, что любит?
- Не уверена.
- Без конца тебе о любви говорить?
- И это тоже.
- От частого употребления слова стираются.
- Не эти. Любит! Хорошенькое — любит, если так обижает. Я люблю, чего мне притворяться, но чем больше любовь, тем больше обида.
- Это в корне неверно. Обиды изнуряют любовь.
- Правильно, изнуряют, это ты ему скажи, зачем же он обижает?
- А ты прощай, и обиды прекратятся.
- Не всякую обиду можно простить.
- Во-первых, всякую, во-вторых, он сам мучается, в-третьих, он и обижать-то не может. Ты считаешь за обиду его якобы равнодушие, а ему просто некогда, он занят и тому бесчисленное подобное, но сердцем, но памятью он всегда с

тобою. Обиды разъедают согласие, их мстительно копят, их помнят, они переходят в злопамятство, а это страшно.

— Страшно беспамятной быть.

— Помни хорошее.

— Я помню и хорошее, только как забуду плохое, если я его постоянно ожидаю?

— Это уже болезнь.

— Он меня специально доводит. Ты вчера говорил — две трети неврастеничек. Да все мы ненормальные из-за вас.

— А мы из-за кого? Из-за международной обстановки? Да перестаньте вы нервничать, и весь мир успокоится — обратная связь сработает. И темы искусства облагородятся, а то сплошные репортажи из горячих точек планеты. От такой тряски искусство идет такое, что действует опять-таки на нервы, а не на душу. Нервы еще больше расшатываются, обстановка накаляется.

Она засмеялась. Мы были довольно высоко. В проемах деревьев показывалось и исчезало море. Странно, что мы никак не могли подняться вровень с ним, хотя, если верить географии, были выше уровня моря. А если верить глазам, то ниже. И от этого хотелось идти выше и выше. Может, еще и в этом причина страсти к высоте. Но мне больше по душе были слова одного мудрого человека, которого звали в горы. «Зачем?» — «Просто так». Он взял у подножия горы камень. «Видите?» — «Да». — «Так вот, он на вершине такой же».

— Давай еще посидим, — сказала она. — А пока расскажи о ней. Неужели уж она вся такая, как я?

— Копия ты: уставшая, мнительная, пропадает от характера. У всех жены — у меня учительница, это моя горькая шутка. Жены копят к субботе стирку, моя тетради и стирку. Я для нее ученик, только постарше ее. И ей странно, что она, легко справляясь с сорока учениками, не может справиться с одним. Вины своей, я уже тебе и это говорил, никогда не признаёт, отлагательств не терпит, если велит что-то сделать, например, дочери, та должна кидаться немедленно, иначе она начнет делать сама: а дочь в это время занимается другим, и ей нужно время на переключение. Меня упрекает, что ее не люблю...

— Ты ее действительно не любишь.

— Не могу же я быть любвеобильным, если я тебя люблю, мне этого хватит и в сем веке, и в будущем. Считает, что плохо отношусь к ее родителям, а у нас прекрасные отношения, родной сын бывает у них в три раза меньше. Ну и так далее. Не было денег — страдала, появились деньги — страдает...

— Это ты ее довел до того, что она не уверена в завтрашнем дне.

— В нём все не уверены. Кто знает, что завтра будет. И нечего заглядывать. Живут сейчас, а не потом. Если не радоваться рассвету и дню, то ждать от заката нечего. Что впереди? Что у всех впереди? Единственное, что всех уравнивает, — смерть. Я говорю с тобой, а из головы не выходит рукотворный образ Спасителя. За одиннадцать веков он видел почти двадцать поколений. И вот вчера посмотрел на нас. Тут я сам многое не понимаю, но хотел выразить, что не верю, что мы свободны от влияния ранее живших. Даже не рождением, это не от нас, это данное, а тем, что мы должны улучшаться, а мы ухудшаемся. Сводим счета, поедаем друг друга, от сплетен гибнет больше, чем от рака...

— Нет, нет, это ты ее довел.

— Это она меня довела.

— Змею загони в угол — она начнет бросаться.

— Не сравнивай мою жену с гадом. А ты мужа не довела?

— Специально. Он писатель, обязан отражать все разнообразие жизни, я ему и показываю разнообразную жизнь. Он всегда говорит, как вредно действуют на прозу и поэзию дачи из слоновой кости. Пусть на него благотворно действует наша пятиметровая кухня, смежные комнаты, Дарьяльское ущелье коридора. И нечего тебе жаловаться на свою жену.

— Не жалуюсь, а рассказываю. Сама просила. Она не терпит вторых ролей в семье, а я с характером. Но я-то муж. А разве она смирится? В борьбе за первенство она теряет силы, а так-то бы с чего ей уставать?

— С чего? С тревог за тебя! За твою работу! За свою работу! За детей! За родителей!

— Я-то середняк, но вот как ты не бережешь своего талантливого мужа, история тебе не простит. Сервантес велик, но жена его из дому выгнала и собачьей похлебкой кормила. А ведь горит теперь ее душа грешная. Ой, прости, посиди там немножко. Надо запомнить этот свет, этот пролет пространства и тебя. Да, милая, я воспою наш южный роман. Это твое прекрасное тело омывали волны Русского моря, так называлось Черное море в давние времена, это твои милые глаза смотрели, как утром из-за камышей взмывает солнце. Это в твоих ладонях сверкали капли морского ночного сияния. Это твои губы так редко меня целовали.

— Радуйся и этому. Ему и этого не достаётся.

— Опять гордыня. И для моей жены уступить — значит: не простить себе. Мудрость русской народной сказки о жене, для которой «что муж ни сделает, то и хорошо», непонятна пока моей жене.

— Да и мне непонятна, ведь жизнь-то не сказочная.

— Но мудрость-то жизненная. А муж, между тем, уйдя на рынок продавать корову, вернулся лишь с иголкой.

— Значит, баба глупая.

— Любящая и мудрая — разве на тот свет можно утащить?

Женщина встала, съязвив при этом, что я перестал любоваться и запоминать свет на ее лице. Мы пошли еще выше вдоль обрыва, который становился всё отвесней и скоро превратился в пропасть.

— Пропасть, — сказал я.

— А сменить ударение и будет: пропа́сть, — сказала она.

— У тебя вообще черный юмор, — рассердился я. — Плыли... Когда? Позавчера, еще до концерта, попали в холодное течение... Ты что сказала?

Она засмеялась:

— А что, неплохо сказала: на дне еще холоднее.

— Или: ты плыла без меня, я и не знал, что ты за мной плыла, так далеко ты еще не плавала, и вдруг кричишь. Господи, как я перепугался. Волны, ветер, кричу: отдыхай, отдыхай! А ты потом говорила, что я кричал: подыхай, подыхай. Это юмор?

— Отсюда брякнуться — и следов никаких. Да?

— Отойди от края.

— А в каком это фильме влюбленные вместе бросаются в пропасть?

— В фильме же все рассчитано на воздействие, в жизни за месяц нет столько трупов, сколько в каждом почти кино. Твой муж мне рассказывал, как он работал с режиссером и как тот требовал от него не просто убийства, но убийства изощренного. «Убей его с выдумкой, — кричал режиссер, — ударь обывателей по нервам, пусть проснутся (это он в целях обращения обывателей к заботам об отечестве, по бедным обывателям уж столько раз ударяли по нервам, что они отупели), убей!» Не рассказывал? Это он кричал в деревне, куда твой муж уезжал работать. Старуха — хозяйка дома — чуть с ума не сошла. Приехал ведь из мира искусства и кричит: «Убей!»

— Рассказывал. Конечно, какая изощренность, в жизни всё проще, вот оступиться — и всё.

— Отойди от края. Иди с этой стороны, слышишь? Рассержусь.

— Скажи, но только честно-честно, жене можно было солгать, но не любимой, ты меня любишь?

— Да.

— Скажи: ты хотел когда-нибудь, чтоб твоя жена умерла?

— Нет.

— Даже когда доходило до развода?

— А дети?

— Что дети? Они уже большие, да и нужны ли мы им будем? Вон Васса Железнова ради детей мужа умертвила, а чего дождалась? Я знаю, муж мой рад был бы моей смерти. Если б не ты, а он со мной купался, уж точно бы подплыл да сделал бы такую рожу, что у меня бы и руки и ноги отнялись. И никто бы не был виноват.

— Ты больная. Тот экскурсовод, помнишь, говорил о смеси горного и морского воздуха и о том, что нервы здесь вылечиваются в три дня, а у нас скоро полный срок.

— Да, скоро заказывать такси, скоро в аэропорт.

— А в нём я страшно боюсь столкнуться со своей женушкой, ее вспыльчивостью, способностью при посторонних кричать на детей, меня, ой, а там дом, работа, там ее разговоры о деньгах, ну и так далее.

— Я еще больше твоего боюсь встретиться со своим мужем, с его черствостью, равнодушием. Он сразу сядет разбирать почту, и уже не мой, не семьи, потом он должен ехать подряд в два места, запустит все дела, я буду во всем, даже в его делах, виновата. Кстати, о кино, он расплевался со студией, так что и денег не будет.

— Мы говорили уже об этом — растворишься в его деле, оно не ложное, ради меня нельзя ничем жертвовать, но в нём дар, который надо спасти.

— Будет целыми днями брюзжать, что ему не работается, когда я дома, а когда меня нет, спрашивать отчета, а ты говоришь — смесь воздуха.

— «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружен...»

— Стыдно! Пушкина не знаешь. Не в заботы, а в забавы.

— Да уж какие забавы, сплошные заботы. «Молчит его святая лира, душа вкушает сладкий сон...»

— А моя душа что вкушает?

— «... и среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он. Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется, душа поэта встрепенется как пробудившийся орёл!» А тут ты со своими заботами.

— Но не с забавами, а с заботами!

— Не в это же время!

— Я устала угадывать, это время или не это. Пусть живет один.

— Но он не может без семьи.

— А семья с ним не может.

— Почему?

— Он меня не любит. Я нужна ему иногда как вещь на полчаса, час, и он снова чужой.

— Вздор. Мы что, снова пойдем по кругу этих взаимных обид, выяснения отношений?

— Вот что, милый. Я выслушала все твои теории и лекции. Спасибо, что ты мне сказал о значительности моего мужа и о моей ничтожности, я это знала. Иди обратно один, иди, не жди. Прошу.

— Мужчины любят сильнее и глубже, физически они устроены проще, но не душевнее. Нет статистики, но поверь, что очень много самоубийств из-за любви именно юношей. Кто кого не дожидается чаще всего, когда парень служит в армии? Девчонки. Им страшно не выйти замуж, при выходе ими руководит чаще расчет, чем наоборот. Кто сидит в колониях? Молодежь, в основном мужчины. Из-за кого? Из-за женщин. Кражи, драки, пьянство — корень их в женщинах. Все блатные песни полны горького упрека той девушке, которая довела до арестантов...

— У-хо-ди.

— Вопрос: какие женщины.

— У-хо-ди. Ты ничего не понял ни во мне, ни в себе.

— Ты из тех, которые спасают, а не губят. Из редчайших жертвенных натур, почему же ты...

— Мне плохо, ты не видишь — мне плохо? Уходи.

— Как я уйду, если тебе плохо? Ничего себе логика.

— Стой, мне ничего не надо, я прекрасно себя чувствую, и у меня даже прибавилось сил. Наша игра довела меня, именно меня, до этой пропасти. Вернуться к тебе, к нему я не смогу. Мне было хорошо с тобой, я тебе очень благодарна, что ты эти три недели был ласков, внимателен, хотя бы три недели. Мне было так хорошо, что я точно поняла, что лучше мне никогда не будет. Вернуться в жизнь, которая есть непрерывная каторга души, — нет!

— И я тоже не хочу жить, как мы жили. И ты не хочешь!

— Ты ничем не хочешь жертвовать, а требуешь жертвы, ты ни в чем не уступаешь, а требуешь уступчивости, ты жесток, а требуешь ласки.

— Это не я, это моя работа, она требует меня всего, и я обязан ее делать хорошо. Да, в том числе и за счет твоих нервов и крови.

— У меня больше нет ни того, ни другого. У меня единственная и последняя просьба, выполни ее, если любишь. Когда-то ты ради меня мог многое. А моя просьба очень простая. Сегодня ты собирался в город, и все это знали, в горы мы пошли внезапно, нас никто не видел. Отсюда ты пой-

дешь на рынок и сиди там в пивной, там такой народ, что все скажут, что ты сидишь с утра.

— Пре-кра-ти! Сохрани себя для него!

— Для кого? — закричала она. — Хватит играть в него и в нее! Ты всё рассчитал заранее, когда предлагал мне *роль возлюбленной*. Чтобы воспитать из меня наседку, домработницу, да еще уверить ее, что она любима и обязана быть счастлива.

— Посмотри на писательских вдов. Когда я работал в издательстве, я на них нагляделся. В Союзе писателей даже огромный по количеству Совет писательских вдов. О чём они говорят? О том, что дуры были, что свое дело казалось важным, а важное-то как раз было дело мужчин. Хочешь их путь повторить?

— Не повторю. Я тебя не переживу.

— Какое мы имеем право говорить о том, кто раньше умрет? Кто когда умрет, это единственное, что никто знает.

— Я знаю. Я договарю. И посмей только перебить меня. Я босиком по снегу бежала за тобой, помнишь?

— Да.

— Так слушай. Мне было с тобой хорошо как никогда! Я даже помню, как светились твои глаза, помню, как касалась меня твоя рука, как билось твое сердце, с этим... нет, да лучше б этого не было, я хотела сказать, что с этим легче уходить, нет, трудней.

— Я тебя свяжу и утащу на спине.

— Смешно. Я люблю тебя, ты вырвал это признание...

— Но и ненавидишь?

— Но и не понимаешь. И никогда не поймешь. Ты смотришь на меня как на материал для своих работ, ты говорил, что все женщины, которых ты описывал, это я в различных проявлениях, я думала, ты шутишь, нет, это правда. Но это ты заставлял меня в угоду своей работе быть разной, я не такая. Ты делал со мной что хотел, я устала. Выгорела до черноты. Эти слезы, эти бессонные ночи... Нет, ты не поймешь, тебе это не дано, ты не переживай, в тебе нет этого качества, ты не виноват. Я материал, я актриса, которую ты ставил в разные обстоятельства и заставлял импровизировать.

— Я говорил вообще о женщинах. Ты — женщина в высшем женском развитии ума и красоты. Интеллект и тело враждуют, но в тебе они слитны. Предлагая перед отпуском назваться возлюбленной, я такой тебя и считал. Но в своих теориях говорил во-о-обще о женщинах.

— Каждая женщина — исключение, и я — исключение.

— Но есть же общие вещи. Еще Шекспир вам пытался вдолбить...

— Очень хороший глагол.

— Он говорил, что ваша сила в вашей слабости. И эту фразу вы также взяли на вооружение, но орудуете ею с такой агрессивностью, что...

— Кто «мы»? Ты говоришь со мной.

Я обнял ее, пытаясь успокоить, но ничего не вышло. Тогда я насильно попытался ее поцеловать. Она вырвалась и захотала:

— Кто же агрессивен?

— Я люблю тебя, и давай прекратим всё это.

— Как же прекратишь, если ты не меняешься? Твоя работа, твоё состояние, твои друзья, твои дела — с кем еще делиться тобой? Ты был цельным, ты расплылся. Тебя растаскали по мелочам. Ты говорил, что любишь меня? Повтори.

— Я сказал это минуту назад.

— Мне показалось, что послышалось. Мне каждый раз кажется, что послышалось, что мне достаются отголоски пережитого тобой!

— Разве то же не говорят мои письма, вот этот перстень, который был куплен в тяжелейшие денежные времена? Это было безрассудство, но он тебе нравился, и ты его любишь... больше меня. По крайней мере, ты за ним ухаживаешь. А я смотрю на эти часы, я живу по твоим часам.

— Как красиво! Дай их сюда.

Она взяла у меня часы, стащила с пальца перстень.

— Поцелуйтесь на прощанье, — сказала она, стучая перстень о стекло часов, а затем забрасывая и то и другое в пропасть. — Это тебе пригодится. Как факт, как деталь рассказа о последних минутах истерички. Еще запомни этот дуб, обвитый прекрасным плющом. Плющ — видишь? — задумал почти все зеленые ветви, только одна осталась, и если плющ не умертвить, дуб погибнет. Это несправедливо с общечеловеческой точки зрения. И как показательно сравнение женщин с плющом, а мужчин с дубом, не так ли?

— Так, так. Пошли обратно.

— Ты что, в самом деле ничего не понял? Ты идешь обратно один. Но после того, как поможешь мне. Я боюсь смерти...

— Ее все боятся.

— Если бы! Мы пойдем, я слева, и у поворота, где было очень узко, ты повернешься влево чуть резче, чем нужно, и всё.

— Ты меня сделаешь зайкой. Пойдем.

— Не приближайся! Если будешь хватать меня, я прыгну отсюда. Но здесь осыпь, я просто сделаюсь калекой, а это тебе в обузу. Надо наверняка.

— Ну, знаешь!

— Тебе нечего сказать, милый! Переживёшь, переживёшь! Ты переживал мои болезни, умирания, слёзы, и на протяжении столько лет, а это недолго. Ты даже не связывайся с поисками, не твои ли слова: «Где труп, там соберутся и орлы»?

— Не мои.

— Я даже не знала, что становится так хорошо и спокойно после принятого решения. Видишь, я бы прыгнула и сама, я бы пересилила страх...

— Но дети!

— Зачем им мать-истеричка?.. Я бы пересилила страх, но я боюсь того, что самоубийц нельзя поминать, это страшно. Мне бабушка говорила.

— А меня ты хочешь сделать убийцей?

— Да это же нечаянно у тебя получится. Ты всегда, когда шел рядом со мной, был не со мной, ты не думал обо мне, так и сейчас. Ты мог уходить вперёд и даже не хватиться меня. Вот и вспомнишь попозднее. Потом у тебя будет время для раскаяния. Надеюсь, что эти чувства будут подлинными, и благодарные читатели это почувствуют. Найдется потом и понимающая, не изношенная, которая и поймет, и утешит, у нее хватит сил тащить на себе мою ношу. А я под ней падаю. Упала уже. Осталось только упасть последние — сколько тут? — сорок метров.

— Прости, зная тебя, остается сказать одно: ну и прыгай. — Сердце у меня колотилось, виски стиснуло. — Только и ты запомни: я седой человек, я посидел не с кем-нибудь, а с тобой, у меня совсем не прежнее сердце, а! — оборвал я себя.

— Да ведь и я не девочка!

— Но ты бы и без меня не осталась юной. Ты думаешь, отталкивая меня, что-то сохраняешь в себе — уничтожаешь! Я-то старею без грусти, даже с радостью, к старости не пристаю соблазны. Я говорил тебе вчера: не надо выяснять отношения. Надо одно — любить и чувствовать себя прежде виноватым, а не другого. Ты же непрерывно обвиняешь.

— Что ж ты себя не чувствуешь виноватым?

— Да я без конца извиняюсь перед тобой. Только за что? За свое отчаяние, за свою боль, за работу, которая несет вам страдания, близким.

— Работа! Ты говоришь о смирении. Что ж ты не примиришься с режиссером? Это тебе дорого стоит? Значит, мне примиряться со штопаньем колготок, а детям с овощным только рационом? Я ведь не девочка — прятать от стыда ноги в рваных сапогах, да и дети не хуже других.

— У тебя есть нитроглицерин?

— Конечно, как услышал правду, так ищешь уловки.

У меня от боли передернуло лицо, а она поняла это не так.
— Ужас! — сказала она. — Какое злобное лицо. Я всегда знала, что ты меня ненавидишь. Потерпи еще, уж теперь окончательно, три минуты.

— Дай лекарство.

— На, — она протянула сумочку, — хотя нет: ты возьмешь ее, а мне лучше, чтоб при мне ее нашли. — Она бросила упаковку таблеток к моим ногам.

— Что бы ты ни сказала, я буду молчать, — еле выговорил я, выцарапывая прозрачный шарик из упаковки.

— Молчи. У тебя будет время наговориться, а у меня нет. По крайней мере, ты меня слушаешь, мне даже захотелось потянуть время, успеешь еще к свидетелям в пивную. Соберешь с них дань впечатлений. Пожалеешь их разбитые жизни, упрекнешь и их, и условия, в которые они поставлены... Ты хотел понимания, оно всегда было. Ты хотел, чтоб я уподобилась тем женам, которые кричат мужу, какой он гениальный, как окружающие его не понимают, что он будет оценен потомками, такую тебе жену надо? Я всегда знала, что ты делаешь нужное дело, но ты изменился, я не о прошлом влюбленном юноше плакала, не за возврат его боролась пусть даже истериками, куда денешься — баба, я о сохранении в тебе чистоты мечтала. Ты измельчал.

Я не пошевелился. На все ее упреки я мог бы ответить, но это опять бы означало, что ничего не изменилось. Ничего. И всё пойдет по новому кругу со старыми остановками. Мне давно пора браться за большую вещь. Кто о ней не мечтает? Но сколько для этого нужно, боже мой. И прежде всего опять-таки состояние души, которое зависит от близких, от жены в первую очередь. Надо обладать тем, что ты хочешь сказать, о ком ты хочешь рассказать. А как этого достичь без поездок на родину, в те места, где единственная обитель моего вдохновения, как достичь без долгих дней и ночей одиноких размышлений, без чтения мудрых книг?.. Милая моя женушка и раньше выкидывала номера, но такого, с угрозой самоубийства еще не было. Ну, кино! От нитроглицерина во рту было горько, хотелось запить водой. По дороге сюда я видел на дне текущий ручеек. Вот если бы вернуться до того места, где можно было спуститься и набрать воды хотя бы в полиэтиленовый пакет. Выключившись от слушания ее монолога, я вдруг очнулся на одном слове, которое было произнесено требовательно, даже повелительно.

— Завещание! Я знаю, что у тебя есть завещание, что оно написано тогда, когда у тебя был сердечный приступ. Я о завещании похоронить тебя на родине.

— Это единственное, что мне хочется.

— Сколько экземпляров его?

— Два.

— Где они?

— Дома.

— Один. А второй ты всегда носишь при себе. Это я заметила здесь. Случайно. Когда поехали в Новый Афон, ты надевал чистую рубашку, побежал в ванную бриться, а из кармана прежней рубашки ты выложил бумаги на стол. Там и было-то всего — какие-то деньги да завещание. Я никогда не смотрела твоих карманов, ты свободен от унижительного обыскивания, от поисков записочек. Так вот, я не прыгну в пропасть, если ты отдашь мне завещание. Оно с тобой.

— Да. — Я расстегнул нагрудный карман рубашки. — Вот оно. Ты хочешь его порвать? Я могу это сделать сам. При условии, что ты пообещаешь сама отвезти меня на родину. Условие на условие, это честно.

— А я?

И это «а я?» вырвалось у нее так горько, так сердечно, что я похолодел от понимания, что она не затеяла *супружескую ссору* с целью сделать меня виноватым в ее бедах, нет, она гораздо выше этого, и что я могу лишиться ее. Ведь это «а я?» было единственным, которое говорило о любви ко мне даже за гробом.

Я поднял на нее глаза. Сердце потихоньку переставало слышаться.

— Ну, — вздохнул я. — И чего я добился? И у меня же болит сердце, и я же во всем виноват. И ты же спасаешь меня лекарством.

— Я предусмотрительная. — Она будто возвращалась откуда-то. — Нет, милый, ты затеял эту *игру в возлюбленных*, чтоб убить меня.

— Ой!

— Ты специально ее выдумал. И этот разговор о фильмах, эта фраза «упадешь и костей не собрать».

— Но ты же сама меняла ударения. Пропать — пропáть.

— Специально, чтоб проверить тебя.

— То есть я же в дураках.

— Да, родной. Теории могут быть в жизни, но жизнь — это практика. Какой ты еще ребенок.

— А ты всегда любила раньше, когда я, дурачась, играл в маленького. То есть слабого, то есть не такого, каков я есть. Всё, сейчас перестану болеть, — сказал я. — Я уже перестал. Давай избежим упреков. Дай носовой платок. Как ты плохо следишь за мной, у меня не оказалось даже носового платка.

«Эх, мы с милашкою прощались, очень горько плакали: её слезы, мои слёзы на колени капали». Торжествуй — плачу.

— Ты всегда был глупым, теперь я убедилась в этом окончательно.

— А кто меня сделал таким? Кто? Ты. Я поглупел от любви к тебе. Ведь муж, вооружусь афоризмом, есть продукт деятельности жены.

— Какая, в самом деле, глупость.

— Пить хочу до того, что не дотерплю до дома, спущусь вниз, в пропасть. И тебе принесу.

— Потерпишь.

— Нет. Разрядка напряженности. Ты что, в самом деле могла прыгнуть?

— Да.

— А я? Ты обо мне подумала? На кого б ты меня бросила.

— Ой! Найдутся.

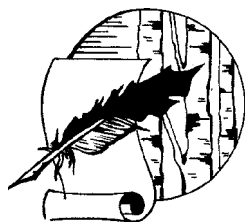
— Не ври, все сходятся в единственном варианте. И надо терпеть.

— Что терпеть? Ты опять?

— Опять! Что, недолго добежать до пропасти? Игра в *возлюбленных* была правильная, и не было в ней ничего фальшивого. Нам было хорошо, но «сулит мне труд и горе грядущего волнуемое море», и надо быть готовым. Большой труд! Разве я не дерзаю взяться за него! Еще как. Я плохо думаю о себе, ты знаешь, прошло мальчишество, когда я воображал, что чего-то стою. Стою не я, а то, что дано мне. Сказано, что человек может гордиться только тем, что свершил до рождения. Но последняя фраза в роли твоего любовника о твоём муже: ты знаешь, милая, он стоит того, чтобы раствориться в нём, в его работе, и это твой единственный путь к счастью. Будем любить, а если нас не любят, будем считать себя виноватыми. И это во всём.

И мы пошли. Все-таки я всё время старался идти так, чтобы жена моя шла подальше от края пропасти.

И получалось, что ближе к краю шел я.

Валерий ХАТЮШИН

МОЙ ВЕК

Поэма

Мой истекает натруженный век...
Падает, кружится медленный снег.
Небо январское серо, как дым.
А ведь и я тоже был молодым.
В сердце весёлом лелеял мечту,
верил в людей и земли доброту.
Был я улыбчив, и смел, и красив,
звонко насвистывал лёгкий мотив.
Был не однажды влюблен и любим,
дальней звездой для чего-то храним.

Падает, кружится медленный снег...
Сбывшийся, мой истончается век.
Лица любимых мерцают вдали...
В добрых ладонях цветущей земли —
мать молодая, веселый отец,
за руку с ними — счастливый малец...
Бабушка, дом возле речки, забор,
крик петуха и за речкой — простор,
синий простор травостойных лугов,
с утренним топотом конских подков...

Падает, кружится медленный снег...
Каплет сквозь пальцы истаявший век...
Сельская школа, дорога сквозь лес,
первый неясный к стихам интерес...
Первый неведомый трепет в груди...
Взглядов касанье — еще впереди...
Прикосновенье несмелой руки,
холод незрячий сердечной тоски —
это еще впереди... Но уже
странное что-то проснулось в душе...

Падает, кружится медленный снег..
Невозвратно уходит мой век..
В юной душе тот волнительный свет
рано проснётся и тяжестью лет
так и не будет погашен в груди..
Сколько томиться ему впереди!
Сколько ему впереди прожигать
чуткое сердце!.. Но этого знать
сердце не может, и трепетный свет
будет в нём биться в немилости лет.

Падает, кружится медленный снег..
Всё, что запомнил остывший мой век,
будет всю жизнь отражаться в глазах,
в ранних и самых последних стихах —
первой любви сумасшедшая новь,
снов полуявных кипящая кровь,
будней солдатских немая тоска,
нежная — девушки в белом рука..
Север, Сибирь, бездорожье тайги,
холод сердечный всё той же тоски...

Падает, кружится медленный снег..
Полон и встреч, и свиданий мой век..
Стройки страны, газопровод, КамАЗ —
с грустной улыбкой всё вижу сейчас..
Шумной столицы томительный зов,
окна построенных мною домов..
Гвалт общежитий, бессонных ночей,
бред коммунальных драчливых гостей..
Первая книжка стихов... И потом
Жизнь и работа в значенье ином...

Падает, кружится медленный снег..
Всё, что впитал мой безудержный век,
не растворилось в распутице дней,
слилось с дорогой упрямой моей.
... То ли судьба нас свела, то ли рок,
то ли настал предначертанный срок, —
встретились мы. И была мне она,
как на безоблачном небе луна,
словно на утренней зорьке звезда,
будто в степи ключевая вода...

Падает, кружится медленный снег...
То, что ушло, не утратил мой век...
«Будешь мне другом?» — спросила, и вот
резкий дороги моей поворот
тут же случился... Но дружба её
перерожденье познала своё.
Как и всегда на земле меж людьми:
дружба — бессильный соперник любви.
Вот и сказала метель февралю
это горячее слово: «Люблю»...

Падает, кружится медленный снег...
Всё сберегает усталый мой век.
Слово «люблю» никуда не уйдет,
не источится во мгле, не замрёт,
будет сиять, словно месяц в ночи,
сколько ему ни прикажешь: «Молчи!»
Смерти не зная, оно и теперь
после немыслимо страшных потерь
дышит мне в душу и плачет с мольбой:
«Не забывай, кем мы были с тобой...»

Падает, кружится медленный снег...
Памятью бережной дышит мой век.
... Нам на просторах ушедшей страны
быстрых пять лет были с нею даны.
Эти пять лет невозможной любви,
как в невозможности ни назови
нашу любовь — со слезами и без...
Годы ушли. С невозвратных небес,
чувствую, смотрит она мне вослед,
может, с укором, а может быть, нет...

Падает, кружится медленный снег,
лёгкой слезой оживляя мой век...
Вновь отклонилась дорога моя.
Где вы, былая страна и семья?
Где престарелая мать? где жена?
Всё отняла нежилая страна.
Город, что строил с азартом лихим,
стал мне каким-то несносно-чужим...
Новая жизнь всё жесточе ко мне
в этой всё больше нерусской стране...

Падает, кружится медленный снег,
маревом белым туманя мой век...
Бабушка, мать и далёкий отец
скрыты под ним. И на сердце рубец
долго заснуть не дает по ночам.
Стал я привязан ко многим врачам.
Тише, грустней и спокойней стихи.
Прошлые льются сквозь душу грехи...
В церкви молюсь за себя и за дочь,
всем, чем могу, ей пытаюсь помочь.

Падает, кружится медленный снег...
Был и опасным, и жёстким мой век.
Шел я дорогой своей до конца —
с ложью в борьбе, не теряя лица,
с горькой любовью к России своей,
с мужеством смертным ее сыновей,
с грозной тоской матерей и отцов
тех беспощадных военных годов.
И, безогляден и верен себе,
сердце измучил в любви и борьбе.

Падает, кружится медленный снег...
Смотрит в себя постаревший мой век.
Что же увидел он там, в глубине,
там, где с улыбкой грустят обо мне
бабушка, мать, и отец, и родня,
все, кто любил в этом мире меня?..
Век мой уставший, остывший на треть,
главное всё же сумел разглядеть.
То, что на свете зовется судьбой —
неистребимой мечтой золотой...

Падает, кружится медленный снег...
Долгой мечтой награжден я за тех
предков моих, кто на отчей земле,
в городе, в хуторе и на селе
строил, пахал, и страдал, и любил,
чтобы мой век наконец-то пробил
толщу времён, и для вечно живых
слово свое я сказал вместо них —
мёртво забытых, потерянных, всех,
в землю ушедших под медленный снег...

...Вот и сказала метель февралю
это печальное слово «люблю».
Время пойдёт незаметно к теплу.
Век мой покатится в белую мглу.
Голос оттуда всё бродит за мной:
«Не забывай, кем мы были с тобой...» —
той, что на утренней зорьке — звезда,
той, что в степи — ключевая вода...
Но не желаю сливаться я с ним,
Божьим дыханьем пока что храним.

Слово замолкнет, и бранный мой век
скроется тихо под медленный снег...

ЭПИЛОГ

В грустной душе не угасли стихи —
видно, не все искупил я грехи...
Сколько потерь надо мной пронеслось!
Самое главное в жизни — сбылось.
Самое главное — вот же оно:
слово, что вольному сердцу дано.
Видно, удачливым был я рождён:
духом свободным мой век награжден —
неистребимой мечтой золотой,
той, что ведома далёкой звездой...

30 января — 3 февраля 2022

НАДЕЖДА (Триптих)

1
У края пропасти застыла Украина,
у края бедствия, над пропастью тщеты.
Есть лишь осколок под названием Руина —
больная немощность в объятых нищеты.
Ей дышит в спину сладкий дух ожесточенья,
а дух вражды лишил заветного пути...
Но у России, как всегда, предназначенье:
её от пропасти безумной отвести.

2

Кровно повиты столетним недугом
гордых два брата ушедшей страны...
Да, мы повязаны кровью друг с другом,
кровью единою мы сплетены.

Нет, не позволим угаснуть надежде —
вырваться сможем из горьких времён.
Ведь никуда нам не деться, как прежде,
в жизни от русских единых имён.

3

Мы родную отстроим юдоль,
в нашем сердце родство встрепенётся...
Через мрак, через кровь, через боль
Украина в Россию вернётся
и, прорвав незалежности бред, —
сможет стать и сильней, и красивей,
чтобы, выйдя из мрака на свет,
вновь, как прежде, назваться Россией.

13 марта 2022

МАРИУПОЛЬ

*В Мариуполе — могила моего отца,
освобождавшего Украину*

Украины бывшей убыль...
Нам дороги нет назад...
Русский город Мариуполь...
Разбомблённый город-сад...

В жёлто-синих дебрях вызрел
красно-чёрный зверский флаг...
Мариуполь — город-призрак,
Мариуполь — город-мрак.

Мрак удушливой печали,
мрак свистящего свинца
над цехами «Азовстали»,
над могилою отца...

Днём и ночью с «градом» грозы —
канонады гром и звон.

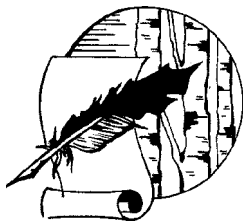
На руинах храмов — слёзы
мироточащих икон.

Слёзы старых, слёзы малых —
здесь, где плачет Божья мать...
При свечах в сырых подвалах
дети учатся писать...

Укров крик и матерщина...
Ангел смерти к ним летит...
В чёрных книжках на руинах —
герб трезубный шелестит.

Как безумно трудно нервный
охлаждать, унять озноб...
Мариуполь — это первый
гвоздь в свидомый чёрный гроб.

31 марта 2022

Эмма МЕНЬШИКОВА

ЛЮБОВЬЮ ПОЛНИТСЯ ДУША

* * *

Рифмы стали проще и точней.
Пульс ровнее, а душа — всё строже.
Ни греха не утаить пред ней,
Попусту её не растревожить.

И перебирая не спеша
Все мои нехитрые пожитки,
Лишь любовью полнится душа,
Остальное из земного багажа —
Ни до рубежа, ни до калитки.

* * *

Ах, как не глядеть в это небо!
И как его не вопрошать...
И пусть оно глухо и немое,
Но слышит ответы душа,

И трепетно ждёт свои сроки
В течении суетных дней —
А в ней все события, и строки,
И память о жизни моей.

Земля — это пристань для тела,
Она его примет в свой час.
А души в иные пределы
Несут своё знание о нас,

Хранят наши лица и руки,
И шёпот горячий в ночи,

Осенние песни разлуки
И свет негасимой свечи...

Ах, как не глядеть в это небо,
Свою литургию служа...
И пусть оно глухо и немо,
Но слышит ответы душа.

* * *

Не буди во мне признаний,
Не тревожь потерь.
Словно берег перевозданный,
Жизнь моя теперь.

Над рекою свет вечерний
Льёт с небес луна,
И душа любви дочерней
К Господу полна.

И СНОВА ПАСТЕРНАК

Кто тропку к двери проторил,
К дыре, засыпанной крупой,
Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По?

Борис Пастернак

Деревня спит, в окне бездонный мрак:
Ни в небесах огня, ни в избах света.
И вновь на ум приходит Пастернак:
Какое там у нас тысячелетье?..

И тут не надо пить с Эдгаром По —
Ночь напролёт лежи себе и слушай,
Как петухи кричат наперебой,
Собаки лают — и на всякий случай

Пытайся вспомнить, это что за дом
И что за время — без примет и знаков...
А впрочем, разница какая в том,
Когда пришли мы и когда уйдём
Со знаньем байронов и пастернаков...

ВРЕМЕЧКО ЛИХОЕ

Окончился семьдесят третий —
В какую я даль забрела...

Юлия Друнина

Позади две тысячи двадцатый,
Мы в такие дебри забрели!
И чем дальше в лес, тем бесноватей
Дровосеки нашенской земли.

Рубят так — моргнуть не успеваем,
А они уже при барыше.
Мы на макаронах выживаем,
А они — на банковской марже.

Уж на что суровым был двадцатый —
Маски на нос, ту же пояса.
Но росло богатство у богатых,
И скудели бедных тугеса.

Пандемия — времечко лихое,
Как война — кому-то мать родна,
А кому — сражение роковое
И за жизнь последняя цена.

Впрочем, что роптать... Пустое дело:
Каждому — и даль своя, и лес.
Слава Богу, не разбогатела
И брела с сумой наперевес.

Налегке и дальше я шагаю.
Красота вокруг — слепой узрит!
Ветер, и мороз, и снег, сверкая,
Падает на землю и звенит...

ЦАРСТВЕННОЕ

Январский снег не часть пейзажа:
Он царствует — и по утрам
С небес нисходит так вальяжно,
Как и положено царям.

Роскошной мантией покроет
Он веси все и города —
И белоснежные покои
Напоминает Русь тогда.

* * *

А мне Россия всё дала —
Деревню, дом, колокола,

Спасительную силу Таинств,
Ночной метели белый танец,

Рассветы лёгкие, как сон,
И над рекой вечерний звон...

Всё мне дала, всем одарила,
На что её добра хватило —

Огнём в печи, дровами впрок,
Необратимостью дорог,

Стихов неведомых звучаньем,
Отчаяньем и обещаьем...

Всё мне дала, чем я живу —
Небесных высей синеву,

Лугов ромашковых раздолье,
Фасолевое чудо-поле,

Поющее все дни подряд,
Когда в нём сонмы пчёл гудят, —

И слушать поле в дни цветенья
Здесь давнее обыкновение...

Всё мило мне и всё вдомёк —
Земли оттаявшей дымок,

Избушек скорбные бекрени
Среди бушующей сирени...

Всё, что отдать она могла,
Всё мне Россия отдала —

Деревню, речку, лес и поле,
И счастлива я этой долей.

* * *

С неба льёт как из ведра.
Что же так его пробило?
То ли шальные ветра,
То ли птиц безвестных крылья,

То ли звёзд несметный рой
Пал на землю ночью летней,
Чтобы, вздрогнув, путник бедный
Помолился бы впервой.

* * *

Апрель, как на графической картинке, —
Весь в сером, зябко стынет на ветру.
Земля ещё промозгла: ни травинки,
Ни цветика щемящего вокруг.

Ещё всё только чается, всё ждётся:
Ещё в долах и снег не весь сошёл...
И только над деревьями, как солнце,
Сияет золотистый ореол.

Качаясь, почки — листьев колыбели —
Укутывают отпрысков своих,
Но те уже на свет стремятся белый
И рвутся, рвутся из пелен тугих.

* * *

Ну вот зачем-то я нужна на этом месте,
Вот этой речке, этим небесам,
Так плотно павшим на унылое окрестье,
Что уцепиться не за что глазам...

Ну вот зачем-то я нужна на этом слове,
Хоть не пишу весну и благодать.
Когда за окнами туман и чернотволье —
Я их и заношу в свою тетрадь.

Ну вот зачем-то я нужна на этом свете,
Церквушке рядом, дому моему,
Где по ночам стучит в окно бездомный ветер,
А вот зачем — я так и не пойму...

* * *

От луны прекрасными
В небе только профиль тонкий....
Вот и жизнь моя девчонкой
Чаровала как луна,
А теперь она черницей
В плащ свой кутается строго
И идёт своей дорогой,
Вдалеке едва видна.

ПРИВИВКА

Не торопись! — твердил отец мне с малых лет,
Остерегал от необдуманного слова.
Мол, в ярости слепой наговоришь такого,
О чём сто раз потом придётся пожалеть.

Он и чужим словам учил не доверять:
И мягким, льстивым — даже более, чем колким.
Всё наущал меня держать, как ёж иголки,
Не допуская близко к сердцу всех подряд.

Но далеко отец — и я начистоту
Скажу, что мне пошли не впрок его уроки.
Поскольку минули все мыслимые сроки,
А я иголками никак не обрасту.

Седа как лунь, стара, а сердце не уйму,
Когда оно горит, когда ему неймётся...
Отец был прав. Но колкость и немощство
Так и не смог привить он сердцу моему..

* * *

Поле, поле, без конца и края...
Тающая пустынь в сизой мгле —
Снежные объяття простирая
К небесам, корнями ты в земле...

Так и мы — земные плоть от плоти,
Персть и прах... Но ввысь душа влечёт.
Тянемся за ней, кружим в полёте,
Срок земной пока не истечёт...

А потом опять — песок и глина,
Крест в ногах и небо в сизой мгле.
Облака плывут седой лавиной,
Тихо на заснеженной земле.

И ЧТО МОИ СЛОВА

Вот времечко пришло, когда слова не впрок.
И строчками уже не дорожу, как прежде,
Их брать на карандаш не тороплюсь в надежде
Что выстроится стих из набежавших строк...

Поэзию теперь я слышу там и тут —
В мелодии дождя и в тишине полночной,
И в законной тьме, и в балке потолочной,
Хранящей много лет сосны живой эту.

Стихами дышит лес, их распевает ветер,
Разносят в небесах стремительные птицы,
Вся книга бытия — звучащие страницы,
И что мои слова, когда Господь так щедр.

* * *

Когда уйдём отсюда восвояси —
Рассеются и страсти, и слова,
Которые хранили здесь в запасе
На случай, что любовь всегда права.

А случая не будет — и убудет
Весь человек: и кровь его, и плоть.
Уйдёт — не клят, не мят и неподсуден,
Лишь душу призовет к Себе Господь...

Ей искупать земные наши страсти,
И ей отвечать за наши все грехи...
А ты мне что-то говорил о счастье,
О том, что всё простится за стихи.

г. Липецк

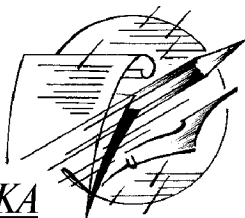
ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ!

Какое будущее ждет Украину?

Наша «спецоперация» имеет две задачи: демилитаризацию и денацификацию этой страны. Не выполнив до конца обе эти задачи, уходить из Украины мы не имеем права, иначе с помощью Запада всё в считанные месяцы вернется к довоенной ситуации и будет даже хуже, чем было, потому что получив урок, украинская этнократия сделает выводы и станет только сильнее, умнее и последовательнее.

Я уверен в компетентности наших военных и в том, что рано или поздно они до конца справятся с первой задачей, разгромив всю материальную базу ВСУ, резко сократив и переформатировав украинскую армию, поставив ее под контроль России. А возможно, и вовсе запретив Украине иметь любую армию, кроме погранвойск, лет на 10 (срок условный), после чего там может быть создана армия под управлением Москвы, обязанная выступать за нас в случае войны.

Но я точно так же уверен в этнополитической некомпетентности наших гражданских властей и сомневаюсь, что они справятся со второй задачей. Следя

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

за ходом мирных переговоров российской и украинской делегаций, я укрепляюсь в моих сомнениях. Признание Крыма, ЛДНР и нейтральный статус Украины — это очень мило, конечно. Но этот жалкий паллиатив — вовсе не то, ради чего ведется эта война, приносятся огромные жертвы. Сверхзадача войны совсем в другом: денацификация Украины, нейтрализация антирусского и антироссийского государства у нашей границы.

О нашей сверхзадаче

Решить эту сверхзадачу очень трудно прежде всего по идейно-теоретической причине. Нельзя забывать, однако: ошибки в теории — самые дорогостоящие, за них всегда приходится платить большой кровью. Любая попытка воплотить в жизнь заведомо несбыточную мечту ничем хорошим кончиться не может, она непременно приведет к страшной исторической трагедии.

Когда я слушаю речи даже самых высокопоставленных россиян и высокоученых экспертов на тему Украины, у меня возникает ощущение, то они все — просто наивные мечтатели, питающие надежды и иллюзии по отношению к украинскому населению, которое-де находится в состоянии временного умопомрачения, вызванного многолетней бандеровской пропагандой. Под воздействием которой, якобы, зомбированные украинцы превратились в манкуртов, забыли о наших общерусских корнях, отринули свою общерусскую идентичность и предали наше славянское братство и единство, наше славное прошлое. Но то, что было сделано враждебной пропагандой, рассуждают эти горе-политики и горе-эксперты, может быть пропагандой же и исправлено, переделано обратно. Надо только рассказывать украинцам всю правду-истину насчет русской истории — и мозги у них встанут на место, они опомнятся от многолетнего морака, вновь примут общерусскую идентичность и снова станут нам братьями, как когда-то. Мне кажется, даже обычно трезвомыслящий реалист Путин возмечтал о том, чтобы вновь сделать малороссов из бандеровцев...

На мой взгляд как этнополитика, это тот самый случай, когда мечтать вредно. Ибо есть пропаганда и пропаганда. В информационной войне побеждает та из них, что опирается на объективную реальность, стоит ближе к жизни. Такой реальностью на Украине является необратимо раскрученный процесс украинского этногенеза, становление нового народа — украинского, новой нации. Поэтому пропаганда бан-

деревцев, развивающая идею украинства, имеет почву под ногами и устремлена в будущее, она привлекательна для масс украинцев. В украинском национализме сегодня — драйв, энергетика. Чем это заменишь, чем уравновесишь? Идея «дружбы народов» не сравнима по энергетике и увлекательности.

Вообще идеология национализма обладает огромной мобилизующей силой, а идеология интернационализма — почти нулевой, если она не соединена с классовой идеей. Единство нации эффективно подрывается классовой, социальной рознью (лучший пример — Гражданская война в России 1917—1920 гг.). Но и эта стратегия уязвима, она не срабатывает, если против нее задействуется идея национал-социализма, собственно нацизма. А на Украине мы наблюдаем именно это.

На что же может и будет опираться наша пропаганда? Пока что, как видно, — только на порочную логику «так было когда-то — значит, так будет всегда», устремленную в прошлое и не учитывающую историческое развитие. Она, как можно судить, игнорирует процесс этногенеза или надеется развернуть его вспять, что невозможно по определению. Что было — то сплыло. Объяснить сегодняшнему украинцу, что он «на самом деле» русский, уже вряд ли получится. Такая попытка будет воспринята как посягательство на сверхценность — национальную идентичность, которая действует в силу национального инстинкта, а вовсе не по доводам рассудка. По этой же причине не устоит ни концепт «дружбы народов» аля СССР, ни вообще советский подход к национальному вопросу, повсеместно обанкротившийся на всем постсоветском пространстве. В скором времени жизнь поставит каждого гражданина Украины перед выбором: либо ты украинец, либо ты русский. И предсказать результат плебисцита я не берусь.

Значит ли это, что ничего поделаться нельзя, что надо сложить ручки и смириться с появлением у наших границ большого и сильного антирусского, антироссийского государства? Нет, конечно! Но надо понимать, что идейная борьба против этой тенденции, господствовавшей на Украине последние тридцать лет, потребует ювелирной точности и четкого понимания границ возможного. И самое главное — долгого внешнего управления Украиной со стороны России, потому что если предоставить Украину самой себе, то никакой денацификации мы не увидим, наоборот, всё вскоре станет гораздо хуже.

Проводить на Украине денацификацию необходимо, но как России это сделать? Не получится ли как с пресловутой

гидрой, у которой на месте одной отрубленной головы выросло две новые? Кто и как будет проводить денацификацию в стране, охваченной именно активной нацификацией в течение десятилетий? Выполнима ли в принципе эта задача в финальной фазе этногенеза? Если да, то что для этого нужно?

Как переделать мышей в ежиков

Проблема еще и в том, что за три десятилетия национально-социальная база пророссийской политики на Украине сильно сократилась. Как минимум вдвое уменьшилось число паспортных русских (с 22% в 1989 году до 11% в 2010-м, согласно переписям). Заметно консолидировалась украинская этнонация, совершившая национальную революцию, приведшую к созданию национального (этнократического) государства и приступившая к эффективному преобразованию всех коренных народов и национальных меньшинств в украинскую политическую (гражданскую) нацию. И т.д. Украинская политическая идентичность охватила большинство населения даже в традиционно пророссийских Юго-Восточных областях, в Новороссии, что связано также с массовой убылью этнических русских и пророссийски настроенных граждан и переходом иных из них в украинство. Пропаганда, бешеная и неотступная, превратила молодые поколения в упертых украинских националистов. Такова теперь там питательная среда, социальная база укрофашизма, пустившего в народ глубокие корни в полном соответствии с теорией этнополитики и с третьей, финальной фазой этногенеза. Когда овладевшая массами (этническая) идея становится, по Марксу, материальной силой.

Спору нет, для массовой денацификации потребуются усилия контрпропаганды — без преувеличения титанические и многолетние. Нужны будут специальные радио- и телестанции, днем и ночью вещающие на Украину, как некогда на СССР вещали «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа», «Немецкая волна» и др. Этим вещанием должны руководить грамотные специалисты, такие, как Игорь Шишкин, Иван Скориков, Ростислав Ищенко или автор этих строк. Информационная война на попрание денацификации Украины должна будет стать важным направлением государственной политики России.

Необходимо также решительно вмешаться в вузовскую гуманитарную науку Украины, десятилетиями пестовавшую ростки национализма, готовившую для него духовную, интеллектуальную базу. Нужно срочно создавать систему пе-

реподготовки и денацификации учительского персонала как средней, так и высшей школы, нужна тотальная замена учителей-националистов на учителей-антифашистов (условно говоря). Соответственно, нужно обеспечить переход на правильные учебники по истории, обществоведению, литературе и т.д. В Донбассе школы уже возвращаются к «домайданным» учебникам, но это всё не то, ведь и они тоже зиждильсь на идее «незалежности и самостийности» и были насквозь пропитаны русофобией и национализмом, пусть и не столь оголтелыми. Учебники нужны совсем новые.

Конечно, многое можно исправить одним лишь снятием запрета на русскую культуру, печать, российские СМИ. Обязательно нужно придать русскому языку статус государственного, а уж он сам сумеет постоять за себя и за нас. Обаяние русского языка, русской культуры настолько велики (потому-то укрофашисты их и запрещали, подвергали гонениям), что веками выполняли роль скрепы между нашими народами и могут делать это еще века.

Культура — культурой, а политпросвет тоже имеет значение. Необходим подконтрольный России и пророссийский по духу Главмур в том институте, что останется от украинской армии, то же и в полиции. Нужен полный кадровый перебор в СБУ и разведке, все полномочия следует передать соответствующим службам ЛДНР, придав им всеукраинский масштаб ответственности и укрепив российскими кадрами ФСБ.

При этом необходимо понимать следующее. Прежде всего нельзя ломать этот новоявленный народ об колено, заставляя его срочно поверить, что современные украинцы — это русские, а Украина — «та же Россия, только в профиль». Нельзя прежде всего потому, что это давно уже не так в реальности. А значит, это верный способ ожесточить и настроить против себя большинство населения, увековечить противостояние, дать неубиенные козыри в руки противнику. Подчеркивать общее в нашей истории и судьбе можно и нужно, но надо и самим принять новую реальность, и не пытаться ее опровергать в глазах украинцев.

Главное же, на чем следует сосредоточиться в идейной борьбе на данном этапе, — это выкорчевывание из украинского национализма тех интенций и примет, тех крайностей и эксцессов, что роднят его с немецким фашизмом: бесчеловечность, оголтелую русофобию, установку на этно- и геноцид русских, реабилитацию и героизацию немецких фашистов и их украинских пособников, ряд известных идеологических концептов и политических практик и т.д. С этими проявле-

ниями надо бороться всеми силами и методами, отнюдь не только юридическими. Необходимо скомпрометировать саму идею укронацизма и русофобии. (Кстати, нелепо при этом педалировать тему преступлений фашистов против евреев: так взаимопонимания с украинской аудиторией не обрести, на свою сторону ее не перевербовать; нужны принципиально другие аргументы.)

Если враг не сдаётся, его...

Надо понимать: дело далеко не только в идеологии, одной пропагандой тут не обойтись, колею придется нарезать глубже, используя любые методы.

Преступность — это преступники, не будет их — не станет и преступности. В нашем случае речь идет о бандеровцах — так для краткости мы обозначаем adeptов украинского крайнего национализма и шовинизма, украинского фашизма. Надо решительнее ломать бандеровцам хребет — не только физически, но и обязательно морально, это не менее важно. А для этого уже сейчас публично судить отловленных укрофашистов за их преступления, начинать максимально гласную, открытую подготовку к трибуналу над укрофашизмом. Следовательно — нужно немедленно создавать при Генпрокуратуре России Чрезвычайную Государственную комиссию по расследованию их преступлений на всей территории Украины, не только в Донбассе. Привлекать к работе Комиссии общественных деятелей, депутатов, гуманитарную интеллигенцию. Делать это надо заранее, не дожидаясь победы, как мы сделали это еще в 1942 году в отношении немецких захватчиков. Судить украинских преступников надо в Луганске и Донецке, в Одессе и Мариуполе, а также в других городах, где они творили свои мерзости. И чтобы об этом знал весь мир! И чтобы весь мир отслеживал ход следствия и процесса!

Надо понимать также: это не рядовая акция, для которой достаточно компетенции Генпрокуратуры и Следственного комитета. Это важнейшее и чрезвычайное мероприятие, и под его осуществление должен быть создан особый орган со звучным именем, приводящим на память нашу победу над гитлеровской Германией и Нюрнбергский трибунал. Понятно, что для такого случая не мешало бы восстановить смертную казнь, применив ее к главным преступникам, как в Нюрнберге. И длительные сроки заключения применять к преступникам рангом ниже.

Но что делать с многими сотнями тысяч (да-да!) явных и скрытых бандеровцев, которые не попадут под антинацистс-

кий трибунал? Какой должна быть судьба этих украинцев, ненавидящих Россию и воюющих с нею — неважно, с оружием в руках или без такового? Партии запретить легко, но куда деть их живых сторонников — носителей бандеровской идеологии? На этот вопрос отвечает опыт послевоенной Германии.

На мой взгляд, для всего взрослого населения должно стать обязательным заполнение анкет, кто кем был и что делал за последние 30 лет. Тем, кто не запятнал себя службой нацистам, должна, как в свое время немцам, выдаваться «справка об очищении». А других следует, как пленных немцев после той войны, использовать на принудительных работах по восстановлению разрушенных городов и сел Донбасса, да и других областей, пострадавших в ходе спецоперации. Хорошо бы их всех предварительно провести через разрушенные поселки ЛДНР, в частности — по Аллее ангелов, где покоятся дети, погибшие из-за их бесчеловечных действий. Пусть осознают свой грех братоубийства в полной мере.

Быть может, одним из главных условий конечной морально-политической победы России должно стать максимальное вовлечение всего населения в процессы следствия и суда над укрофашизмом, над бандеровщиной. Изобличение преступников, выдача их властям должны массово происходить по инициативе самих граждан, пусть и негласной. Каждый порядочный украинец должен приложить руку к очищению нации. Это сплотит сторонников России и отрежет им путь к отступлению.

Но для полной денацификации Украины этого будет недостаточно. А поскольку всех активистов и сторонников укронацизма невозможно ни уничтожить физически (иначе как на полях сражений), ни даже интернировать в концлагерях и т.п., то надо понимать: в нынешних границах Украину полностью денацифицировать просто невозможно. Отсюда вытекает необходимость отделения Галичины, превращения ее в отстойник укрофашизма, куда следует переселять — добровольно или принудительно — явных и скрытых бандеровцев. Главный принцип: гадюки должны жить в своем гадюшнике и не высовываться оттуда. Инфекция русофобская должна быть изолирована и отделена буфером от нормальных людей... И плевать на общественное мнение Запада, оно всегда будет против нас по определению, пока мы ведем политику в собственных интересах, а не в интересах «партнеров».

Надежда полностью абсорбировать и воссоединить с Россией целиком всю нынешнюю Украину совершенно несбыточна. Для этого понадобилось бы залить ее всю кровью,

уничтожив добрых две трети населения, на что мы никогда не пойдем. Это нужно ясно понимать и не строить наивных иллюзий. Но очистить страну от фашистского отребья необходимо. Иного пути, кроме раздела Украины и слива в Галичину всего этого вражеского контингента, я для этого не вижу. Нельзя повторить роковую ошибку Сталина и оставить Галичину в составе Украины, это снова обойдется нам слишком дорого.

Что до остальной Украины, здесь должен действовать жесткий запрет любых бандеровских партий и организаций, тотальное блокирование даже только потенциальных реваншистов. Совершенно необходим снос памятников Бандере и всем бандеровцам, стирание их имен из топонимики, уничтожение символики, запрет на реваншистскую идеологию и риторику. Напротив, нужна установка памятников борцам с бандеровцами и жертвам бандеровцев, переименование населенных пунктов, улиц и площадей в их честь. И т.д.

Все перечисленное не так уж сложно сделать. Но если этого не сделаем мы сами, то надеяться не на что. Уйти из Украины, предоставив полную свободу волеизъявления украинцам, Россия не может, это категорически недопустимо. Ибо инфицирование укронацизмом в этой стране зашло слишком далеко. Зомби, если расковать его, вновь поднимется во весь рост и пойдет в бой.

Правда, есть небольшая проблема: у президента Путина при всех его достоинствах есть один недостаток: психология спортсмена, а не воина. И в этой связи скверная привычка не добивать поверженного противника, чему мы не раз бывали свидетелями. Но война — это не выход на татами под аплодисменты. Надеюсь, что Путин это осознаёт, и на этот раз всё будет по-другому.

Поменять политический класс Украины

Наконец, надо понимать еще одну важнейшую вещь. Россию ни в коем случае не может устроить мирный договор с Украиной вместо полной и безоговорочной капитуляции. Договор, при котором все ветви власти и все персоналии нынешней бандеровской Украины, начиная с Зеленского, останутся на своих местах и будут продолжать править страной, — неприемлем. Такой мир обнулит нашу победу в считанные месяцы, просто в два счета. Если мы сегодня уйдем из Украины, оставив ее суверенной («самостийной и незалежной»), единой и неделимой, то уже завтра ее втянут в ЕС, а послезавтра — в НАТО, накачав новыми вооружениями.

Сама себя Украина никогда не денацифицирует. Это ведь только Мюнхгаузен мог сам себя вытащить за волосы из болота. Власть на Украине необходимо радикально поменять, неважно каким путем, демократическим или нет. Точнее: демократическим путем, скорее всего, поменять не выйдет, об этом очень пронципательно сказал николаевский губернатор Виталий Ким: российские ставленники получают не более 3 процентов на выборах. То есть гидра украинского национализма воспроизведет себя немедленно во всей красе. Нет, нам нужны наместники России, свои генерал-губернаторы, и никак иначе.

Но где брать этих наместников, с чьей помощью Россия сможет управлять Украиной, ходом ее денацификации? Кто гарантирует нам успех на данном поприще?

Новую украинскую политическую элиту придется выращивать с нуля, это неизбежность. На прежнюю надеяться нечего. Некогда Талейран сказал о Бурбонах, вернувших себе на какое-то время трон после падения Наполеона: они ничего не забыли и ничему не научились. Мне вспомнились эти слова, когда я столкнулся со слухом: экс-президент Янукович-де доставлен в Белоруссию и готовится заявить о своих легитимных полномочиях. Ничего нельзя придумать глупее и хуже, чем попытка вернуть этого полностью дискредитировавшего себя политика на украинский трон. Ее нельзя оправдать никакими псевдо-юридическими доводами. Подобную жалкую марионетку не примет никто на Украине, даже самые пророссийские граждане, потому что Янукович для меня — это аксиома, да и все это, я думаю, понимают: дурак и полное ничтожество, уже бездарно профукавшее страну один раз. Эта одиозная личность, «сбитый летчик», без сомнения, — всеукраинский раздражитель, которому не то что страну, деревню нельзя бы нынче доверить в управление. Если мы победим, то правила игры должна будет диктовать не какая-то мнимая законность, а наш меч — и только он. Нам не пристали подобные пустые игры в легитимность жидко обанкротившейся на весь мир фигуры. Лучше вообще новое, никому не известное лицо, чем старая кислая рожа.

Точно так же на авансцену нельзя выводить ни Азарова, ни Медведчука, пусть остаются в советниках как люди, знающие внутренние расклады. Но во власти их видеть не должны, потому что такая власть будет скомпрометирована, еще не начав работать. И, разумеется, на пушечный выстрел к Украине нельзя подпускать Владислава Суркова и его креатур. Худшего аллергена для страны, чем этот хитромудрый рещала большого бизнеса, не найти. Необходима тотальная

люстрация, зачистка Украины. Следует поменять все руководящие кадры на освоенных территориях, опираясь на про-российское население.

Думаю, что кадровый резерв для решения задач первоначального внешнего управления и денацификации Украины можно отыскать в ДНР и ЛНР. Важно лишь, чтобы ополчение ЛДНР, освободив всю территорию своих республик, не остыло потом, решив, что они свое дело уже сделали и можно вернуться к мирной жизни исключительно в своем регионе. Пока и если Украина не будет разгромлена и принуждена к миру на наших условиях, пока там необратимо не прокатится вал тотальной денацификации, никакой безопасности этим республикам не видать, всё легко может покатиться в обратную сторону. И тогда донбассцам снова придется прятаться в подвалах.

Я бы искал кадры также в Белоруссии, где действует, например, Республиканское общественное объединение «Белая Русь», политическая организация, зарегистрированная в 2007 году, действующая в поддержку президента Лукашенко и стоящая на платформе триединства русского народа. Она правильно политически ориентирована и могла бы поставить какое-то количество кадров, приемлемых для украинцев, традиционно воспринимающих белоруссов вполне терпимо.

Ну и, разумеется, необходимо обратиться, как бы это ни казалось неприятно для российской власти, к тому сектору Русского движения, который не запятнал себя «заукраинством» и годами поставлял добровольцев и гуманитарную помощь на Донбасс. В этой среде, как и в ЛДНР, есть немало правильно ориентированных и мотивированных кадров.

Но есть и еще один резерв для кадровой политики России на Украине, быть может, — самый важный. Это те украинские граждане, что были вынуждены бежать от нацистского режима, прежде всего — представители русского движения на Украине, которых было немало еще в начале 2010-х годов. Нужно вернуть на Украину всех, кто выехал в Россию за последние 30 лет (в крайнем случае хотя бы после 2014 года, в том числе в Крым). Восстанавливайте, обустройвайте вашу Родину! Сводите счеты с врагами-бандеровцами, судите их! Кому, как не вам это делать?

Вообще, следовало бы поискать наших ставленников и среди обрусевших этнических украинцев — граждан России. Многие побывали здесь в разных руководящих кадрах, имеют опыт управленцев. Есть и на самой Украине немало скрытых противников нацистского режима, затаившихся в условиях разгула бандеровской диктатуры. Думаю, можно

будет пробудить этих «спящих» и привлечь к работе в некотором количестве.

Надо помнить о том, что известный страх перед бандеровцами, вынужденными в свою очередь затаиться среди остального населения, как они делали это после 1945 года, будет сковывать наших потенциальных сторонников. Поэтому так важно произвести последовательное интернирование нацистов, их выселение в Галичину и тотальную люстрацию в органах украинской власти — не устаю повторять это вновь и вновь.

Но что касается опоры на коренные украинские кадры, то главная опасность такой тактики — перерождение пророссийских украинцев, занявших ниши в новом политическом классе, в этнократов, как это до сих пор неуклонно происходило со всеми выскочками из грязи в князи, включая президентов. Национализм — восходящий тренд, возносящий наверх на своем гребне смышленных оборотистых политиков, прекрасно понимающих, как выгодно быть националистом в эпоху активации этногенеза, когда национализмом в той или иной степени охвачен весь народ. Поэтому не только идеологическая работа, но, несомненно и прежде всего, контроль над кадрами надолго останется важнейшим направлением денацификации.

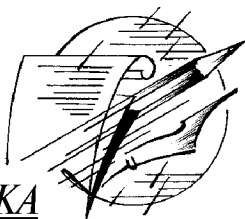
Социальная база денацификации постепенно будет меняться в лучшую сторону, количество наших сторонников будет расти, если удастся поменять власть в подконтрольной русской части Украины, не включающей в себя Галичину. Но на это потребуются десятилетия, в течение которых России ни в коем случае нельзя уходить с Украины. Прежде всего потому, что только наличие твердой антифашистской власти, опирающейся на силу, даст возможность большинству населения поверить в перемены и встать на сторону этой власти, ведь люди всегда тянутся к силе.

Виталий ДАРЕНСКИЙ,
доктор философских наук

ВОЙНА ЗА УКРАИНУ

Освобождение Украины от марионеточного неонацистского режима на самом деле не сводится исключительно к военным действиям. Это мощное поворотное событие в истории самой России, означающее её окончательное возвращение в статус великой державы и запускающее процесс внутренних преобразований, в результате которых очень скоро мы увидим уже совсем другую страну — полностью самодостаточную и независимую от Запада.

Экономические санкции Запада столь же необходимы для создания суверенитета российской цивилизации, как и отодвигание фактических границ НАТО от Белгорода до Карпат, которое достигается только военной операцией, поскольку Запад уже не оставил России другого выбора. Наша страна оказалась в отчаянном положении — в стратегическом отношении полностью аналогичном тому, когда враг в декабре 1941 года стоял под Москвой. Западная граница Российской Федерации фактически стоит на рубежах Руси времен Ивана III, а в условиях современной войны это означает почти беззащитность Москвы даже и без применения

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ядерного оружия. В этой ситуации каждый километр отодвигания на запад территории, фактически контролируемой НАТО — чрезвычайно важен.

Если в военном отношении операция на Украине имеет то же значение, как и контрнаступление под Москвой в 1941 году, то не менее важна она и на других фронтах — экономическом, идеологическом и национальном. Никак иначе невозможно было заставить российскую экономическую элиту стать элитой национальной и прекратить вывод капиталов за рубеж. Теперь это делает сам Запад даже и без участия нашего государства. И никак иначе невозможно было завершить процессы импортозамещения в важнейших отраслях — но санкции заставят сделать это. Президент России и его команда нашли гениальный способ завершить суверенизацию России руками самого Запада, который именно этой суверенизации больше всего боится. Заставить врага воевать против самого себя — высшее достижение стратегии. Главный проигрыш Запада от санкций, которые он ввёл против России, измеряется не в долларах и евро, а в намного более ценной субстанции — в потере им политических и экономических рычагов давления на Россию.

Исходя из этого, операция на Украине имеет характер *отечественной войны* — пусть и далекой по масштабам (к счастью) от тех отечественных войн, которые приходилось России вести ранее, однако стратегический и исторический её смысл именно такой. Этот факт следует положить в основу *публичного дискурса* о современных событиях. Как и следовало ожидать, ныне публичное пространство заполнено потоками русофобской лжи и мерзости, которым противостоит только официальная позиция России. В публичном пространстве до сих пор не выработан алгоритм уничтожения русофобской лжи. Легко уничтожить ложь в конкретных ситуациях, но этого ещё недостаточно — нужно уничтожить само её основание. Подобно тому, как перед атакой наземных войск ракетные войска и авиация уничтожили военные базы и инфраструктуру, точно так же нужно было и в публичной сфере сразу уничтожить аргументы так называемых «антивоенных акций». Самый простой и эффективный аргумент против них такой: «Россия ведет войну за само свое существование — войну отечественную. Поэтому все, кто выступает против этой войны — выступает против России, является её врагом и предателем». Что было бы с теми, кто вышел бы с лозунгами «Нет войне!» во время Великой Отечественной войны? Вопрос риторический.

Аргумент второй. На Украине Россия не ведет войну против этой страны, а проводит освободительную операцию —

подобно тому, как в 1945 году русская армия брала Берлин не для того, чтобы захватить Германию, а для того, чтобы уничтожить нацизм. С этой же целью российская армия берет Киев в году 2022-м. К сожалению, в данный момент не только среди явных русофобов, но и среди некоторых «патриотов» есть очень наивные люди, которые тоже требуют «как можно быстрее начать переговоры», «чтобы не проливалась кровь». Этим инфантилам следует настоятельно объяснять, что для того, чтобы больше действительно никогда не проливалась кровь, нужно взять Киев и заставить нацистов капитулировать. А если этого не сделать, то не только зря погибнут те, кто сейчас героически воюет, но и потом война неизбежно возобновится и крови прольется намного больше. «Блаженны миротворцы»: но миротворцы — это те, кто уничтожает сам источник войны, а не те, кто предательски плюет им в спину. Миротворцы — это те, кто штурмует Киев, а не лицемерные тыловые крысы, блеющие «нет войне». Когда в 2014 году Украина уничтожила Донбасс, европейские «миротворцы» были на её стороне.

Это касается третьего, национального аспекта войны. Отечественные войны России приводили к огромному подъему национального самосознания и консолидации народа. Точно так же будет и в этот раз, даже несмотря на намного более скромные масштабы происходящего. Но и их оказалось вполне достаточно для того, чтобы разворошить русофобский гадюшник и максимально высветить врагов России внутри страны. Естественно, что не будет по отношению к ним никаких «репрессий», но клеймо *пораженцев* они поставили на себе навсегда, и мы его не забудем. Это огромный шаг к очищению российского культурного, информационного и образовательного пространства от явных и скрытых врагов России. Однако в этом вопросе нам нельзя надеяться только лишь на государство, но следует активно проявить гражданскую инициативу — создать общественные организации, которые бы зафиксировали всех, кто идеологически поддерживал врага и плевал в спину русской армии во время новой отечественной войны. Нельзя допустить, чтобы эти люди и в дальнейшем «промывали мозги» народу, занимая почти всё информационное и культурное пространство России.

Происходящие события консолидируют народ не только внутри самой России, проведя четкий водораздел между подлинными патриотами России и «нерусью окаянной» (независимо от их национальности). Такой раздел уже происходил в 2014 году, но сейчас он стал ещё более четким и глубоким. Консолидация теперь вышла за рамки России и факти-

чески разделила весь глобальный мир на наших друзей и врагов. Даже на Западе оказалось много адекватных людей, которые понимают причины действий России. Но за пределами коллективного Запада — почти весь мир фактически сейчас на стороне России, поскольку она борется за общее дело разрушения мировой диктатуры Запада и построение справедливого мироустройства.

Для православных людей эта, нынешняя, отечественная война имеет вполне определенный религиозный и даже эсхатологический смысл. Как бы ни относиться лично к В.В. Путину, но объективно, то есть в соответствии с православным пониманием истории, Россия В.В. Путина в данный момент ведет войну против апостасийной цивилизации антихриста, защищая само существование Катехона — «удерживающего», каковым в настоящий момент является Россия. И каким бы далеким от Церкви не было большинство народа в современной России, но совершенно очевидно, что Россия как государство в настоящий момент осталась последней защитой Православия в современном мире. Без России весь остальной православный мир беззащитен и обречен на быструю гибель, которая уже и началась в виде Константинопольского раскола. Нынешняя операция имеет и прямой смысл *русской реконкисты* — спасения Киевской митрополии от затягивания её в раскол и отпадения от Православия.

В свое время статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» появилась неожиданно и сразу же заставила многих теряться в догадках — какие именно будущие стратегические проекты и решения во внешней и внутренней политике она предвещает? В свете происходящих событий это стало понятным. Стоит напомнить, что тезис о том, что «русские и украинцы — это один народ» на официальном уровне не звучал уже более 100 лет. До событий 1917 года в русской и мировой классической науке (историографии, этнографии, лингвистике и т.д.) было аксиоматическим положение о том, что русский народ состоит из трех этнических групп — великороссов, малороссов и белорусов. Отличия между ними — этнические, а не национальные. Именно по научным, а не каким-то идеологическим критериям. Идеология пришла уже в XX веке и заслонила собой научный подход к этой теме. Большевики создали идеологию «трех братских народов», а украинские националисты («мазепинцы», как их называли сто лет назад) внушали своим адептам, что это не только не «братские», а изначально враждебные народы. Но в обоих этих случаях произошел отход от многовекового сознания единства русского народа.

Для сравнения также стоит напомнить, что 100 лет назад на землях основных европейских стран проживали народы, почти не понимавшие языка друг друга, но благодаря очень жесткой ассимиляторской политике теперь мы имеем практически однородные в языковом отношении массивы немцев, французов, британцев, итальянцев и т.д. Но 100 лет назад языки баварцев и саксонцев различались между собой намного больше, чем малороссийский и великороссийский диалекты русского языка, а например, большая часть жителей Италии тогда вообще не понимала итальянского литературного языка и т.д. Тем самым, процессы в Европе и в России в XX веке текли в противоположных направлениях — унификация в Европе и искусственный этнический раскол в России, в результате которого были сконструированы «украинцы» и «белорусы», а русскими стали считаться только великороссы. Но по европейским стандартам «украинцы» и «белорусы» — это нонсенс.

Уже после двух недель военной спецоперации, на Украине начался социальный хаос, бегство «элиты» и реальное безвластие. «Упоротые» националисты опираются на определенную часть населения, которая хотя и является меньшинством в стране, однако весьма активна, агрессивна и консолидирована. Кроме того, многие из них имеют опыт карательных операций в Донбассе. В этой ситуации после переучреждения нового государства на территории Украины будет необходимой специальная политика денацификации страны, которая должна проводиться на уровне государственной программы.

В истории имеется ценный прецедент проведения денацификации в послевоенной Германии. В восточной ее части, находившейся под контролем СССР, она проходила в более жесткой форме, чем в западной, которая позже стала называться ФРГ. Однако в обоих случаях этот процесс был достаточно безболезненным и не сопровождался массовыми репрессиями. Наказания нацистских преступников имели «точечный» характер лишь на основании судебных расследований, а основная масса населения при этом никак не была затронута, хотя формально можно было считать, что с нацистским режимом сотрудничали все без исключения. Благодаря такой аккуратной политике процесс денацификации был осуществлен быстро и эффективно. Важную роль в нём сыграло и новое законодательство, запрещавшее нацистские организации и пропаганду их идеологии. То же самое необходимо будет сделать на Украине с учетом того, что мно-

гие из укронацистов попытаются замаскироваться под весьма нейтральными политическими «вывесками».

Второй аспект состоял в работе с массовым сознанием, которое перед этим много лет подвергалось массивной нацистской пропаганде. Весьма похожая ситуация в настоящее время имеет место и на Украине, где уже *de facto* официальной является бандеровская идеология, которая в 1940-х годах фактически была разновидностью нацизма и гитлеризма. Тем самым на Украине придется повторить тот же самый путь культурной денацификации, который в свое время прошла Германия. Тот немецкий опыт нужно будет использовать и в сфере антинацистского законодательства, и в сфере культурной политики, в первую очередь, в сфере перестройки образования. В политической и административной сферах совершенно необходимой будет люстрация кадров — запрет на эти виды деятельности тем лицам, которые работали на ответственных должностях в административной сфере и в политике после 2014 года, либо были активными пропагандистами. Без проведения денацификации Украина будет всегда оставаться в состоянии латентной гражданской войны и политического хаоса.

После завершения операции по демилитаризации и денацификации Украины перед Россией встанет весьма сложная задача обустройства этой территории. Хотя президент России В.В. Путин ранее неоднократно напоминал, что агрессия Украины против Республик Донбасса приведет к ликвидации украинской государственности, однако это не означает, что это произойдет одномоментно. Операция по демилитаризации и денацификации Украины ликвидирует нацистский марионеточный режим на её территории, но до полной реинтеграции этих территорий в состав единого Российского государства еще должен пройти определенный переходный период, на протяжении которого Украина будет восстанавливаться как дружественное России государство, а политической интеграции будет предшествовать интеграция экономическая. Но для этого должна произойти полная смена политической и экономической элиты на украинской территории.

Государство «Украина» представляло собой весьма специфическое явление даже на фоне остальных современных «несостоявшихся государств», которые не в состоянии поддерживать своё существование в качестве жизнеспособной политической и экономической единицы. Эта специфика состоит в том, что нынешняя Украина как государство, с одной стороны, было изначально нежизнеспособно и обречено на

вымирание и распад, но с другой — активно использовалось для нанесения максимального вреда России как главному геополитическому конкуренту Запада. Смысл создания Украины как государства для Запада изначально состоял именно в этом, включать Украину в «европейское сообщество» и тем более в «золотой миллиард» изначально никто не собирался. Тем самым, Украина изначально была для Запада своего рода «инструментом одноразового применения» по принципу — «использовал и выбросил». И это естественно, поскольку Украина как инструмент геополитической войны Запада против России сама является частью исторической России. Тем самым, ее кураторы из Вашингтона рассчитывали достичь одновременно сразу двух целей: с одной стороны, сначала создать для России разнообразные проблемы с помощью этого враждебного ей государства, а с другой — параллельно привести к ничтожеству само это государство, чтобы его территория в будущем не стала для России фактором ее усиления. Запад понимает, что Украину рано или поздно придется вернуть в качестве исконной русской территории, но он рассчитывает вернуть России территорию Украины только как пустыню, а не как развитый регион. Происходящие ныне события перечеркивают этот гнусный план, который был бы наихудшим и для России, и для Украины.

Естественно, что такая стратегия не может быть озвучена ни в каких официальных документах, однако она легко прочитывается аналитически, исходя из общих процессов, происходящих на Украине после 1991 года. Если бы Запад действительно хотел включить Украину в свое цивилизационное сообщество (в «Эуропу», как это называют на Украине), то его политика по отношению к ней была бы примерно такая же, как к Польше — она включала бы в себя реальные инвестиции на сотни миллиардов долларов, включение Украины в европейские структуры, НАТО и т.д. Но ничего подобного с самого начала Запад делать не собирался, а от самой Украины ничего не зависело. Внутренние инвестиционные возможности страны мизерны и в основном принадлежали местным олигархам, а к настоящему времени уже практически исчерпаны. Западные инвестиции в основном шли в банковскую сферу — т.е. в реальности были не инвестициями, а как раз наоборот — каналами выкачивания из страны основной части прибылей. В этой ситуации Украина уже обречена была всегда оставаться бедной страной «третьего мира» с полностью коррумпированной государственной системой.

В таком состоянии страна могла существовать достаточно долго, но ее неизбежный крах приблизили два новых факто-

ра: 1) внутренний — старение и вымирание населения и бегство из страны самой трудоспособной его части, что привело к катастрофической депопуляции, еще большему обнищанию и уничтожению экономики; 2) два государственных переворота в виде так наз. «майданов», которые уничтожили остатки государственного суверенитета и привели к власти в стране полностью управляемую извне колониальную администрацию и установили авторитарный режим, полностью уничтожив всякую возможность мирной смены режима и возрождения страны.

Единственным условием выживания и возрождения народа, живущего на территории современной Украины, является переустройство государства. Сохранение того государства, которое существовало на данной территории до настоящего времени, неизбежно привело бы к почти полной депопуляции этой территории и как следствие — разделу ее на зоны ответственности между сопредельными государствами. Учитывая темпы депопуляции, это может произойти в ближайшие 20—25 лет. Единственной возможностью избежать такого развития событий является полное переустройство государства на этой территории. Новое государство может иметь иное название, но суть дела не в этом, а в том, что в его основу должен быть положен новый реальный общественный договор между народом и новой властью, основанный на интересах народа, проживающего на данной территории. Если же такая власть, основанная на новом договоре, не возникнет, то переустройства государства не произойдет. А это, в свою очередь, будет означать только одно — дальнейший безальтернативный путь вымирания и бегства народа и крах антинародного государства.

Государство, возникшее на территории Украины в 1991 г., изначально не было самостоятельным политическим субъектом и пыталось выстраивать свою политику, ориентируясь на своих западных покровителей. С другой стороны, ему приходилось поддерживать нормальные отношения с Россией, от которой Украина была и остается экономически зависимой по объективным причинам. В таком положении Украина некоторое время даже имела возможность небольшого экономического роста в начале 2000-х годов, но этот процесс был насильственно прерван первым «майданом» 2004 г. Как известно, Украина является единственной из всех стран «бывшего СССР», которая так и не смогла восстановить уровень советского ВВП 1990 года. Второй «майдан» 2014 г. сделал процесс разрухи уже необратимым. Этот процесс будет идти до своего логического завершения в виде разрушения экономики и государства, обвальной депопуляции и социальной

катастрофы — в том случае, если не будет реализован альтернативный вариант будущего в виде переучреждения государственности на этой территории.

Каким образом это может произойти? Объективной основой бытия любого государства является общественный договор между ним и народом, проживающим на его территории. Понятие «общественный договор», как известно, появилось в эпоху Просвещения и обозначает четкий критерий жизнеспособности и легитимности любого государства. Только до тех пор, пока выполняется общественный договор между обществом и государством, государство живет и развивается, а когда государство этот договор нарушает, оно обречено на разрушение. Это разрушение может быть не быстрым, т.к. государство может долго существовать и без поддержки его народом, по «инерции», просто потому что его пока нечем заменить. Официальная часть общественного договора сформулирована в Конституции государства, но его неофициальная часть на самом деле еще важнее — это соответствие ожиданий и интересов народа, с одной стороны, и действий государства — с другой.

Общественный договор, на котором было основано государство на территории Украины в 1991 году, был основан на обещании государства обеспечить народу не только развитие, но и вхождение в новую общность, которую на Украине называют «Европой». За прошедшие 30 лет оба эти обещания не только не выполнены, но процесс идет вообще в прямо противоположном направлении. Вместо развития Украина быстро вымирает, а вместо «Европы» она стала одной из отсталых стран «третьего мира». Этот факт власть на Украине традиционно объясняло якобы «неготовностью» страны к интеграции «в Европу». Такое «объяснение» ориентировалось на невежественного обывателя, являлось обманом и манипуляцией сознанием масс. На самом же деле интеграция «в Европу» не зависит от чьей-то готовности, а является «техническим» процессом, который обеспечивается мощными инвестициями и включением страны в евроструктуры. Если этого не происходит, то сама «готовность» не играет никакой роли. Как видим, на протяжении 30 лет Евросоюз никогда не собирался запускать этот процесс, а от самой Украины здесь ничего не зависело. Тем самым, в основу договора, на котором было основано существование современной Украины, с самого начала были положены ложь и откровенный обман проживающего здесь народа.

Отмеченное в прошлом году 30-летие «независимости» Украины позволяет сделать выводы относительно целой ис-

торической эпохи. Эти выводы достаточно очевидны. Став марионеткой Запада, Украина все равно объективно осталась частью русской цивилизации — и не только по языку и остаткам культуры, но и по абсолютно объективным экономическим критериям, поскольку Запад рассматривал Украину в своем экономическом пространстве только в качестве пустой сырьевой периферии. Никаких инвестиций, которые могли бы подтянуть ее хотя бы до уровня Польши, туда изначально делать не предполагалось — планировалась лишь долговая удавка, которая работала весьма успешно, убивая остатки экономики.

Всё это прикрывалось невероятно лживой и лицемерной фразой о том, что «Украина должна сначала сама построить у себя Европу» — то есть в условиях, когда в стране не оставалось ни копейки на какие-то инвестиции, поскольку всю прибыль через свои банки отсюда высасывал тот же Запад, строящий на этом грабеже нищих стран свое воровское «благополучие». Запад понимал, что, убивая Украину, на самом деле он убивал часть не своей, а именно русской цивилизации — со своими так не поступают. Давно известно интервью Дж. Сороса, в котором он проговорился о целях Запада на Украине: по его словам, Украина Европе не нужна, она останется России, но в итоге Россия получит пустыню, которая станет для нее лишь обузой. То есть, уничтожая Украину, «хозяева мировых денег» на самом деле уничтожали Россию — по частям, сначала расколов ее на «независимые» государства, как они к этому всегда и стремились. Обычно спорят о степени достоверности упомянутого интервью, однако, по сути, это даже не важно, поскольку к точно такому же выводу приводит и объективный анализ происходящих процессов. За 30 лет Украина потеряла треть населения и почти всю промышленность, не говоря уже о территориях — Крыме и Донбассе. Никаких предпосылок к тому, чтобы повернуть вспять процесс деградации и вымирания — не было и не предвиделось. Еще через 30 лет территория Украины превратилась бы почти в пустыню, которая при наихудшем сценарии развития событий была бы разделена на сектора, контролируемые соседними государствами. Единственный шанс у этой территории не быть в перспективе заселенной иммигрантами — это полная смена государственности, без которой невозможно изменение этой катастрофической ситуации. Нет сомнений, что весь правящий класс Украины был прекрасно осведомлен об этой перспективе. Поэтому все они, начиная с президента Зеленского, имели иностранные паспорта и недвижимость за рубежом. Украину они рассматри-

вали исключительно как удобное временное место ведения своего полукриминального бизнеса, но в перспективе жить здесь не собирались (а их дети давно уже учились и жили на Западе). Это была оккупационная власть в самом буквальном смысле слова. Они планировали уехать, оставив здесь умирающее население.

Поэтому совершенно закономерно, что уже в 2021 году руководство Российской Федерации озвучило принципиально новые тезисы относительно взаимоотношений с Украиной. В частности, В.В. Путин озвучил тезис о том, что жители Украины и России являются одним народом, искусственно разделенным в результате катастрофических событий XX века. Этот тезис всегда являлся аксиомой в среде академических ученых, но в качестве политического тезиса это озвучивалось впервые после 1917 года. Статья В.В. Путина об Украине означала фундаментальный поворот в политике России: если ранее речь шла о сотрудничестве братских народов и, более того, часто даже и о безвозмездной помощи Украине (еще ранее президент также озвучивал цифры фактической донорской помощи России Украине в виде низких цен на газ и др.), то в с 2021 года ситуация принципиально изменилась. После того как Украина, полностью находясь под внешним управлением, развязала войну на Донбассе против проживающего там русского населения и позиционировала себя как страну, находящуюся в состоянии войны с Россией, эта политика, ориентированная на братскую помощь, стала невозможной. С этого времени речь шла только о том, что Российская Федерация берет под защиту проживающее на Украине русскоязычное большинство ее населения. Это уже было сделано по отношению к народу Донбасса и являлось последним предупреждением.

В свою очередь, статья Д.А. Медведева об Украине стала уже логическим завершением публичного формулирования новой стратегии России по отношению к этой стране. Основной тезис этой статьи — о полной невозможности иметь дело с той властью, которая сложилась на Украине под внешним управлением — означал начало принципиально нового периода истории. Фактически было сказано о том, что Украина в том виде, в котором она существовала, не является для России серьезным политическим партнером и что грядущая «перезагрузка» власти в этой стране абсолютно неизбежна.

Вернемся к вопросу о том, каким образом может происходить переучреждение государственности на территории Украины как конкретный политический процесс. В условиях

мирного развития событий, то есть медленного гниения, «пусковым механизмом» этого процесса стал бы крах ее экономики и политической системы, что неизбежно привело бы к социальному хаосу. Крах экономики уже был неизбежен как следствие ее долгой деградации и катастрофического сокращения доли трудоспособного населения. Уже в ближайшие годы на Украине стала бы невозможной полная выплата пенсий из-за старения населения, а трудовая миграция за рубеж еще более усилилась бы. Потеря «кормовой базы» полукриминального бизнеса, за счет которой существовала украинская так называемая «политическая элита», также достигла бы критического уровня, который заставил бы большинство этих людей эмигрировать и выводить свои капиталы за границу. В условиях общего экономического и политического коллапса начались бы выступления населения во главе с бывшими боевиками, воевавшими против Донбасса, у которых на руках имелось большое количество оружия. В этой ситуации неизбежно были бы попытки переучреждения государства, исходящие от этих боевиков, исповедующих неонацистскую идеологию. Но поскольку эти люди не способны ни к какой созидательной деятельности и не имеют поддержки у основной массы населения, то они не имели бы успеха, но только дальше раскручивали бы сценарий гражданской войны. Однако события февраля—марта, к счастью, остановили этот наихудший для Украины сценарий развития событий и создали совсем иную перспективу.

Ход операции на Украине оказался очень показательным во многих отношениях. Во-первых, он показал, что русофобская «пятая колонна» в России вовсе не так сильна и не так велика в общей доле населения России, как может показаться, если судить по социальным сетям. Русофобы активны и агрессивны в виртуальной реальности, а в реальности настоящей трусливы и малочисленны. Основная масса населения России поддерживает операцию и очень хорошо понимает её необходимость. Вместе с тем, много оказалось и представителей «диванных войск», которые почему-то считали, что должен произойти «блицкриг» за неделю. Такое мнение говорит не о большом уме. Стоит хотя бы вспомнить две кампании в Чечне, которая меньше Украины по площади и по населению в 20 раз, — эти кампании длились по несколько месяцев, даже не считая последующей борьбы с подпольными террористами. Кроме того, с самого начала ставилась задача максимально сократить потери как среди собственных войск, так и среди мирного населения — а это сразу же означает медленное продвижение с долгой осадой городов. Кроме

того, РФ использует мало войск — исключительно контрактников — и поэтому с самого начала Украина имеет превосходство в личном составе в три раза, которое сохраняется и дальше в силу мобилизации на Украине. Хотя население Украины массово прячется от мобилизации и бежит за границу, но кого-то и призывают — фактически, «на убой». Стратегия российской армии состоит в минимизации контактных боев и разгроме противника за счет господства в воздухе и многократного превосходства в артиллерии. Это «классическая» война XXI века. Так воевали и американцы в Ираке — однако в отличие от них, русская армия старается спасти мирное население.

Во-вторых, быстро стало понятно, что максимально цивилизованный вариант войны, при котором только уничтожается украинская армия и её инфраструктура, а затем меняется власть на Украине на более вменяемую, не получится. Не получится в силу того, что украинская армия воюет по методу террористов — прячась в городах и прикрываясь мирным населением. Это затягивает операцию, приводит к жертвам среди мирного населения и уже не оставляет возможности сохранить Украину как целостное государство. В конце марта было официально заявлено представителем МИД РФ Марией Захаровой: «Главный шанс на существование Украины в собственных границах, Украины суверенной, Украины независимой они уже упустили». Создание военно-гражданских администраций (ВГА) на освобожденных территориях означает, что на них уже не будет юрисдикции Украины и у них иное политическое будущее. На территории исторической Новороссии и в Харьковской области, вероятнее всего, произойдет создание народных республик по модели 2014 года с последующим их принятием в состав Российской Федерации. Судьба остальных территорий будет зависеть от геополитических раскладов.

Хотя общие потери в ходе операции и не сопоставимы с серьезными войнами, тем не менее, это большой народный подвиг с тяжелыми жертвами. Поэтому нужно довести начатое до конца и не повторить ошибку 2014 года.

г. Луганск, ЛНР

ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

РАССКАЗ

*Посвящается санинструктору
Великой Отечественной войны
Надежде Трофимовне Мажугиной*

1
И снова видела она этот сон: ее окружают немцы, как тогда, в феврале сорок пятого, и она несется по снегу, скатывается по склону к ручью, обламывая кусты, цепляясь за ствол какого-то деревца и чувствуя, как проламывается под ногами лед, и в сапоги быстро натекает вода, обжигающая ледяным холодом; но висит неподвижно, замерев, слыша топот и отрывистые выкрики наверху... Вздрогнув, открыла глаза. Во тьме тикали настенные часы. В щель между штор, сквозь тюль с улицы падал на потолок оранжевый прямоугольник света. Она слышала тяжелые и частые удары своего сердца, невесть в который раз переживая только что увиденное почти с той же отчетливостью, что и более полувека назад. Давило в затылке, покалывало в висках. Уснуть теперь не удастся долго, она знала.

Откинув одеяло, села на край кровати, сунула ноги в тапочки, нащупала в темноте висящий на спинке стула халат, встала и, надев его, пошла медленной, грузно перевалива-

ПРОЗА

ющейся походкой на кухню, чувствуя при каждом шаге боль в ступнях. Включив на кухне свет, зажгла газ, поставила на плиту чайник и села за стол. Ступни побаливали, это была память об обморожении тогда же, в феврале сорок пятого, в Восточной Пруссии, в тот самый страшный в ее жизни день.

2

Их полк, в котором она, Надежда Василенко, была санинструктором 76-миллиметровой батареи, уже несколько дней — без сна и отдыха — продвигался к морю. Разведчики оплошали, и противнику удалось, как говорили на фронте, «оторваться», неожиданно и бесшумно. Противник, вероятно, находился теперь где-то далеко впереди, и был получен приказ — во что бы то ни стало догнать его и завязать бой.

Все были измотаны до предела, но спать можно было только на ходу: один другого берет за руку и ведет, а тот закрывает глаза, расслабляется, засыпая, и ноги уже идут сами, помимо воли: сон-не сон, а все хоть какой-то отдых в дремотном полусабытии. Всех донимал и голод, поскольку тылы вместе с кухней далеко отстали. И лишь орудия были с ними. Но снарядов оставалось всего несколько штук.

Стояла тишина, и казалась она после боев и артналетов жуткой. А вокруг раскидывались живописные места, очень не похожие на те, к которым привыкли глаза Надежды у себя в Западной Сибири, где всюду равнина да березовые околки. Дорога здесь не уходила, как там, в бескрайнюю даль, а терялась в перелесках, холмах и оврагах. Не слышалось пения птиц, не видно было следов зверей на снегу. Вся живность куда-то подевалась, — наверное, бежала, как и люди. А люди, запуганные немецкой пропагандой, устремились к Кенигсбергу; в страхе перед Красной армией оставили свои красивые, похожие на сказочные, домики с красными островерхими крышами, видневшимися то тут, то там среди холмов. Вокруг домиков все было ровно занесено снегом.

В то утро шли по лесной дороге, стараясь осторожно ступать по снегу, и Надежде казалось, что у каждого есть точно такое же, как у нее, недоброе предчувствие. Оно словно витало в морозном воздухе, давило и сковывало. А ведь это был праздничный день для всех бойцов: 23 февраля!

Вот лес кончился, и дорога будто нырнула в тоннель, пошла меж двух высоких откосов, буквально зажатая ими с обеих сторон. Послышалось оживление впереди, и до задних рядов быстро дошла весть, что на пути стоит немецкий хутор, фольварк. Возле него-то, говорили, будет, наконец, привал. Слышался тихий смех и повеселевшие голоса: на-

ведаемся, мол, во фрицевские подвалы и погребка да отпразднуем нашу дату!

Никто еще не знал, что полк попал в засаду.

А многие не успели и понять этого, погибнув сразу, как только откуда-то сверху, будто с безоблачного неба, от весело сверкающего солнышка обрушился страшный грохот, вой, автоматные очереди. Все смешалось, замелькали спины, лица, в небо взлетали комья земли, с откосов били автоматчики. Навстречу и сзади, из леса, неслись немецкие самоходки, давя людей гусеницами и расстреливая их из пулеметов.

Полк оказался зажатым со всех сторон.

Надежду куда-то швырнуло, она потеряла сознание, а когда очнулась, лежала в глубоком снегу, без автомата, в кювете у дороги, на которой творилось что-то ужасное. Втянув голову в плечи, совершенно оглохнув и почти обезумев, она поползла по кювету, осыпаемая земляной трухой и снегом, и ползла, пока не соскользнула вниз и не очутилась под мостом через глубокий овраг. Забравшись в просторную, диаметром больше человеческого роста каменную трубу, она снова потеряла сознание, а когда пришла в себя, наверху стоял все тот же шум. Это никак нельзя было назвать боем. Товарищи Надежды просто гибли без какой-либо возможности сопротивляться, без малейшего шанса остаться в живых. Но никто из них не просил пощады и не сдавался в плен.

Внезапно выстрелы прекратились, самоходки ушли. Ветер шумел в трубе. Сильно пахло гарью. Было очень холодно. Вдруг снова послышался рокот самоходов, треск мотоциклов. На мосту они остановились. Грохнуло два взрыва, застучали выстрелы. Видно, добивали оставшихся в живых. Надежда лежала в трубе под мостом, и по ее лицу от бессилия и страха текли слезы. В пистолете у нее оставалось три патрона, и она решила: если обнаружат, два выстрела в них, третий — в себя. Сразу как-то легче стало и вроде даже теплей. Остаться в живых она не надеялась. Достала из своей санитарной сумки огрызок карандаша и написала на мерзлой поверхности каменной трубы адрес отца, дату и просьбу передать ему, что в этот день его дочь погибла.

3

Наверху смеялись, говорили по-немецки. Впервые в жизни слышала она их речь, хотя на фронте была с сорок третьего. Судя по звукам и падающим на откос теням, они начали что-то ремонтировать. Солнце, клонясь к закату, стояло уже низко. Один подошел к краю моста, его тень на откосе тоже была видна ей. Рядом с ней что-то упало в снег, Надежда по-

думала — граната, бесшумно рванулась в сторону, легла лицом вниз, обхватив руками голову... Но не было взрыва. Она отползла к середине трубы, села и стала ждать, сжимая в кочeneющей руке «вальтер». Вскоре немцы закончили ремонт и уехали. Надежда встала, подошла к краю трубы и подняла то, что упало сверху. Это было советское зеркальце, маленькое, круглое, на обороте — фотография Большого театра. Ей вспомнилось, как незадолго до этого они с подругой, фельдшером Клавой, зашли в пустой немецкий дом и подивились порядку на кухне. Все там было аккуратненько расставлено по полочкам. Они разглядывали посуду, и вдруг им попала кружка со штампом нашего фарфорового завода на дне. Ах, так?! Значит, кто-то из хозяев этого дома воевал в Советском Союзе, наверное, в отпуск приезжал, трофеи привез! И они с Клавой поперекрыли там все из автоматов.

Теперь, когда она смотрела на это зеркальце, в ней не возникло той ярости, было лишь чуточку грустно: доведется ли еще когда-нибудь побывать в Москве, побродить у Большого театра? Она повернула зеркальце другой стороной и увидела в нем свое перепачканное землей, измученное лицо. Через силу сама себе улыбнулась: а ведь жива еще, жива! Сунув зеркальце в карман своей армейской кожанки, она прошла в другой конец трубы, где лежали бугром какие-то одеяла, полужанесенные снегом. Она сорвала одно одеяло, другое, третье... Под ними были тщательно уложены книги, толстые, в красивых, с золотым тиснением переплетах, на немецком языке. Надежда неплохо читала по-немецки, но было не до этого. Она укуталась в одеяла, легла на книги и стала ждать темноты. Сознание отключилось незаметно. Это был не сон, забыть.

Когда очнулась, продрогнув до костей, стояла ночь.

Надежда осторожно выглянула из-под моста. Луна светила очень ярко, и виден был не только каждый кустик, но и каждую травинку можно было различить на снегу. Она забралась на откос и увидела за дорогой костер. Возле него сидели трое немцев. Один играл на губной гармошке, другой ел, скребя ложкой по консервной банке, третий ворошил прутиком угли. Четвертый немец стоял в стороне, на груди у него висел автомат. Надежде стало понятно, что наши сейчас не близко отсюда, но надо пробираться к ним, пусть наугад, главное, не стоять на месте, а идти и идти вперед. Собрав все силы, она быстро поползла прочь. Где-то раздавались выстрелы, трещали очереди. Изредка воздух прорезали пунктиры трассирующих пуль. Надежда отползла подальше от костра, встала и пошла по бездорожью, то и дело проваливаясь в снег.

И до рассвета скиталась по перелескам, холмам и оврагам. На холмы поднималась на четвереньках, а спускалась с них, как придется, кубарем.

4

Под утро ей не повезло: нарвалась на немцев. Она огибала холм, и вдруг ее ослепил высокий огненный столб, с него летели в небо клубы искр. Она замешкалась, и немцы, что стояли у своих мотоциклов вокруг горящего дома, успели ее заметить и бросились за ней... А дальше происходило то, что невесть в который раз приснилось ей сегодня: она бежала вдоль ручья, скатывалась к нему сквозь кусты, цеплялась за ствол дерева, чувствуя, как проламывается под ногами лед и в сапоги натекает ледяная вода, и висела, затаив дыхание. Немцы пробежали поверху. Хорошо, что еще не рассвело, и у них не было собак. Они прочесали кустарники очередями из автоматов. Пули, обламывая ветки, пролетели мимо, и все стихло... Когда выбралась наверх, ноги были насквозь мокрыми. Пришлось снять сапоги, размотать портянки, надеть на ноги свои двупалые рукавицы и привязать их бинтами к стеганым штанам. В голенищах сапог она проделала дырки трофейным кинжалом, пропустила в них скрученный бинт, связала и повесила сапоги на шею. Небо потихоньку светлело. Надежда забралась на самый высокий холм. Стрельба не прекращалась. Она увидела стог сена на заснеженной поляне, хотела перебраться в него, уж больно замерзла, но стог вдруг загорелся.

Точно так же, от зажигательной пули, загорелся стог сена на берегу реки Буг, в сорок четвертом, перед форсированием. В том стогу, переправившись ночью через реку, обосновались двое разведчиков — старший лейтенант Дойников и сержант Мирза. Они засекли огневые точки противника и передали координаты по рации, зная, что для них это — верная гибель. Немцы, конечно, быстро их запеленговали и открыли по стогу огонь. Стог вспыхнул, в рации прозвучало: «Все, про...» — и на этом конец. Родителям Саши Дойникова, которого все в полку любили, Надежда, как комсорг, написала письмо, и все под ним подписались.

Она вспомнила тот случай, глядя на горящий стог с холма, и содрогнулась, представив, что было бы, заметь она этот стог раньше и переберись в него... Холод брал свое. На склоне холма, в перелеске, откуда видна была дорога, она нашла большую пустую нору под деревом — то ли кабанью, то ли волчью, — залезла в нее, нагребла к себе побольше прошлогодней листвы вперемешку со снегом и так лежала, по грудь

в норе, начиная задремывать, и видела, как кто-то пришел к ней, такой красивый, весь в белом, окутанный белым облаком, и что-то ласковое ей говорит.. И вспомнила она прочитанное когда-то, еще в детстве, — о том, как замерзающему человеку грезились такие же видения, и поняла, что замерзает, стала кусать себе руки, грязные, задубевшие, бесчувственные, кусать изо всех сил... А потом вдруг услышала шум моторов, и сначала подумала, что и это ей кажется, но, посмотрев вперед, на дорогу, увидела, как по ней выезжают из-за поворота машины, «студебеккеры», с пушками сзади. Одна машина потянула вверх, на склон, пушка у нее отцепилась, поехала вниз. Из задней машины выскочил водитель и заорал родным русским матом... Как она вылетела из норы, как бежала к ним, плакала, кричала!.. Ее усадили в кабину, а потом в доме, где жарко топился камин, кормили, поили, расспрашивали... Это была не ее часть. Уснула она пьяной — не понять, от чего больше, от спирта или от счастья. Когда на другой день встретила со своими, с теми, кто остался в живых, ее и узнали не сразу, настолько измощена была и ободрана. Кожа с ног потом облетала хлопьями, все ногти снялись, как туфельки...

И болели с тех пор ноги, и до сих пор болят.

5

Закипел чайник. Надежда Тимофеевна встала из-за стола, выключила газ, заварила чай в красном в белый горошек фарфоровом чайничке и снова села. Воспоминания наплывали и наплывали, как и во все последние дни, наверное, еще и оттого, что недавно ей пришлось припомнить во всех подробностях тот День Советской Армии сорок пятого, чтобы написать рассказ для конкурса инвалидов: приезжала начальник управления социальной защиты населения, попросила принять участие. Надежда Тимофеевна чуть было не сказала: мне-то на том конкурсе место ли? Да спохватилась, вспомнила, что ведь и она теперь инвалид, вторая группа, сказались и контузии, и все тяготы войны, — и ее на дому обслуживают: два раза в неделю приезжает молодая женщина, работник того же управления, покупает продукты, помогает по дому... Ладно, сказала, подумаю. И написала.

Потом ее на машине возили во Дворец молодежи, и там, в красиво обставленном холле с баром и небольшой сценой, освещенной огнями иллюминации, она сидела среди других участников, в выходном костюме, с наградами на груди. Были там и пожилые люди, и молодые, и дети. Читали свои

стихи, сказки, пели песни под гитару, играли на аккордеоне... Совершенно неожиданно для Надежды Тимофеевны ее рассказ занял в литературном конкурсе второе место. Она получила денежную премию, потом рассказ был напечатан в газете, как раз перед ее семидесятипятилетием. Звонил корреспондент, сказал, что хочет написать о ней очерк, в следующем месяце придет. Газеты о ней уже писали, последний раз — к 50-летию Победы, девчонка-журналистка хорошо написала, статья была с фотографией сорок третьего года, на ней двадцатилетняя Надежда во всю ширь лица улыбается — в шинели с нашивками старшего сержанта на воротнике, в армейской, со звездой, шапке, из-под которой выются пышные темные волосы. Этот портрет висит на стене в комнате. Переснимавший его для газеты фотограф восхищенно сказал: «Ну и красавицей вы были!»

Верно, Господь внешностью не обидел. Да и живой была, веселой. И силенка откуда-то бралась, несмотря на худобу и небольшой рост, когда надо было вытаскивать раненых, даже массивных, тяжелых, таких, как Морозыч, пожилой связист, относившийся к ней как к дочери. Нередко она помогала ему нести шестнадцатикилограммовую катушку с проводом, с ним всегда играла в паре в карты, сделанные из газет, во время затишья в Польше.

Там, неподалеку от их окопов, стоял костел, а возле него — дом ксендза и огромный сад, в котором росли чудесные яблоки. Ксендз, видно, специально их выращивал, свои сорта выводил, нигде больше таких яблок Надежда не встречала.

Играли раз в дурака на интерес: кому идти за яблоками. Они с Морозычем проиграли и пошли. Туда добрались нормально, два сидора яблок нарвали, а на обратном пути попали под артналет, как всегда, неожиданный. Пришлось отлеживаться в каком-то овраге, с ног до головы перемазались в глине, а когда вернулись, их увидел Каравашкин, комбат. Надежде он ничего не сказал, а Морозычу выговорил: «Как вам не стыдно! Вы человек в возрасте, пошли с ребенком!» А сам был на год моложе Надежды, на фронт ушел со второго курса московского института, добровольцем. Объявил он Морозычу «губу». А какая на передовой «губа»? Так, для виду сказал. Его стали угощать яблоками, он не взял, ушел хмурый. Потом один из бойцов все же отнес ему отборных, полосатеньких.

Позже в одном из боев Каравашкина ранило в плечо, сильно раздробило. Надежда должна была доставить его в медсанбат. Поехали на машине, что снаряды возит. В кабину комбат сесть отказался, сказал Наде: «Я с тобой в кузов!»

Она по молодости (потом, вспоминая, хохотала над собой) боялась, что рука у раненого при тряске может оторваться, и привязала руку к его телу ремнем. Ехали через поле, которое простреливалось как нельзя лучше. Шоферу на войне опасней и сложнее, чем кому бы то ни было. Как он их вез! Зигзагами, рывками... Кругом снаряды рвутся, кажется, вот-вот — и конец. В кузове уцепиться не за что, катались от борта к борту. Неимоверную боль терпел комбат, но ни звука, ни стопа. Не верилось, что и доедут, а когда доехали, Надежда обняла шофера:

— Спасибо, что все-таки довез!

Он смущенно улыбнулся:

— Ну, обратно уж не повезу, со снарядами буду.

Каравашкина не пустила больше на фронт. Он писал Надежде уже из Москвы: рука на месте, только действует плохо.

А с Морозычем получилось так. Однажды они шли с ним вдвоем на НП, он впереди, она сзади. И вдруг за спиной разорвался снаряд. Морозыч упал на землю, а она прямо на него: когда уж там выбирать-то было? Он закричал снизу:

— Ранило!

Она, поднимаясь, недоуменно спрашивала:

— Да как же это?!

И ничего не могла понять:

— Ты ведь снизу был!

Перевернула его, расстегнула одежду... Точно! Весь живот в крови, внутренности видно. Осколок как-то низом прошел...

Перевязала, потащила по траншее на плащ-палатке.

Потом оказалось — ничего страшного, сверху только распороло, а внутри все цело. Сделали Морозычу операцию и демобилизовали по возрасту.

Много раненых повытаскивала из-под огня, не перечить тех минут, когда на волосок от смерти была. Верила, что не погибнет, но было очень страшно. Главное, не хотелось погибнуть на чужой земле. Как-то в Польше зашла в лес, увидела могилку нашего солдата и подумала: «Никто сюда не придет!» Так лучше уж худо-бедно быть похороненной там, у себя, раньше говорили — на Большой земле.

Особенно туго пришлось в боях за Наревский плацдарм. Ей приходилось под очень плотным огнем переправлять раненых через Нарев. Не шибко глубокая, но это большая река, и очень хорошо просматривалась. Когда немцев отбросили, Надежда смотрела с их наблюдательного пункта; в трубу как на ладони был виден тот мостик, по которому она переполза-

ла с берега на берег и тащила по воде лодку-долбленку с раненым. Запомнился один капитан, у него было не такое уж сильное ранение, в кисть руки, но он так канючил, что пришлось крикнуть:

— Замолчи сейчас же!

Там, на Нареве, погиб Вася Прудников.

В сорок первом в районе Волоколамского шоссе, когда был дан приказ во что бы то ни стало задержать противника, и Вася остался один из всей батареи боеспособным, он вел огонь из четырех пушек: был и наводчиком, и подносчиком, и заряжающим, и замковым. И продержался до назначенного часа — когда подошло подкрепление. Послали на звание Героя Советского Союза, но Вася его не получил, наградили орденом Красного Знамени. Он был единственным солдатом в дивизии, носившим такой орден. Вася родился и жил в деревне, работал трактористом. На Нареве пуля попала ему в печень. Наверное, снайпер стрелял. Было ясно, что Вася умрет. Он и сам это понимал. Когда Надежда переправила Прудникова через реку, и его уложили на носилки, он попросил:

— Надя, поцелуй меня. Я никого еще не целовал.

И потом, закрывая глаза, добавил:

— Если б ты знала, как я тебя любил.

От неожиданности она растерялась, и не знала, что ответить. Очень хотелось сказать Васе что-нибудь хорошее, но ничего в голову не шло, а соображать было некогда — надо скорее возвращаться за другими ранеными... Да и о любви еще никакого понятия не имела.

6

Любовь пришла к ней позже, уже после тех боев, где-то через месяц, в ноябре сорок четвертого. Это был, конечно, не тот красавец капитан, командир батареи Рахманов. Он усиленно ухаживал за ней и даже — без ее ведома — объявил о предстоящей свадьбе. Она узнала об этом стороной, и, когда к ней с приглашением пришли двое солдат, шла с ними в соседний дивизион в полной растерянности. В командирском блиндаже уже собрались гости, полковое начальство, играл патефон, дощатый стол был по-фронтальному накрыт. Ей ничего не оставалось, кроме как сказать, что свадьбы не будет. Получилось очень неловко. Рахманов кричал, что она его обманула.

Она отбивалась:

— У нас и разговора о свадьбе не было!

Из блиндажа выскочила в слезах. За ней вышел другой капитан, незнакомый. Он сказал:

— Вы не расстраивайтесь. Пойдемте, я вас провожу.

Она ответила, вытирая слезы:

— Проводите, только... до половины... Чтоб там, у нас, не видели...

Идти было довольно далеко, через лес. Всюду уже лежал снег. Вечер был тихим и ясным. Красноватые лучи солнца просвечивали сквозь деревья. Шагая рядом с этим капитаном, она почему-то быстро успокоилась.

— А вы не помните меня? — вдруг спросил он. — Мы ведь с вами уже встречались.

Она удивленно посмотрела на него. Молодой, примерно ее возраста (потом оказалось, на полгода моложе), высокий, стройный, лицом — не сказать, чтоб красив, но симпатичен. А главное — глаза. Живые, искрящиеся, добрые какие-то глаза, они ей сразу показались своими, близкими. Она отвернулась, сглатывая, и сказала, стараясь придать голосу равнодушие:

— Нет, не помню.

Похрупывал снежок под ногами, капитан шагал прямо так, как вышел из блиндажа, без шинели и шапки, а температура была минусовая. Но он шел и не мерз.

— Перед Наревом, вспомните, — говорил он. — Вы куда-то шли по дороге со своих позиций, а навстречу попался офицер и спросил, где находится часть.

— А, так это были вы? — удивленно посмотрела она на него. И опять эти глаза, смеющиеся, проникающие в душу! Она отвела взгляд, нахмурилась.

А он говорил со смехом:

— Как это вы могли меня заподозрить?

В голову ей наплывал какой-то туман, в груди щемило. Странно, о скандале с Рахмановым она уже и не помнила.

— Хотя вы правильно поступили, — говорил он, и его голос доносился до нее как издали. — Проявили бдительность!.. А позвольте поинтересоваться, куда это вы направлялись одна?

— На свидание, — сказала она, тут же охнув про себя: «Что я говорю-то?!»

— Так-так, интересно! И как, состоялось оно?

— Нет, — ответила она поспешно.

— Почему?

— Я сразу пошла назад.

— Сообщать, что видели подозрительного типа? — опять засмеялся он. — То бишь меня!

— Я испугалась. Правда, не обижайтесь!.. Пошла в обход, кругами... — она и свой голос теперь слышала как бы издали-

ка, со стороны, и казался он ей севшим, охрипшим. — А вас, значит, — покосилась она на него, — перевели тогда к нам? Или вы раньше не воевали?

— Нет, почему, я на фронте с сорок второго. Перевели, да. В четвертом дивизионе я. Батареей командую. А можно еще вопрос?

— Пожалуйста....

— Кто был тот счастливец?

Другому и отвечать бы не стала или ответила бы грубо, а тут сказала просто:

— Разведчик один, Сережа Копылов. По рации меня вызвал... Так и не встретились мы: погиб на Нареве.

— Во-он как... — посерьезнел капитан. — Что ж, война... Тоскуете, небось, по нему?

— Нет... то есть... Как и по всем, кого знала... из погибших...

— А что ж так с Рахмановым-то обошлись?

Она вспыхнула:

— Я обошлась?! Да он... Ну его! Не было ничего! Я и не собиралась... Подумаешь, прогулялись два раза... Не хочу о нем говорить! — Она остановилась, помедлила в нерешительности. — Ну ладно, дальше вы не идите...

— И вообще оставьте меня в покое, — улыбнулся он. — Да?

— Я так не сказала...

— Вы сказали это недавно. Я ехал на лошади, вы — на встречу, тоже на лошади. Вид у вас был до того расстроенный, мне вас жалко стало! Я спросил: «О чем кручинитесь?» И вы сказали: «Оставьте меня в покое».

— Да?.. Это вы были? Опять вы? — растерянно смотрела она в его лицо, по которому двигались красноватые блики от солнца. — Странно... как-то... Это я тогда с Клавой, с подружкой поругалась... Ой!.. Пойду я...

Повернулась, сделала несколько шагов, остановилась... Что-то сказать надо было... Или спросить?.. Что?.. Не соображала. Пошла — быстрее, быстрее... Как в бреду!

7

В землянке был только Лаврентьев, радист. Она легла на свое место и отвернулась к стене.

— Что с тобой, Надюха? — спросил радист.

Не поворачиваясь, глухим голосом ответила:

— Влюбилась.

Лаврентьев так и подпрыгнул:

— Да ты что?! А ну-ка... — Шагнул к ней, повернул к себе лицом. В тусклом свете керосиновой лампы внимательно

посмотрел в ее глаза и расхохотался: — Точно! Ну, дела-а... Кто он? Как получилось? Рассказывай!

Лаврентьев был ей как старший брат — годами за тридцать, семейный. Она всегда ему обо всем рассказывала. Рассказала и тогда.

— Сейча-ас мы... — подсел к рации Лаврентьев.

Минут через десять они уже знали, что капитан этот, Григорий Митрофанов, — земляк Надежды, сибиряк, только из более дальних мест, из Красноярского края. Не женат, награжден орденом Красной Звезды.

— От тебя ему что-нибудь передать? — спросил Лаврентьев.

— Не надо! — вскричала Надежда — Ни в коем случае!

— Может, пригласить его?

— Нет, нет!

8

На следующий день он пришел без приглашения, поникший, вовсе не похожий на вчерашнего бравого капитана.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал он ей мрачно, при всех. — Не откажетесь прогуляться?

Ну, а уж в следующий раз они встретились на свадьбе. На своей свадьбе! Так же, в блиндаже, только не у Рахманова, играл патефон, было шумно, произносились тосты, заходили и заходили новые гости, поздравляли их, выпивали и уходили. У нее кружилась голова — никогда еще не была так счастлива! Рядом в сумраке блестели глаза Григория, не от выпитого, он не пил, отказывался наотрез, вообще был непьющим. Это Рахманов после того случая стал сильно пить, такая возможность, к несчастью, была: на их пути попадались виноводочные заводы, выпивки там было залейся (находились шутники, лошадей поили до того, что те падали мордой вперед, перебирая копытами). Жалко было Рахманова, хотелось хоть словом его утешить, но после того, как он на День артиллерии (тогда же, в ноябре сорок четвертого, уже после свадьбы) затеял драку с Григорием, она не могла с ним разговаривать. На свадьбе ей хотелось, чтоб этот день продолжался и завтра, и послезавтра, чтоб он длился вечно...

Но встречаться после свадьбы удавалось не чаще двух раз в месяц.

А потом еще и раздор случился. Не раздор даже, а так, легкая трещинка легла на их отношения, внешне вроде и незаметная, но для Надежды она была очень болезненной. Произошло это после того злополучного двадцать третьего февраля, когда она чудом осталась в живых. Пехотный полк, к которому была приписана батарея Григория, тоже в тот день

попал в засаду, но им пришлось полегче, место было просторней, успели сориентироваться, пробились к лесу, потери у них были не такие большие. Григорию только плечевой сустав выбило обломком дерева, но ему там же и вправили. Встретившись с ним, Надежда во всех подробностях рассказала о своих злоключениях.

Он слушал, слушал и вдруг спросил:

— А обо мне ты хоть раз вспомнила?

Она опешила:

— Гриша... да я, считай... на том свете была...

— Ну и что? Выходит, только на этом свете я для тебя есть?

Что это за любовь такая?

— Я вспоминала...

— То-то и видно, — усмехнулся он.

Она вспыхнула:

— А ты сам-то вспоминал обо мне в бою? У тебя-то какая ко мне любовь?

Он ответил спокойно, со вздохом:

— Любовь, она, как говорят, не пожар, а загорится — не потушишь... В том-то и дело, что я... Ладно! — отрубил он. — Хватит об этом!

И больше на эту тему не говорил, а если пыталась заговорить она, пресекал. Она кляла себя за то, что не сказала сразу, как все время думала о нем — и когда пряталась в трубе под мостом, и когда скиталась ночью среди холмов, и потом, когда замерзала в норе... Кляла себя за то, что вспыхнула, но исправить ничего не могла. Все было как будто по-прежнему, но в глазах Григория, когда они встречались, появилась едва уловимая настороженность, и даже отчужденность. Наверное, из-за того раздора он не стал встревать в ее конфликт с командиром полка Зигаровым. Она ему нравилась, и он вызывал ее к себе, говорил об этом напрямую... Дошло до того, что она влепила ему пощечину. Он сказал: «Пока я командир полка, твой Митрофанов ни одной награды не получит, так и знай!» Она ходила за двенадцать километров к комиссару дивизии добиваться, чтобы ее перевели поближе к Григорию, в его дивизион. Григория потом упрекали: «Ты сам должен был бороться!» Он хмуро отмалчивался.

— С характером был, — сказала Надежда Тимофеевна вслух, наливая кипяток в чашку и добавляя из чайничка заварки — чуть-чуть, а то как бы давление не поднялось, и без того чувствуется (к весне дело), а таблеток-то осталось всего несколько штук, надо экономить. Тяжко лекарства теперь достаются, в аптеку придешь, там говорят: бесплатно для вас

только это. А зачем оно, если не помогает? Мне вот это надо. А это — только за плату.

Одна знакомая, тоже фронтовик, прозвала эту аптеку «похоронным бюро бесплатных рецептов».

Раньше как было? Сталин дал приказ: фронтовикам лекарства бесплатно — приходи, бери в любое время. А теперь пенсии на них не хватает, мизерной стала пенсия-то, как урезанный паек, да и выдают ее с большими задержками, так что подолгу приходится сидеть на одном хлебе. Что за времена?! В войну и то сытней было!.. Ну, вот... Опять... О чем бы ни начинала думать, всегда мысли раньше или позже приходят к одному и тому же, к войне. И до сих пор трудно объяснить себе это, ведь из всей жизни только два года были отданы войне, и ладно бы остальная жизнь была бедна событиями, так нет же, и детство было необычным: отец служил в чекистах с восемнадцатого года, участвовал в разгроме белогвардейских банд в Томской губернии и на Алтае. И вот там-то, на Алтае, в двадцатых годах, когда отцу с охраной надо было переправлять золото, и не с кем было оставить ее и мать, она совсем еще маленькой девчонкой вдоволь намоталась по алтайским тропам в одном седле с отцом. Ночевали на берегу Катуня. Чуть какой шорох — сразу тревога, в ружье. Бывали и перестрелки. И тридцатые годы прошли бурно, в Омске — первые пионерские отряды, она была командиром дружины. И начало войны в тылу было полно событий: пришлось оставить учебу в мединституте и окончить курсы санинструкторов, но на фронт сначала не брали, она работала в колхозах, потом поступила в интендантское училище, эвакуированное из Ярославля. Жили в центре города, на территории старой крепости, в бывших конюшнях. На занятиях в «непроливашках» замерзали чернила... И после войны много всего повидала, работая в УВД, в исправительно-трудовых колониях... Но ничто так прочно не живет в памяти, как два года войны, ничто так не саднит, не мучает, не возвращает к себе с такой силой!

Взять хотя бы эти сны, от них никакого избавления! Вся жизнь делится на две неравные части, из которых та, что прошла без войны, кажется короче, меньше, и, что бы ни происходило в послевоенной жизни, сознание всегда невольно примеривало любое событие к жизни фронтовой, будь то склоки между соседями или вражда людей на работе, будь то еще что-то — все находило место для сопоставления в той, военной жизни; возмущение жестокостью людей друг к другу в житейских мелочах сменялось гнетущим недоумением: а почему там, в тех нечеловеческих условиях ничего подобного не

было, и единственным признаваемым, неписанным, но и незыблемым правилом было — братство, и вся та жизнь при- нуждала следовать простейшей в своей мудрости установке: если надо помогать — помогай и если требуется что-то де- лать, не может быть никакой дележки: я делаю столько, ты столько, — просто каждый, не рядясь, должен делать сколько необходимо, копать, таскать или сидеть у рации. Не обозна- ченная никакими словами в той жизни заповедь «если про- сит тебя кто-нибудь идти с ним одно поприще, иди с ним два» была сама по себе частью жизнью, была естественной и необходимой, как воздух. И насколько ей все-таки там было легче с людьми, проще, насколько уверенней она себя с ними чувствовала! И когда думала об этом после войны, ей поче- му-то всегда вспоминалось, как поначалу, когда она оказа- лась одна среди мужиков в окопах, откуда даже высунуться нельзя, до того там все замаскировано, упрятано в землю от глаз врага, — они ей, начисто снимая неловкость, говорили:

— Надька, до ветру тебе надо? Давай, мы отвернемся!

Стоило ей зайти в мирной жизни в магазин обуви или одеж- ды, как начинали вспоминаться связанные с этим случаи на войне: там одежда и обувь — особая проблема, тем более для женщины. Например, однажды у ней сгорели сапоги: поста- вила к печке сушить и уснула. Хорошо, кто-то проходил мимо землянки, увидел дым, заскочил, растолкал, а то ведь и задох- нуться могла. Голенища сгорели полностью, остались одни низы, и ходила она в них, как в туфлях, вызывая смех, но когда в одном немецком доме увидела на хозяйке хорошие, новенькие, как раз по размеру сапожки, не смогла с нее снять, хоть ей и говорили: да забери ты! И в другом доме, где сапоги стояли на полке для обуви, тоже не смогла взять. А потом в сулолке один сапог куда-то исчез, чуть позже исчез и второй; после уж, когда оттуда ушли, эти сапоги отдал ей топограф:

— На, для тебя спер! Знаю, ты б не смогла...

А раз было — двоих перевели в соседний полк, они в спеш- ке кинули себе в мешок с другими вещами ее юбку — она в это время спала — и унесли. Ей ходить не в чем, юбка на пере- довой — страшный дефицит. Дня через три зашила внизу шинель и пошла за юбкой, а ее, оказывается, уже пропили: выменяли на нее у поляков самогон. Пришлось ей долго хо- дить в солдатских штанах по горло.

А то еще был случай — зашли они с подругой в немецком городе в богатый дом, поднялись наверх, а там все сверкает от зеркал. Нашли они кнопки, с помощью которых откры- вались зеркальные дверцы шкафов, и увидели сразу столько красивых женских нарядов, всяких платьев, под каждым

платьем свои, под цвет, туфли, над каждым платьем — шляпка. У них глаза разбежались. Еще бы, походи-ка столько в сапогах, в шинели да в гимнастерке! Не так давно Надежде Тимофеевне одна знакомая в клубе «Боевые подруги» рассказывала, как их в сорок четвертом в Архангельске повезли в кинотеатр — у них был женский прожекторный батальон, тогда как раз Англия и США начали помогать нашим войскам вооружением и продовольствием; северными морями шли груженные суда, их бомбили немецкие самолеты, а нашим надо было их сбивать, и девочки по ночам с помощью звукоулавливателей находили самолеты в небе, освещали их лучами, а уж зенитчики расстреливали, — и вот там, в кинотеатре, кто-то из гражданских надушенных и расфуфыренных баб сказал, глядя на них: «Да разве это девчонки? От них солдатчиной воняет». И когда их привезли обратно в казарму, они как давай все плакать, да так дружно, так горько и нескончаемо, что пришлось поднять на ноги и командира батальона, и замполита, который, придя к ним, сказал: «Да кого вы слушаете?! Что вы обращаете внимание на этих шлюх! Вы будете уважаемы всеми людьми! Перед вами преклоняться будут!» Только вряд ли их тогда это по-настоящему успокоило, хоть и прав был замполит, но не понять ему было, каково девчонкам так долго носить солдатскую одежду... А тут, в этом богатом немецком доме, столько нарядов, и каких! Стали они выбирать, наряжаться. Оделись, любят себя на себя в зеркала. И вдруг на улице — тревога! Пришлось подхватывать свою одежду, оружие и бежать прямо так, в туфлях и платьях...

Вспоминать об этом без смеха она не могла, как и другой случай, тоже связанный с одеждой, только немецкой. Насколько человек из их полка, находясь в боевом охранении, то есть в тщательно замаскированном окопе, выдвинутом на переднюю линию, откуда надо наблюдать и слушать, особенно ночью, реагируя на малейший шорох, малейшее передвижение немцев, и если что, сразу сообщать своим, — выследили вражеское боевое охранение. Было это зимой, немцы на ночь выбросили всю свою одежду на улицу, на мороз, чтоб перемерзли вши, которые их заедали. Наши ночью подкрались, бросили им в трубу гранату. Немцы повыскакивали голышом, их схватили, уложили. С той стороны, конечно, сразу открылся огонь. Наши ползком притащили немцев к себе. Но не только никаких наград не получили, их чуть под суд не отдали — за то, что рассекретили боевое охранение. Теперь новое надо было делать. Случай замяли. Из тех ребят живым вернулся с войны только один, но всех их Надежда Тимофеевна помнила.

А сколько помнила она погибших, которые никогда прежде не воевали! Они приходили в окопы добровольцами-рядовыми. Среди них были и ученые, и инженеры, и учителя... Чаше всего они гибли в первом же бою. Бывало, гибли, не успев ни разу выстрелить. И их было особенно жалко. Она и сейчас считает: не надо было отпускать их на фронт, они бы принесли больше пользы там, в мирной жизни. Одному из них, кандидату филологических наук, она так прямо и сказала:

— Ну, зачем вы пришли сюда? Вы там нужнее!

Он посмотрел на нее с недоумением сквозь очки, подумал и ответил:

— Если б вы, Надя, побывали в моей шкуре в тылу, вы бы, я думаю, поняли меня... Когда я, взрослый мужик, среди стариков, детей и женщин, у многих из которых погибли на фронте мужья, занимаюсь проблемой японского трехстишья в русском переводе, чувствуя на себе осуждающие взгляды, которых, может, и не было... ведь многие думают так же, как и вы... Но я эти взгляды ощущал физически!.. Возможно, это был мой собственный взгляд на самого себя, и тем не менее, мне это было... мучительно... Нет, я не мог по-другому! И я рад, что теперь нахожусь здесь, с вами.

Он тоже погиб. Перед боем, глядя из окопа на лес за выжженным солнцем и изрытым снарядами полем, откуда ждали атаки немцев, он тихо говорил:

— «Летние травы, след в вас я вижу воинских снов». Это вечно... Да, это будет жить и без нас...

И в ней продолжали жить все, кто погиб, и те два года, она давно это поняла, остались в ней целой жизнью, сгустком жизни, перетягивающим всю ее остальную жизнь. И ничто никогда не могло уже отдалить или заглушить в ней грохота, шума, яростного биения той суровой жизни, отчет которой для себя самой вела она с февраля сорок третьего, когда со слезами на глазах приняла присягу и, став на одно колено, поцеловала уголок знамени. А потом была Москва, распределение по фронтам, битком набитый вагон электрички, увозивший ее с такими же, как и она, девушками в Вязьму. Не успели отъехать от Москвы — остановка, приказ потесниться, освободить крайние сиденья вагона, и ее, как самую худенькую, подняли наверх, на полки для багажа, привязали ремнями, и оттуда она слышала, как один из подсевших, невидимый в темноте человек, стоя в тамбуре и, наверное, глядя на уплывающие огни столицы, пел очень приятным голосом: «Я по свету немало хаживал», — и это было самое лучшее, самое душевное исполнение этой песни из всех, какие она слышала в сво-

ей жизни. Он прощался с Москвой, понимая, что, может быть, уже никогда не вернется.

Ехали весело, после долгой осады призывных пунктов, ломившихся от добровольцев, с одним только желанием: «На передовую!» — чувствовали в себе силу и уверенность, что они-то и будут тем самым важным пополнением, с которым армия разобьет врага, но чем ближе подъезжали к линии фронта, чем больше видели по бокам от дорог опрокинутых, искореженных эшелонов, тем становились серьезней. Ее путь лежал через Смоленск, где она видела понурых, безучастных, роющихся в руинах жителей, через Белоруссию с ее печами и трубами на месте сгоревших деревень — ей запомнился один дед с мальчиком, они собирали в ящик косточки сожженных односельчан; сами остались в живых случайно: утром пошли в лес, а когда вернулись, увидели из-за деревьев, как немцы сгоняют людей в один дом... Вместе с войсками она шла через белорусские болота в мокроступах; перед городом Данцигом, в Польше, видела, как люди в масках и белых халатах выносили из концлагеря живые скелеты... Путь лежал дальше, через Европу, к тому дню на реке Одер, которым война для нее заканчивалась.

9

Перед городом Штетинном, в районе большой автострады с двумя дорогами в одну и другую сторону, стоял огромный мост через Одер. Немцы его взорвали. Мост проходил через остров, на который ночью с людьми высадился капитан Митрофанов, чтобы во время форсирования вести корректировку огня артполка. Надежда понимала, что это очень опасно, втайне молилась, чтоб все обошлось, и когда утром 22 апреля 1945 года после получасовой оглушительной артподготовки, после контрартподготовки со стороны немцев, началось форсирование и она узнала, что с острова по радиации передали: «Сто десятый вышел из строя, срочно шлите замену!» — у ней так сильно сдавило сердце, так похолодело и отвратительно заскребло в груди, что на какое-то время она, прижимаясь к стенке траншеи, оцепенела. Ей казалось, что в этом грохоте, дыму и тучах пыли рушится весь мир, вдавливая ее в землю тем самым страшным, о чем она и подумать боялась, — что в эти самые последние дни войны Григорий может погибнуть. На мгновение в глазах мелькнуло лицо командира полка Зигарова, тонкие усы, злорадная усмешка. Она знала: он специально послал Григория на верную гибель, рекомендовав его как человека, наиболее подходящего для такого ответственного задания.

Наверное, ей кричали вслед, может быть, даже приказывали вернуться, но она ничего не слышала. Она во весь дух бежала по пустой, блестящей на солнце автостраде. Качалась облака, в ушах стоял свист осколков, взрывы... И вот она остановилась на высоком обрывистом берегу, откуда открывалась широченная река и обрушенные в нее фермы моста; вода обтекала их, закручиваясь в водовороты. На всем пространстве мутная весенняя вода Одера была густо усеяна плотами и лодками; в них сидели люди и гребли, гребли кто чем — досками, веслами... То в одном, то в другом месте высоко вставали водяные столбы и тут же медленно опадали. Успев увидеть, как один такой столб поднял и перевернул большую лодку и как из нее посыпались в воду люди, Надежда скатилась по крутизне и у самой кромки воды легла, прижимаясь к песку, запаленно вдыхая сырой воздух реки пополам с запахом гари и тротила от взрывов, напряженно вглядываясь вдаль, туда, где за гущей переправлявшихся был виден остров, на котором стоял один из «быков» моста, но ничего не могла там различить, одну только зеленую полосу кустарника. «Только бы живой, только бы живой!» — бешено стучало сердце. Как хотелось ей сейчас оказаться там, перелететь туда! В небе кружили немецкие самолеты, над рекой в воздухе рвались бризантные снаряды, осыпая все вокруг осколками. Вода вспенивалась, местами красная от крови. Каждую секунду гибли люди. Надежда оборачивалась и смотрела на обрыв берега, с которого очень быстро спускались и спускались солдаты, стаскивая в воду плоты, лодки, бревна. И так же быстро гребли, сразу удаляясь от берега. Многие падали и оставались лежать на берегу. Над линией обрыва, на фоне неба то ближе, то дальше взметались и медленно рассеивались верхушки взрывов. Снаряды попадали и в берег, обваливая края обрыва и укладывая по многу людей сразу. Лицо Надежды секло песком, ее осыпало землей... Наконец, она увидела того, кто был ей нужен. Старший лейтенант Пахомов и два солдата показались на обрыве, они стащили к воде лодку-плоскодонку. Надежда вскочила, бросилась к Пахомову, закричала:

— Андрей, ты на место Гриши?

— Да, он сам передал, чтобы я его заменил! — ответил он криком: в этом грохоте плохо было слышно.

Пахомов был очень серьезен и, как всегда, подтянут, собран. Вместе с солдатами он толкнул на воду лодку, крикнул им, чтоб возвращались, и те побежали назад.

— Я с тобой, Андрей! — крикнула Надежда.

— Нельзя! Иди к нашим!

— Никуда я не пойду! Не возьмешь, сама переправлюсь!
Пахомов уже стоял, пригнувшись, в лодке, с доской в руках. Он с удивлением посмотрел на Надежду и усмехнулся:

— Что, так сильно любишь его?

— Да! Да!

— А он тебя?

— Он... — Надежда замялась и не ответила.

— Не повезу! — отрезал Пахомов и стал отталкиваться доской от берега.

— Да любит! Любит! — порывисто крикнула она.

— О, это другое дело! — засмеялся Пахомов. — Тогда повезу! Залезай! Возьми вон банку, воду вычерпывать. Лодка-то вся рассохлась.

Она черпала и черпала воду, выливая ее за борт, где плескалась муть, то и дело расцвеченная красным, и проплывали остатки плав-средств, доски, щепки, мелкая оглушенная рыбешка; иногда встречалась и крупная рыбина: плывет брюхом вверх, шевелит жабрами. Медленно ползли мимо косо вонзавшиеся в воду фермы моста. Шум, вой, грохот не утихали, а, казалось, наоборот, усиливались, и слышался со всех сторон сильный, сплошной плеск воды от густо плывущих вокруг людей; они плыли кто на чем, и неустанно и мощно гребли, гребли, гребли. Какой-то шутник крикнул Пахомову:

— Эй, лейтенант! Куда дивчину повез?

Она повернулась было туда, но вдруг что-то бритвенно-остро и больно скользнуло ей по лбу, и тут же по лицу побежала на гимнастерку горячая струйка крови. Она потрогала пальцами лоб, сняла пилотку, сунула ее за ремень, достала из своей санитарной сумки бинт и стала быстро перевязывать себе голову. Пахомов, стоя на одном колене впереди, греб и греб.

— Что с тобой? — обернулся он. — Ранило?

— Да нет, пустяки! Осколком чиркнуло!

Закончив бинтовать голову, она снова черпала воду, думая только об одном: «Скорей бы, скорей! Только бы жив, только бы жив!...» Самым страшным было не успеть доплыть, погибнуть на полпути. Целью всей жизни стало для нее в те минуты — добраться, добраться, очутиться с ним рядом, а там будь что будет!

Медленно, очень медленно приближался остров. Остался в стороне поток переправлявшихся. Лодка, наконец, ткнулась в кустарник.

— Дальше придется вброд! — крикнул Пахомов. — Остров затоплен, немцы шлюзы открыли!

Он снял ремень с кобурой, застегнул, повесил на шею, прыгнул через борт и по пояс в воде стал привязывать лодку к кустам.

Надежда прыгнула следом. Холодная вода была ей по грудь. Пока брели вдоль кустарников, она, ступая в ямы, два раза окунулась с головой. Пахомов вытаскивал ее за волосы. Вода попадала ей в носоглотку, в висках противно ломило. Грохот стоял здесь такой же, снаряды рвались в кустах, обдавая их дождем брызг. По кустам трещали осколки, врезались в воду, с шипеньем поднимали пар. Близко высилась округлая гранитная поверхность «быка» с фермой наверху. Они брели по воде среди кустов через остров, здесь было уже мельче, вода доходила ей до пояса. И там, откуда виден был не столь уже далекий противоположный пологий берег Одера, покачивались на воде среди кустов лодки, в них сидели люди, кто-то смотрел на берег в бинокль. Их встретили радостными криками. Только капитан Митрофанов, лежавший в одной из лодок, не обрадовался, увидев Надежду, а заорал на нее матом:

— Ты какого... сюда приперлась?! Хочешь, чтоб убило?! Почему голова перевязана?!

Она в ответ улыбнулась:

— Теперь я с тобой... Теперь можно и погибнуть...

Он осекся на полуслове, и лежал, как-то странно глядя на нее, потом перевел взгляд на Пахомова и стал объяснять, что да как, а она уже деловито осматривала рану, и теперь ее с каждым мгновением все больше наполняла новая тревога: рана была глубокой, рваной, осколок прошел вдоль бедра. Нужна была срочная операция, могло начаться заражение. И когда Пахомов, выслушав капитана, полез в одну из лодок корректировать огонь артиллерии, она сказала Григорию:

— Будем переправляться, сейчас же.

Он ничего не ответил, он вообще больше не говорил, только всё пристально, насуплено смотрел на нее. Она забралась к нему в лодку, попросила:

— Ребята, помогите мне.

В лодку залезли еще двое. Один из них сел за весла и погреб к тому месту, где была привязана плоскодонка. Воды в ней было почти до краев, пришлось сначала вычерпывать, потом солдаты осторожно переложили в нее Григория и поплыли назад...

И снова перед глазами был Одер, и снова надо было перебираться через него под огнем, в гуще людей, теперь уже плывущих навстречу. Она ни о чем больше не думала и только, чувствуя в себе невесть откуда взявшуюся невероятную силу,

быстро гребла и гребла во весь размах. Временами бросала доску, хватала банку и так же быстро-быстро вычерпывала воду, а потом хватала доску и снова гребла. На нее, возможно, смотрели те, кто плыл навстречу, может быть, смотрели с изумлением, она не видела, она чувствовала на себе только один взгляд, неотрывный, сверлящий взгляд Григория...

На берегу их ждали. Григория вынесли из лодки, уложили на заранее приготовленную лестницу, понесли вверх по обрыву. Она шла следом. Лестница была коротковата для Григория, ноги свешивались. Потом Надежда тряслась с ним до медсанбата в кузове машины. Она прекрасно понимала: за то, что самовольно оставила свою часть во время наступления, ей грозит суд. И даже хорошо знала, что это такое: в начале фронтового пути, под Вязьмой, ей довелось поработать в военном трибунале: она замещала женщину-секретаря на время отпуска. И очень хорошо помнила она, как скор и суров был на расправу тот суд. Как, например, расстреляли молоденького солдатика, бросившего в первом бою винтовку и побеговшего назад... Знала, но не боялась и даже не думала об этом.

В медсанбате Григорий сказал ей:

— Теперь я верю в твою любовь... Найди бумагу и чернила с ручкой, я напишу командиру дивизии...

Он написал, что жена его беременна и что он просит дать ей отпуск для ухода за ним.

— Приезжай ко мне в госпиталь, — сказал он напоследок. — Я буду тебя ждать.

Она вернулась к взорванному мосту. Их часть уже форсировала Одер, и ей пришлось переправляться с другой батареей, на плоту, где стояли две пушки. Опять ее задел осколок, на сей раз в ногу: прошел, как иголкой, голенище сапога, проколол навывлет мякоть. А могло быть и хуже: возле плота ударил снаряд. Плот сильно качнулся и накренился, но, к счастью, не перевернулся... И еще, еще один момент глубоко врезался в память! На ферму взорванного моста забрался человек, в кожаной куртке и фуражке (потом ей сказали, что это был подполковник) и прокричал в рупор, что наши войска уже сражаются на улицах Берлина. Над рекой в грохоте покатилося: «Ура-а-а!.. Ура-а-а-а!..» Плакали и кричали и те, кто переправлялся, и те, кто был уже на берегу. Раненые, лежавшие на песке, истекающие кровью, поднимали головы и кричали: «Ура-а-а!..» И вдруг над мостом пролетел немецкий самолет, и то ли от его очереди, то ли еще от чего подполковник неловко взмахнул руками, выронил рупор и упал в Одер... И потом всякий раз, когда она вспоминала тот день,

ей виделось это замедленное памятью падение, это парение над рекой уходящего в вечность воина...

10

На другой день она пошла к командиру дивизии. В помещении, которое он занимал, сидели полковники, подполковники... Надежда была настроена очень решительно. Протянув письмо Григория генералу, она сказала, что ей очень нужен отпуск, десять суток, и объяснила, зачем. Командир дивизии внимательно ее слушал и вдруг воскликнул:

— Постойте! А это не вы вчера переправлялись через Одер на лодке?

— Да, — сказала она, смутившись.

— Я рассказывал о вас! Это та самая девушка! — сказал он, обращаясь ко всем. — Вы попали мне в оптическую трубу, я видел вас! И когда вы туда переправлялись, и когда гребли обратно! Значит, раненый в лодке и был ваш муж капитан Митрофанов?

— Да.

— Ну, вы очень отчаянная девчонка!

— Мне бы отпуск, товарищ генерал... десять суток...

— Какие там десять! Я даю вам столько, сколько имею право — сорок пять суток! Езжайте, ухаживайте за вашим мужем! И возвращайтесь служить!

Но вернуться уже не получилось. День Победы она встретила в Арсенвальде, в госпитале. У Григория началась гангрена, он метался в жару. Осколок не достал до кости какой-то миллиметр. Четыре раза ему оперировали ногу. Надежда ходила к главврачу и просила, чтобы ее не отнимали. Он сказал:

— Постараюсь все сделать для твоего капитана!

И снова резали, удалили мышцу, но ногу сохранили. Осталась у Григория только легкая хромота.

Они уехали в Витебск, там расписались. Григорий не оставил армию, его направили в Термез, командиром батареи «катюш». Спустя год у них родилась дочь.

Потом было еще двадцать три года счастливой жизни. В шестьдесят девятом, в возрасте сорока шести лет, Григорий умер от инфаркта. Вот так получилось: война дала ей мужа, мирная жизнь отняла. Горя большего, чем это, она не знала. Под ней не было в тот момент лодки, в руках не было доски, и она не могла вытащить его с того света, как в сорок пятом, могла только дать ему лекарство, сначала дома, потом в больнице, куда привезла их «скорая»... После похорон ей хотелось умереть, и, кто знает, как бы все получилось, если бы не

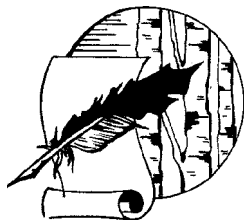
дочь Валентина. Она тормошила ее, не давала уходить в себя, вывозила за город, заставляла двигаться, что-то делать... Дочь заканчивала медицинститут, и в таких делах знала толк.

Выйдя замуж, Валентина никуда не ушла, осталась жить с мужем у ней. Вскоре появился внук, новые заботы, да еще вдобавок, словно в награду за испытания, послал ей Бог Ольгу, чудесную сватью. Они сразу подружились, Ольга и сейчас звонит ей каждый день и часто приезжает. Так, потихоньку, пережила горе. Но замуж больше не вышла, хоть и предлагали много раз. Не могла. Теперь дочь живет отдельно, и внук взрослый, инженер. А в прошлом году родилась и правнучка.

Допивая чай, Надежда Тимофеевна от воспоминаний даже немного всплакнула. Может, это ее и успокоило, захотелось спать. Она пошла в комнату, снова легла, и теперь уже, задремывая, не видела ни Восточной Пруссии, ни окружавших ее немцев. Как обычно бывало после переживаний и слез, война на некоторое время освободила ее от памяти о себе, и виделось ей теперь голубое небо в белых перьях облаков, высокая, в цветах, трава, детское личико... Лишь на одно мгновение еще мелькнуло перед глазами: она, Надежда, держится за сваю в ледяной воде Нарева и кричит, кричит в грохоте взрывов. Мелькнуло и тут же исчезло. А было это после того, как она отправила в медсанбат умирающего Васю Прудникова. Переправила еще одного раненого, а когда ползла по мостику через Нарев назад, подтягивая за веревку пустую долбленку, сзади шарахнула мина — немцы уже пристрелялись — и мостик разбило. Ее швырнуло в воду... Больше она ничего не помнила. Очнулась на берегу — какой-то солдатик увидел, что она от холода оцепенела, уже не кричит, нырнул и вытащил. Надежде разжали ножом зубы, влили в рот спирт. Она закашлялась, открыла глаза и первое, что сказала, то ли негодуя, то ли жалуясь: «Какой жестокий немец!» Ей рассказали, как она, отброшенная взрывом в реку, уцепилась за уцелевшую сваю мостика. Кругом рвались мины, вода захлестывала ее с головой, а она, держась за сваю, после каждого взрыва вновь появлялась в волнах и во все горло, надрывно и весело, словно кого-то дразня, кричала:

— Не убьешь!.. Не убье-ешь!.. Не убье-е-е-ешь!

г. Омск

Диана КАН

ВЕШНЕМУ ВЕТРУ ПОД СТАТЬ

* * *

«...Я простой советский парень,
Не был раньше в высшем свете...» —
Скромно отвечал Гагарин
Королеве на банкете.

«Ложки-вилки справа-слева...
Политесам не обучен...»
Улыбнулась королева:
«Да и я немногим лучше!»

Что нам правила some time?
Чувствуйте себя, как дома.
И давайте поболтаем,
Словно мы сто лет знакомы...»

...Эх, девчата! Без обиды —
Будь студенткой в скромном ситце,
Джиной будь Лолобриджидой —
Ты обречена влюбиться.

Будь ты королевой даже,
Позабудешь про приличья.
Станет протокол неважен
И дресс-коды безразличны.

Рядом с ним себя любая
Ощущает поневоле,
Долю бабью забывая,
Королевой и звездой!

Но ему опять неймётся...
Озаряя мир улыбкой,
Он взлетит навстречу солнцу
И — попробуй, удержи-ка!

* * *

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя невольно чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая выюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободы,
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озорвал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная не даром
Яик-реку строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

«Какое ж тут смирение?» — спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда некстати.

* * *

До часу рожденья тихи,
О славе мечтая едва ли,
В душе вызревают стихи —
Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
Что Господом Богом назначен.
И между лирических строк
Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
Как смотрит Творец на творенье:
«Откуда взялось ты на свет?» —
Не в силах унять изумленья.

* * *

Листья сброшены, словно маски...
В лучезарной старинной сказке
Карнавалы прошли осенние...
То ли с Пушкиным, то ли с Есениным
Я брожу по продрогшему саду,
Доверяясь во всём листопаду...
То ли Саша, то ли Серёжа
Шепчут листья, судьбу итожа...

* * *

Плохой погоды у природы нету!
Так отчего, зачем и почему
Я здесь со страхом ожидаю лета,
С тоскою смертной — зимушку-зиму.

От жданок беспросветных сердце стынет
Который год, который век подряд.
Но вовсе не погода — резкий климат
Виной всему, синоптики твердят.

Резка и я — чего скрывать? — бываю.
Но и опять погода ни при чём!
Повинность здешних предков отбываю
Железным плугом и стальным мечом.

И мне до остального нету дела:
Судьба такая и удел таков —
Пашу — ратаю отчие наделы,
Попутно отбиваясь от врагов.

Повинность эта — древняя казачья —
Уральских гордых голубых кровей —
Захлёбываться горьким व्यюжным плачем
В степи глухой, что выжег суховой.

* * *

Слова — пьянчужки вдоль речушки Пьяны
В Агрызе огрызаются порой...
А в Бондюге словечки — бандюганы
Не дружат с забубённой головой.

Измордовавшись меж мордвой и чудью,
Они смешат Казань и Шумерлю...
Вдыхаю волжский ветер полной грудью,
Взахлёб рифмую и захлёб люблю.

Обвенчанная с ветрами победы,
Овеянная песнями весны,
Я в этот мир пришла вести беседы
О сказках древнерусской старины.

Меня врачует заповедной речью
Застенчивая Заповедь-река.
И дивным сном напомнит мне о вечном
Сноведь-река, начав издалека.

А мимо покаянно-окаянно,
Как опосля креплёного винца,
В кустах петляет пьяной бабой Пьяна,
И в простоте не вымолвит словца...

Пускай порой куда похлеще мата
Названия, что помнят старину,
Для слов, что от рождения крылаты,
Степной простор наотмашь распахну.

Неси, братейко, перелётный ветер,
Стихи, что родились не налегке,
Вертявой Пьяне и лесной Сноведи,
И затаённой Заповедь-реке.

*Светлой памяти поэта-фронтовика
Ильи Семёновича Павлова*

Не дезертиров, не вредителей —
В России судят победителей.
В патриотическом поту
Анафематствуем: «Ату!»

Ату их, бравших Будапешт,
Тупое скопище невежд.
Без них мы б пиво пить могли —
Баварское, не «Жигули»!

Он Зальцбург брал, он брал Берлин!
Не фронтовик, а сукин сын.
О внуках разве думал он,
Подняв в атаку батальон?

Он, бравший Секешвехервар,
Всех нас подставил под удар.
С тех пор ни внук его, ни сын
Не знают вкус венгерских вин.

...Но не моги шепнуть «ату»
Тому, кто брал Алма-ату.
И кто на штык освоить мог
Заветный тыловой паёк.

...Прощать уродов не впервой.
Прости меня, мой дед-герой.
Цивилизованно живём.
Баварское в России пьём.

Но что-то, братцы, без обид —
С баварского меня мутит.
И как-то тянется рука
К холодной трезвости курка.

МОЯ УТОПИЯ

Обманут распахнутым настезь простором,
Устав от февральских ненастных забот,
В весеннее плаванье мартовский город
С утра отправляется, взяв нас на борт.

Попутного ветра, семь футов под килем...
Чего же ещё нам ему пожелать
Возвышенным лироэпическим стилем,
Что вольному вешнему ветру под стать?

Ты слышишь, ты слышишь?.. Всё выше и выше —
Вчера ещё спал кверху брюхом — и вот
Горланит с утра серенады на крыше
Внезапно влюбившийся мартовский кот.

Отважно трепещет бельё на верёвке,
Как парус, что шторму грядущему рад.
И серая наша старушка-хрущёвка
Похожа — точь-в-точь! — на старинный фрегат.

Рыдают сугробы и город наш топят
Слезами-ручьями, которых не жаль...
Слезающий с крыши влюбившийся котик
Утопией этой доволен едва ль!

Но мы, веря в мудрость утопий лукавых,
Сквозь слёзы смеёмся приходу весны.
Кто там усомнился, что люди неправы,
Во благо толкуя зловещие сны?

Мы, перечитавшие Томаса Мора,
С улыбкой глядим на окрестный бедлам,
Наивно не веря: нас топят и морят,
И море страданий распахнуто нам.

Ведь даже на всех парусах не умчатся
За светлой мечтой флибустьерской вдогон
От вирусов, что, не боясь вакцинаций,
При этом весьма признают самогон.

Но всё же в счастливое плаванье это
Мы верим, как верят штормам корабли.
Мы всё, что нам надо для иммунитета,
Вчера из «Горилки» едва донесли.

Виват, флибустьеры! Никак не иначе!
Пиратские песни летят в окоём...
За ветер добычи! За ветер удачи
Мы выпьем сегодня и снова нальём.

* * *

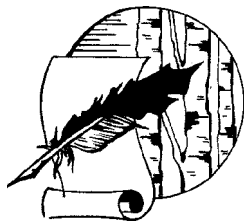
Нет, я вопроса не задам последнего,
Припоминая юные грехи,
Куда ты дел того 20-летнего
Мальчишку, что любил мои стихи?

Мальчишку, вдохновением горящего,
С кудрями цвета ангельского льна,
О творчестве часами говорящего...
Ведь я в него доселе влюблена!

О доблести, о славе, о бессмертии
Я промолчу, чтоб не напоминать
Тебе в канун пятидесятилетия,
Каким ты был недавно, в двадцать пять.

Мне улыбнись, как прежде, на прощание
Улыбкой виноватою своей...
Читай мои стихи-воспоминания.
И ни о чём, что было, — не жалея!

г. Оренбург

Юрий КРАВЦОВ

ГДЕ СВЯТО ВСЁ

ЗАХАРЫЧ

Аэропорт — название одно.
Калитка, домик да шатер кленовый,
У взлетной полосы видны в окно
Детей ватага, лошади, коровы.

Начальник ждет с травинкою в зубах,
Полузабытый добровольный узник,
Зато с какой он радостью в глазах
Встречать выходит каждый «кукурузник».

Всю жизнь душой тянулся в небеса,
Всю жизнь пилотом стать ему мечталось,
Но не сбылось...
Лишь эта полоса —
Посадочная, взлетная осталась.

Но все равно, когда напор винта
Его фуражку синюю сдувает,
Не самолет — Захарыча мечта
На крыльях в небо юности взлетает!

И БУДУ ПРОВОЖАТЬ

Открою тихо дверь, разбухшую от влаги,
Тепло своей души с октябрьским днем деля.
Кругом осин и груш алеющие флаги,
Пестра, как никогда, в сырой листве земля.

Не хочется зазря мне беспокоить Бога,
Чего-то для себя молитвами просить,
Пока с утра зовёт задумчиво дорога,
По ней клубок судьбы раскручивает нить.

Что было, что прошло, в пути перелистаю.
И горечь, и тоску дождями растворяю.
И буду провожать на юг за стаей стаю,
Прощаться и прощать у поля на краю.

МОЛОДОГО СЕНА АРОМАТ

Над равниной широко и плавно
Колокольный звон плывет с утра.
Наступает День Петра и Павла,
Праздник счастья, радости, добра!

Торжество не ведает границы,
И вплетают девушки в венки
Свет любви, волнение пшеницы
И своих мечтаний васильки.

Петр и Павел приняли без меры
Боль страданий, горести от ран
За святую праведную веру,
За святую веру христиан.

Солнце по-особому лучится,
Возле нашей церкви стар и млад.
И в рассветном воздухе струится
Молодого сена аромат.

ЗА ЧАСТОКОЛОМ ДАВНИХ ДНЕЙ

За частоколом прежних дней,
За дымкою поземки белой
С годами ближе и видней,
Что прямо к сердцу прикипело.

Вот вечной доброты исток —
Деревня под высоким небом,
Где я бегу через мосток
С авоськой сетчатой за хлебом.

Зажата крепко в кулачок
Отца последняя рублевка,
Пляжу на церковь-маячок,
На речку — синюю бечевку.

У очереди вид нелеп —
Усталый, шумный, заскорузлый,
Но обжигает руки хлеб,
Хлеб долгожданный кукурузный.

Я возвращаюсь не спеша,
Хрустя еще горячей коркой.
И речки чистая душа
Играет с верткой краснопёркой.

ВЕЧЕРНИЙ СОВЕТ

Только-только закат над землей разгорится,
И мороз сотворит на окошках резьбу,
Начинают, бывало, соседи сходиться
По скрипучей дорожке, по насту в избу.

Хоть и рядом дома поприметнее были,
Побогаче в них мебель, и ярче в них свет,
Только наш почему-то они полюбили
И спешили сюда на вечерний совет.

Вижу я сквозь года: собираются вместе,
Обитатели улочки тихой, речной:
Агриппина, Полина, и с Пронькою Нестор —
С несговорчивой, третьей по счету женой.

Заходили Улита и вдовушка Уля,
И Аксюта, живущая там, за ручьем,
И звенел допоздна, как разбуженный улей,
Переполненный общею радостью дом.

Вскоре в лампу отец подливал керосина,
Мать блины доставала из печки своей.
Оживала беседа с неведомой силой,
И сердца раскрывались легко вместе с ней.

Говорила Полина, шутила Аксюта,
Агриппины в беседу вплетались слова,

Чудно Нестор играл роль хохла-баламута,
Только скорбно молчала Ульяна-вдова...

Разбрелись соседи по лунной дорожке,
Я глядел через лунку в окошке им вслед,
И хоть их провожать было грустно немножко,
Верил, завтра опять соберется совет!

ЕХАЛ ДЕД

День сентябрьский, солнцем полыхая,
От листвы был чистый, золотой.
В шатком переполненном трамвае
Ехал дед с лохматой бородой.

Девяносто с гаком, не иначе,
Пассажиру набежало лет.
Ехал, видно, он к себе на дачу,
На колени положив пакет.

Ехал с юной легкостью на сердце,
Свет приветный видя вдалеке,
И держал любовно, как младенца,
Крохотную яблоньку в руке.

На него глядели пассажиры,
Каждому хотелось, может быть,
В этом вечно неудобном мире,
Как старик, с собой в ладу прожить.

ЕСТЬ ДОРОГА

Есть дорога, небо, хлеб, вода,
Солнце, что пылает в три накала,
Горизонт, зовущий вдаль всегда,
Сколько б лет тебе ни миновало.

Ты идешь, ничем не обделен,
И вся жизнь идет сама собою.
С каждым взгорком, полем породнен,
Что зовутся попросту судьбою.

Есть дорога, знать, еще дана —
Может быть, последняя попытка

Новизну почувствовать сполна
За кленовой старенькой калиткой!

ГДЕ СВЯТО ВСЁ

Ничем как будто не обязан
Равнине с песней избяной,
Но до конца я с нею связан
С рожденья ношею одной.

Она мне в тягость и не в тягость,
Деваться некуда с земли,
Где свято всё: дождей картавость
И лопухи в седой пыли,

Заросший омут с важным сомом,
Семейства верб, им нет числа,
Звон петухов от дома к дому,
С которым жизнь моя прошла.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь, как цыган, задорно, с увлечением
Плясал и отдалился за лесок.
И тишина со вздохом облегченья
Зеленый развязала тусок.

И жизнь теряет всякие границы,
И солнце тучи плавит, словно сталь,
Снуют лучи блестящие, как спицы,
Сплетая воедино высь и даль.

Небесной влагой напитался клевер,
И ощущаешь сил такой приток,
Как будто на тебе сошелся север,
Сошлись и юг, и запад, и восток!

МАЙ УВЯЗ В ДОЖДИ

Май увяз в дожди и холода,
Всюду лужи светятся, как блюда,
Круторогих мрачных туч стада
На полях безвылазно пасутся.

Ожиданьям нашим вопреки,
Под сплошной бурлящею лавиной
Берега исчезли у реки
Вместе с ивняком и луговиной.

Но над мраком этим и дождем,
Отвергая напрочь катаклизмы,
Соловей, в листве построив дом,
Гимн поет любви и вечной жизни!

ПО ВЕСНЕ

По весне черемухой медвяной
Пахнет милый сердцу уголок,
Церкви возрожденной деревянной
На пригорке светит куполок.

Покидал не раз я край привольный,
Где поет и плещется река,
Только звон родимый колокольный
Звал меня домой издалека.

Звали под березами крылечки,
Аиста над крышами круги
И, конечно, бабушкина печка,
Где с душой пекутся пироги.

И какие б годы ни настали,
Остаются вечными во мне:
Русь моя — семеновские дали,
Перепелки в хлебной тишине.

КАК В ДРУГОМ ИЗМЕРЕНИИ

Спокойно, в душевном смирении,
Познав недоед, недород,
Живет, как в другом измерении,
В селе терпеливый народ.

Живет каждодневно заботами
И на ноги ставит детей,
Не избалованный льготами,
Не ждущий добра от властей.

Себя обделенным не чувствуя,
Живет, всем довольный весьма.
И квашеной пахнут капустою
Укрытые снегом дома.

И тропка стрелой от порожка
По свежему насту летит
Туда, где живая гармошка
Бессмертный народ веселит.

РЕМЕСЛО

Отец учил меня пахать.
Я босиком шагал за плугом,
Стараясь ремесло понять,
И подо мной земля упруго

Дышала миром и теплом,
И пар в лучах струился тонко,
И разносился над селом
Раздольный голос жеребенка.

Я знал, что постигал в тот год
Главнейшее из всех ремёсел,
И мне вослед крестьянский род
Глядел из отдаленных вёсен...

п. Суземка Брянской обл.

ВЕЛИКИЕ СУДЬБЫ ПОБЕДЫ

КОНЕЦ БЛИЦКРИГА

Слово «блицкриг» (нем. blitz — молния, krieg — война) означает быстротечную победоносную войну. Победа достигается за счёт внезапности нападения до того, как противник успеет полностью подготовиться — мобилизовать и развернуть армию, создать укрепления, оборонительные линии и т.д. Слово это в военной терминологии отсутствует, но родилось оно в начале Второй мировой войны не на пустом месте.

За 36 суток, считая с 1 сентября 1939 года, фашистская Германия разгромила Польшу, 17 сентября польское правительство и военное командование бежали в Румынию, последние подразделения польской армии капитулировали 6 октября. Кстати, союзники Польши Англия и Франция 3 сентября объявили войну Германии, но никаких боевых действий не предпринимали и даже оружием не помогли, посоветовав закупать его в нейтральных странах. Немецкий генерал А.Йодль на Нюрнбергском трибунале говорил: *«Если мы ещё в 1939 году не потерпели поражение, то только потому, что около 110 французских и британских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 25 немецких дивизий, абсолютно бездействовали».*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

9 апреля 1940 года, за один день, немцами была оккупирована Дания. В тот же день они начали вторжение в Норвегию. В помощь норвежцам в нескольких портах высадился англо-французский десант, но потерпел неудачу. 10 июня капитулировали последние части норвежской армии.

10 мая началось вторжение немцев в Бельгию, Нидерланды и Люксембург. Люксембург был оккупирован в тот же день. Через 5 дней, 15 мая, была подписана капитуляция нидерландских вооружённых сил, а 17 мая пала столица Бельгии Брюссель. Путь на Париж был открыт, и 22 июня Франция тоже капитулировала. 9 апреля 1941 года немецкие войска вторглись в Югославию и (при участии итальянцев) в Грецию. 17 апреля капитулировал Белград, 23 апреля — Афины.

Всё это и был блицкриг — тактика, разработанная немецкими генералами с учётом возможностей новых видов военной техники. Суть её в том, что на главных направлениях сосредотачиваются мощные ударные соединения, на острие которых находятся танковые армии («клинья»). При мощной поддержке авиации они пересекают оборону противника и, не ввязываясь в местные бои, обходят узлы сопротивления и укреплённые районы противника, наносят сокрушительные удары по командным пунктам, транспортным узлам, линиям и базам снабжения. В результате у противника разрушается система управления, его войска быстро теряют свою боеспособность, и остальным войскам вермахта, следующим за «клиньями», остается только их окружить и окончательно уничтожить.

Тактика блицкрига была достаточно хорошо продумана. Обладая высокой мобильностью, вырвавшиеся вперёд танковые армии имели мало риска попасть в «котёл» и быть разгромленными, поскольку в их составе была и моторизованная пехота, и артиллерия, и средства связи, и сапёрные части, и разведывательно-диверсионные подразделения, и полевые ремонтные базы, и бензозаправщики, и ПВО, и необходимые вспомогательные службы. Сами танкисты составляли не более четверти личного состава танковых армий. Кроме того воевали они в тесном, хорошо отлаженном взаимодействии с авиацией, которая для них «прокладывала дорогу» бомбардировщиками и штурмовиками.

С этой тактикой Германия 22 июня 1941 года успешно начала и войну с Советским Союзом. 28 июня взят Минск, основные силы Западного фронта окружены и разгромлены. 8 сентября замкнулось кольцо блокады Ленинграда, осталась только «Дорога жизни» по Ладожскому озеру. 19 сентября взят Киев, попали в окружение и были разгромлены основные силы Юго-Западного фронта. Только за первые три недели войны противник продвинулся на 350 — 600 км, захватив Белоруссию, Латвию, Литву, частично Украину, Эстонию и Молдавию. Уже 3 июля начальник генштаба сухопутных войск вермахта Ф. Галь-

дер писал: «Кампания против России выиграна за 14 дней» («Военный дневник», т. 3. — М., 1971). Чуть позднее Гитлер говорил: «Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить». («Совершенно секретно! Только для командования!»). — М., 1967).

И действительно, успехи немцев летом 1941 года были ошеломляющими. Причина не только в новой тактике — блицкриге, но и в чёткой системе управления немецкой армией, и в превосходной выучке немецкого солдата, и в высококвалифицированной подготовке немецкого офицера, и в боевом опыте вермахта, приобретенном на полях боёв в Западной Европе. К сожалению, успеху немцев способствовали и другие обстоятельства. У Красной Армии была плохо налажена войсковая разведка (что отмечал даже Гитлер в речи 3 октября), почти отсутствовали средства радиосвязи (стоило только диверсантам перерезать телефонные и телеграфные провода, как батальоны, полки и даже дивизии зачастую оказывались предоставленными сами себе; у немцев радиостанциями были оснащены даже танки и самолёты), не до конца было отработано взаимодействие сухопутных войск и авиации. Были и просчёты Генштаба РККА.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, бывший в июне 1941-го начальником Генштаба, вспоминал: «*Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников и К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов*» («Воспоминания и размышления». — М., 1969).

Была ещё и ошибка в определении срока вторжения. Можно было не доверять противоречивым донесениям внешней разведки, но когда гитлеровские войска сосредоточились у границы, когда пограничники в течение нескольких дней перед нападением слышали шум моторов, надеяться уже было не на что. О последних донесениях разведки нарком обороны Тимошенко, начальник Генштаба Жуков и начальник оперативного управления Василевский знали мало, поскольку начальник военной разведки (ГРУ) напрямую подчинялся председателю Совнаркома и докладывал только ему.

Один из самых объективных военных мемуаристов Маршал Советского Союза А.М. Василевский писал: «*...если бы наши войсковые части и соединения были своевременно отмобилизованы, выведены на предназначенные для них планом боевые рубежи, развернулись на них, организовали чёткое взаимодействие с артиллерией, с танковыми войсками и авиацией, то можно предположить, что уже в первые дни противнику были бы нанесены такие потери, которые не позволили бы ему столь далеко продви-*

нуться в нашей стране, как это имело место. Но отступить нам пришлось бы (выделено мной. — В.Г.), *так как немецко-фашистские войска всё же имели ряд серьёзных преимуществ, в том числе такие, как милитаризация экономики и всей жизни Германии, превосходство по ряду показателей в вооружении и численности войск и опыту ведения войны. И неправильно объяснять неудачное начало войны исключительно ошибками Сталина* («Дело всей жизни». — М., 1978).

Правда, блицкриг оказался не столь быстрым, как хотелось германскому генштабу (к осени планировалось выйти на линию Архангельск — Волга — Астрахань, а к началу зимы — к Уралу). К полной неожиданности для немцев оказалось, что «разгромленные» русские продолжали упорно сопротивляться. В июле в результате контрнаступления 11-й армии Северо-Западного фронта оказалась разгромленной 8-я танковая дивизия противника, сильные контрудары, на несколько дней сковывавшие силы немцев, наносили 5-я армия Юго-Западного фронта, 8-й и 15-й мехкорпуса Западного фронта. 10 июля началось героическое двухмесячное Смоленское оборонительное сражение, 8 августа — Духовщинская наступательная операция, 30 августа — Ельнинская наступательная операция. Хотя Красная Армия понесла огромные потери (она уступала немцам и по численности, и по вооружению), эти сражения на два месяца задержали продвижение группы армий «Центр» на Москву. Небывало вырос поток похоронок в Германию. План «Барбаросса» начал трещать.

Как отмечал А. Йодль, «Русские всегда славились своим презрением к смерти; коммунистический режим еще больше развил это качество, и сейчас массированные атаки русских эффективнее, чем когда-либо раньше. Дважды предпринятая атака будет повторена в третий и четвёртый раз, невзирая на понесенные потери, причем и третья и четвертая атаки будут проведены с прежним упрямством и хладнокровием...» (Г. Юст. «Альфред Йодль солдат без страха и упрёка. Боевой путь начальника ОКВ Германии». — М., 2007).

30 сентября гитлеровцы начали операцию «Тайфун». Тремя танковыми армиями (в вермахте их именовали группами) они пошли в наступление с целью окружить основные силы Красной Армии, прикрывающие Москву, уничтожить их в районе Брянска и Вязьмы, затем стремительно обойти столицу с севера и юга и захватить её. 2 октября в обращении к войскам Гитлер заявил: «За три с половиной месяца созданы, наконец, предпосылки для того, чтобы посредством мощного удара сокрушить противника еще до наступления зимы. Вся подготовка, насколько это было в человеческих силах, закончена... Сегодня начинается последняя решающая битва этого года». А 3 октября в своей речи в берлинском дворце Шпортпаласте перед многотысячной аудиторией он сказал, что «противник сломлен и никогда больше не оправится».

Заодно он похвастал о взятии к этому времени в плен 2,5 миллиона советских солдат и офицеров.

Как готовилась к отражению наступления немцев Москва, как всем миром строили Можайскую линию обороны и сооружали баррикады на улицах города, как героически сражались московские ополченцы, подольские курсанты и панфиловцы, как 7 ноября проходил парад на Красной площади, как 27 ноября немцы форсировали канал Москва-Волга, и расстояние от их позиций до Кремля составило всего 35 км, написано много, повторять не будем.

Важно отметить другое. Когда судьба столицы буквально висела на волоске, наступательный порыв немцев стал ослабевать. Первым это почувствовал командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков, выдержавший основную тяжесть оборонительных сражений в октябре-ноябре: *«Враг выдохся, у него нет больше сил наступать... Противник каждый день нёс под Москвой огромные потери. Он здесь погубил, по существу, самые лучшие, опытные военные кадры. А сколько погибло у него здесь танков, сколько авиации?»* (из интервью К. Симонову, 1966). Жуков и предложил начать контрнаступление, пока противник не успел создать крепкую оборону.

Контрнаступление началось 5 декабря, и его первый этап закончился 7 января 1942 года. Противник был отброшен к западу на 100 — 250 км, угроза Москве была ликвидирована. Контрнаступление имело одну важную особенность. Группа армий «Центр», которой противостояли войска Западного (Г.К. Жуков) и флангов Калининского (И.С. Конев) и Юго-Западного фронтов (С.К. Тимошенко, с 18.12.1941 Ф.Я. Костенко), имела почти вдвое больше солдат, в 2,5 раза больше артиллерии, в 1,5 раза больше танков и намного больше бомбардировочной авиации. Русские генералы вновь показали миру, что они умеют побеждать не числом, а умением.

Затем начался второй этап — общее зимнее наступление Красной Армии, продолжавшееся до начала апреля. Линия фронта отодвинулась ещё на 150 — 400 км, были освобождены Московская и Тульская области, многие районы Калининской и Смоленской областей, враг потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести более 500 тысяч человек, 1,3 тысячи танков, 2,5 тысячи орудий и много другой техники. С того времени слово «блицкриг» стало употребляться только с глаголами прошедшего времени. Командующей 2-й танковой группой (армией) Гудериан писал: *«Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьёзное поражение»* («Воспоминания солдата». — М., 1954).

Провал операции «Тайфун» гитлеровские генералы после войны оправдывали непролазной распутицей, в которой вязла техника и которая препятствовала подвозу боеприпасов и об-

шему снабжению германской армии. Но в ней так же взяла советская техника, и она так же препятствовала снабжению фронтовых частей Красной Армии.

Провал оправдывали сильными морозами, при которых останавливались танки и автомобили, а немецкие солдаты мёрзли из-за отсутствия тёплого обмундирования. Но здесь вина лежит не на морозе, а целиком на немецких стратегах, которые, пребывая в восторге от первых успехов, собрались было закончить войну вообще за 6—8 недель, а просчитавшись, продолжали гнать свою армию, не ведая, что в России бывает зима.

Наконец, провал оправдывали роковым решением Гитлера перенаправить главный удар с Москвы на Киев и Ленинград. Вот здесь следует сказать чуть подробнее. Благодаря упорству советских войск и огромным потерям немцев, уже в конце июля **высшему немецкому командованию стало ясно — блицкриг провалился**, сил проводить наступательные операции одновременно по всем трём стратегическим направлениям (группы армий «Север», «Центр» и «Юг») у вермахта нет.

Дальше мнения разделились. Главком сухопутных войск Браухич и начальник его генштаба Гальдер были уверены, что силы нужно сконцентрировать на московском направлении с последующим рассечением советских войск на северную и южную части и их уничтожением. Гитлер и поддержавшие его начальник штаба Верховного командования Кейтель и начальник оперативного штаба Йодль считали, что главные удары нужно наносить на юге, чтобы захватить хлеб Украины, уголь и металлургию Донбасса и нефть Кавказа, а также на севере с целью уничтожения Ленинграда, и уж потом завершить глубокий охват Центральной России с юга и севера. Победила точка зрения Гитлера. С 30 июля наступление на Москву было приостановлено на два месяца, до начала операции «Тайфун».

Надо сказать, что стратегически позиция Гитлера была более здоровой, ибо он держал в голове не только военно-тактические, но и экономические вопросы. В сентябре был захвачен не только Киев, но и Донбасс, т.е. в руках оккупантов оказался и собранный на Украине урожай, и донецкие угольные шахты, и те заводы, которые не успели эвакуировать или взорвать. Лишь до кавказской нефти дойти не смогли, отложив эту задачу на следующий год.

Московская битва закончилась. Хотя до окончательной победы оставалось ещё более трёх лет, хотя впереди ещё было отступление до Волги и Кавказа, её значение невозможно переоценить.

Во-первых, это была наша первая стратегическая победа. После череды тяжёлых поражений Красная Армия обрела уверенность в своих силах, в способности побеждать сильнейшую в мире армию, а в народе восстановилась пошатнувшаяся вера в свою армию, в своего вождя и в окончательную победу над Германией.

Во-вторых, это было первое стратегическое поражение вермахта за всё время Второй мировой войны, в результате чего был развеян всемирный миф о непобедимости немецкой армии, а вместе с этим был надломлен моральный дух немецких солдат, поколебалась их вера в своё командование. Об этом свидетельствуют письма в Германию, взятые у убитых и попавших в плен солдат и офицеров. (Кстати, тогда же наиболее прозорливые немецкие генералы пришли к неутешительному выводу о том, что войну с Россией Германия не выиграет.)

В-третьих, стратегический просчёт в начале войны допустили не только мы, но и Германия, недооценив силы Красной Армии и моральный духа русского солдата. С одной стороны, у немцев плохо сработала разведка, а с другой, немецкое верховное командование пренебрежительно отнеслось к боеспособности тех частей и соединений, о которых им было известно.

В-четвёртых, в силу Советского Союза и в неизбежность его победы над Германией поверили союзники — США и Великобритания. Рузвельт и Черчилль увидели, что материальная помощь, которую они начали оказывать СССР, — не пустую затраченные средства, и потому поставки оружия, боеприпасов и продовольствия после этой победы активизировались, хотя и в ничтожно малой мере.

В-пятых, после сражения под Москвой Япония и Турция заняли выжидательную позицию. Первая отложила реализацию своих агрессивных планов относительно русского Дальнего Востока, а вторая отложила заключение опасного для нашей страны союза с Гитлером.

Наконец, русский солдат, вступив на свою освобождённую землю, воочию увидел следы изуверства немцев в отношении мирного населения. И то, что он увидел, оказалось страшнее самой страшной антигерманской пропаганды. Вслед за солдатом об этом узнал весь мир.

ЗАБЫТЫЕ ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

(Генерал армии Иван Масленников (16.09.1900 — 16.04.1954))

Он не написал воспоминаний, и о нём почти не осталось воспоминаний, хотя он командовал армиями и фронтами. Есть только один знак его памяти — улица в освобождённом им Краснодаре. Даже Главнокомандующий советскими войсками в войне с Японией Маршал А.М. Василевский в мемуарах не вспомнил о нём, хотя Масленников был его заместителем и получил в этой должности звание Героя Советского Союза.

Но начнём по порядку. Был Иван Иванович Масленников десятым ребёнком в семье путевого обходчика. Трудное детство

наложило отпечаток на его характер — он был упорным, трудолюбивым и... почти никогда не улыбался. Окончил двухклассное железнодорожное училище и железнодорожную телеграфную школу. С 1915 по 1917 год работал телеграфистом на станциях Рязано-Уральской железной дороги. С марта 1918-го служил в РККА начальником команды связи полка и дивизии, затем командиром конной сотни стрелкового полка, затем командиром конной бригады, затем командиром кавалерийского полка. Воевал против армий Деникина и Врангеля. Боевая карьера 17-летнего юноши за два года службы — от телеграфиста до комполка — безусловное свидетельство его сильного характера и военных способностей.

После Гражданской войны он командовал эскадронами, а с 1928 г. служил в погранвойсках, участвовал в подавлении басмачества в Средней Азии, которое долгие годы существовало благодаря английским деньгам и английскому оружию. Части под командованием Масленникова уничтожили банды Утан-Бека (1929), Ибрагим-Бека (1931), Ахмет-Бека и Дурды-Мурата (1933). Принимая непосредственное участие в этих тяжёлых боях (где получил 7 ранений), он проявил не только личную храбрость и умение воодушевить подчинённых, но и незаурядные оперативно-тактические способности. За эти боевые заслуги он получил звание полковника и первую боевую награду — орден Красного Знамени (1936).

С 1936 г., после окончания Академии им. М.В. Фрунзе, руководил боевой подготовкой войск пограничной и внутренней охраны в Закавказской Федерации (ЗСФСР), а после её разделения на 3 республики служил замначальника Управления пограничной и внутренней охраны НКВД Азербайджанской ССР. С 1937 г. командовал погранвойсками Белоруссии, с февраля 1939 г. по июнь 1943 г. был заместителем наркома внутренних дел по пограничной и внутренней охране. Во время Финской войны части, составленные из пограничных и внутренних войск, показали себя с самой лучшей стороны, за что Масленников был награждён орденом Ленина (1940) и получил звание генерал-лейтенанта.

12 июля Иван Иванович возглавил 29 армию Западного (с октября Калининского) фронта, которая участвовала в Смоленском сражении, в оборонительных боях и вместе с 31 армией освобождала Калинин. Его умелые действия (за них он получил второй орден Красного Знамени), обратили на себя внимание Ставки Верховного Главнокомандования, и в декабре 1941 г. он был назначен командующим 39 армией Калининского фронта, перед которой в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции была поставлена очень важная задача — прорвать с запада оборону Ржевского плацдарма противника, соединиться в районе Сычёвки с 20-й армией Западного фронта, наступавшей с востока, и окружить вражеские войска.

Увы, произошло наоборот. Хотя 39-я армия вместе с 11-м кавалерийским корпусом глубоко вклинилась в оборону про-

тивника, но дальше продвинуться не смогла, а шедшая навстречу 20-я армия под командованием А.А. Власова (будущего предателя) вообще не сумела прорвать вражескую оборону. В итоге армия Масленникова оказалась в «мешке», горловину которого у города Белый немцы затащили 6 июля в ходе операции «Зейдлиц». На 30 июня в армии оставалось по одному боекомплекту для артиллерии, на 5 суток продовольствия, отсутствовали мины и колючая проволока для создания оборонительных рубежей. Армия героически сражалась весь июль, оттянув на себя большие силы гитлеровцев (так нужные им на юге), её разрозненные остатки с боями прорвались из окружения, а раненый командарм был вывезен самолётом. Такая же судьба постигла в том году и другие армии — 33-ю, 29-ю, 2-ю ударную.

Сегодня уже трудно сказать, чьей вины в этом поражении было больше — командующего армией или вышестоящего командования. Во всяком случае, в 1967 г. маршал Г.К. Жуков Масленникова виновным не считал: «...Будучи командующим армией, а затем командующим фронтом, Иван Иванович со знанием дела руководил вверенными ему войсками. Даже находясь в труднейших условиях (как это было на Калининском фронте), он умел найти благоприятный выход из создавшегося положения».

Мы тогда ещё только учились воевать по-настоящему. Хронической ошибкой была недооценка сил врага и переоценка собственных сил, которая усугублялась слабо организованной армейской разведкой, недостатком средств радиосвязи, недостаточным вниманием к созданию прочной обороны, нехваткой авиации, боеприпасов и т.д.

Генерала Масленникова в должности не только не понизили, но даже повысили — 8 августа 1942 года его, после излечения, направили командовать только что созданной Северной группой войск Закавказского фронта, составленной из двух армий. Там он осуществил успешную Нальчикско-Орджоникидзевскую оборонительную операцию, отбросив рвавшихся к нефти Грозного и Баку 17-ю пехотную и 1-ю танковую армии противника. Успех был отмечен вторым орденом Ленина, а затем и орденом Суворова 1-й степени.

24 января 1943 г. Северо-Кавказскую и Приморскую группы Закавказского фронта объединили в один фронт — Северо-Кавказский. Под командованием генерал-полковника Масленникова фронт (с участием Черноморского флота) провёл блестящую наступательную операцию, освободив почти всю территорию Северного Кавказа и разгромив 17-ю армию противника, остатки которой закрепились на Таманском полуострове.

В мае 1943 г. Масленникова направили заместителем командующего Волховским фронтом, в августе — заместителем командующего Юго-Западным (3-м Украинским) фронтом, а в декабре — командующим 42-й армией Ленинградского фронта, расположенной у Пулковских высот.

Именно эта армия вместе со 2-й ударной армией И.И. Федюнинского (двойного тёзки Масленникова), наступавшей с Ораниенбаумского плацдарма, 14—15 января 1944 года начала «1-й Сталинский удар» — стратегическое наступление против группы армий «Север» с полным снятием блокады Ленинграда. К 30 января враг понёс огромные потери и был отброшен от города на 80—100 км, а к 1 марта армия подошла к Пскову. За боевые заслуги И.И. Масленников был награждён орденом Кутузова 1-й степени.

В апреле 1944 г. 42-я армия была передана в состав нового, 3-го Прибалтийского, фронта, командовать которым назначили Масленникова. За четыре месяца боёв войска фронта продвинулись на запад на 350 км, освободили Ригу и вместе с войсками 2-го Прибалтийского фронта загнали остатки группы армий «Север» в Курляндию. Командующий фронтом был повышен в звании до генерала армии, награждён вторым орденом Кутузова 1-й степени и третьим орденом Красного Знамени.

В октябре линия советско-германского фронта заметно укоротилась, и 3-й Прибалтийский фронт был расформирован. Где до августа 45-го служил генерал И.И. Масленников, сведений в открытых источниках найти не удалось. Известно только, что в феврале 45-го он был награждён третьим орденом Ленина, в августе воевал с Японией на посту заместителя Главнокомандующего советскими войсками, 8 сентября удостоен звания Героя Советского Союза. В Википедии о нём сказано: «Вместе с маршалом А.М. Василевским принимал непосредственное участие в разработке плана операции по разгрому Японии и внёс ряд ценных предложений в план разгрома Квантунской армии. Во время боевых действий находился на решающих направлениях, оказывая помощь командованию фронтов и армий».

После войны он командовал военными округами, в 1947 г. награждён 4-м орденом Красного Знамени, а в 1948 г. вновь вернулся в МВД — на должность заместителя министра по пограничным и внутренним войскам, где прослужил до конца жизни. А недолгую свою жизнь Иван Иванович Масленников закончил мужественно. Когда после устранения Л.П. Берии занялись окружением всесильного когда-то министра МВД, 16 апреля 1954 года генерала вызвали на допрос к Генеральному прокурору Р.А. Руденко и предъявили обвинение в подготовке, якобы, государственного переворота с помощью Внутренних войск МВД (что знаменитый чекист П.В. Судоплатов в своих воспоминаниях категорически опровергал). Генерал понял, что дальше последует арест и нашёл единственный способ защитить свою честь: вернувшись в свой кабинет, он застрелился. Похоронили его на Ваганьковском кладбище в парадном мундире, но без воинских почестей.

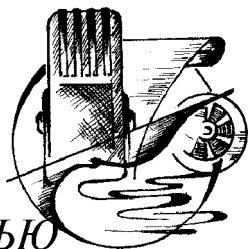
Виктор ЧАЛМАЕВ,
литературный критик, член редколлегии
«Молодой гвардии» в 1966—1972 годы
Ирина УШАКОВА,
поэт, член Союза журналистов и Союза писателей России

РУССКИЙ НАРОД — КРЕДИТОР БУДУЩЕГО

Виктор Андреевич Чалмаев — один из выдающихся литературных критиков, доктор филологических наук. В 1960—1970-е гг. был заместителем главного редактора журнала «Молодая гвардия». В своих статьях «Великие искания», «Неизбежность» (1968) и других впервые в советское время поднял вопрос о самосознании, национальном характере и достоинстве русского народа. В.А. Чалмаев — автор литературоведческих книг о Евгении Носове, Петре Проскурине, Андрее Платонове, Вячеславе Шишкове, в том числе вышедших в серии «ЖЗЛ», автор учебника по литературе для 11 класса и учебных пособий «М.А. Шолохов в жизни и творчестве», «В.М. Шукшин в жизни и творчестве». Наша беседа состоялась по двум величайшим поводам. В мае нынешнего года мы отметили 100-летие журнала «Молодая гвардия» и 90-летие Виктора Чалмаева.

— Виктор Андреевич, о чём Вы хотели бы вспомнить в связи со столетием журнала «Молодая гвардия», с которым связана Ваша творческая биография. А разговор об этом журнале — это разговор о движении русской мысли.

— Для того, чтобы решать какие-то серьёзные задачи, журналу нужно было

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

иметь коллектив авторов и редколлегию. Очень многое удалось сделать Анатолию Никинову, который прошёл войну, потом был редактором журнала «Вокруг света». Так сложилось, что в редколлегию журнала одновременно вошли Пётр Проскурин, Владимир Солоухин, Владимир Чивилихин и, прежде всего, критик Михаил Петрович Лобанов. Позже в журнал пришёл Юрий Селезнев, краснодарский литературный критик. Эта была небольшая, но очень отважная горстка людей, которые излучали свет и привлекали авторов со всех уголков России.

В то время нужно было создать новую фигуру писателя. Не просто писателя, который ориентировался в теме, но, как Владимир Солоухин, знал, к примеру, все Владимирские просёлки, был краеведом и патриотом. Его книга «Письма из русского музея» — это открытие. Ведь взгляд на иконы был тогда как на нечто мрачное. И сам Солоухин прошёл сложный путь, его ломало время, он иронизировал над Павкой Корчагиным, который насыпал злему попу махорки в пасхальное тесто. Владимир Солоухин называл Андрея Рублёва и Дионисия моцартами русской церковной живописи. Когда он видел на выставке небольшую икону, где была табличка, предположим, «Село Кривое», он говорил: «Ведь это же не африканский божок, не глиняная маска, а маленькая жар-птица на каждое село». Помните, как он описывал Суздаль? Маковки церквей, просторы, и всё это сочеталось с небом... Мы все тогда были немножко философами.

Илья Глазунов, а он часто тогда бывал гостем «Молодой гвардии», говорил: «Пейзаж, в котором нет хоть немножко неба, душноват, в нём тесновато». В то время с картин русских художников хлынуло небо, свет.

Поэтому ошибочно представление о славянофилах как о каком-то угрюмом племени, которое никому не подчиняется, никаким законам не следует.

— Журнал «Молодая гвардия» создавался в 1922 г. как партийный информационный орган. Но в послевоенное время он стал совершенно другим.

— Создать сразу какое-то направление и течение мысли было весьма сложно. Ведь перед журналом изначально ставились пропагандистские задачи. Надо было писать о рабочем классе. И мы не отклоняли это требование. У нас появился такой подвижник Володя Чивилихин, родом из Кемеровской области. Я с ним учился в университете, он — на факультете журналистики. И уже тогда он начинал подрабатывать в газете «Гудок», очень хорошо знал тему железных дорог.

Сибирь получила в нём замечательного заступника. Он не просто малую родину воспел, а создал таёжный русский космос. А когда появилась идея поворота северных рек, то Чивилихин стал яростным противником этого поворота. Он этим жил. Я помню, как-то вечером звоню ему, спрашиваю: «Володя, как

с поворотом рек?» Он говорит: «Пока с переменным успехом. Три члена Политбюро за поворот стоят, и только два секретаря обкома — Новосибирский и Омский стоят за сохранение течения. Не хотят понять, что южнее Новосибирска есть Васюганские болота. Сейчас торф горит в Шатуре, его два метра в глубину, и то Москва задыхается. А там девять метров торфа будут выставлены под лучи солнца. Может случится пожар, который будет виден с Марса!» Вот на какие характеры опирался Анатолий Никонов в своей работе.

Одним из авторов «Молодой гвардии» был Василий Макарович Шукшин, человек многоплановый, не однолинейный. И многие его публикации в журнале были тоже со сложными мотивами. Что такое шукшинский чудик? Пашка Колокольников, шофёр, который мотался по сёлам, развозил счастье, как он говорил. В то же время он и сам часто смешной был, сам того счастья не знал. Или рассказ «Обида». Какого-то героя обидели в магазине. Продавщица директрисе говорит: «Ну что с ним говорить, пьяница, вчера поскандалил». Да ему неловко перед девочкой, не был он пьяным. Но не это его возмутило. А то, что очередь поддакивала продавщице. Откуда у нас такое угодничество?.. Или рассказ «Срезал», в котором герой-демагог срезает депутата в какой-то нелепой болтовне.

Очень справедливо о Шукшине написал С. Залыгин, что шукшинский чудизм продвинулся вперёд. Разве вы не видите, сколько у нас сейчас депутатов, которые готовы заболтать любую тему.

Рождались художники нового типа, которые ждали не просто похвалы или мелочного отклика, а вмешательства судьбы. Но Шукшин, Чивилихин, Солоухин были довольно внушительной силой для нашей публицистики.

Я тогда написал статью «Философия патриотизма». Очень высоко я оценивал близкого к журналу человека — поэта Василия Фёдорова, его роман «Проданная Венера» с героиней Наташей Граевой, которая всю молодость и красоту отдала труду в деревне. А тогда художественные сокровища вывозили за границу — за станки, ещё за какие-то производственные дела. И Василий Фёдоров ставил вопрос так:

*Друзья не сразу догадались,
Что говорит она со мной:
— Вы перед вечной оправдались,
Попробуйте перед земной...
Не знаю, так ли я ответил,
Когда в суровой простоте
На комсомольском комитете
Читал доклад о красоте.*

Очень много вопросов было от имени живых, уцелевших, но изношенных людей. «За красоту времён грядущих // Мы запла-

тили красотой». Это о великой жертвенности русского народа, о том, что он ничего не брал, а был великим кредитором будущего. Не должником, а кредитором, заимодавцем. И вся тогдашняя редакция журнала, особенно Михаил Петрович Лобанов, который написал статью «Просвещённое мещанство», — они все кредиторы будущего.

Меня когда-то изумила одна фраза Чингиза Айтматова: «Каждый народ хочет быть не только сытым, но и вечным». А тогда о вечности русского народа даже не поднимали тему. Но сегодня стоит говорить об этом серьёзно, видя, как русский народ убывает и как земля наша пустеет. А какие льготы были окраинным народам! В Эстонии выходили сборники стихов по 25 тысяч тиражом на эстонском языке...

В то время был подписан важный манифест «Берегите святыню нашу». Подписали его в том числе Леонид Леонов, Сергей Конёнков. Мы опирались на этот документ. А сейчас боятся такого манифеста. Хотя полно других лозунгов. Сокуров вот выступил с идеей распустить окраины России.

— *У России от Александра Невского до Сталина была одна задача — собрать страну.*

— Да. Надо изживать это иждивенческое отношение к России! Мы долго повторяли Евтушенко: «И пусть я птица перелётная, // Мечусь по всей России, мучаясь. // Всегда Россия перелёт в меня // Свою спокойную могучесть». Это так надоело, что Чивилихин написал книгу «Любит ли она тебя?» Он обращался к Евтушенко: ты так уверен, что Россия в тебя перелёт свои силы, а ты её спросил, любит ли она тебя?

— *И любишь ли ты её?! Или только пользуешься?*

— Чивилихин посвятил эту книгу тому, как сделать так, чтобы и тебя любила Россия и её природа.

— *Что такое, по-Вашему, Русский мир?*

— Это язык, культура, вера, ландшафт. Но всё это должно развиваться. И надо убирать с телевидения бесконечные пляски-шоу. Особенно провинция страдает от того, что одни пляски людям предоставляют в Домах культуры. Помню, в войну люди тоже хотели отдыхать. У нас в Гусь-Хрустальном был храм, который Нечаев-Мальцев построил. Его превратили в кинотеатр. И вот приходили медсёстры из госпиталей, фронтовики, которые долечивались, девушки. Пластинка была заиграна. И там звучали слова: «А вернёшься домой и станцует с тобой // Гордая любовь твоя. // Парень кудрявый, статный и бравый...» И всё это было по-своему мелодично, просто. А сегодняшние концерты — это просто стихия безумия.

— *Говоря о сбережении русской культуры, уместно вспомнить дискуссию 1977 года «Классика и мы». Уже тогда остро вставала необходимость защищать классику.*

— Я помню на этом выступлении в ЦДЛ речи Станислава Куняева, Петра Палиевского, Олега Михайлова, Анатолия Пе-

редреева... Все думали о спасении русской культуры. Владимир Соколов тогда писал: «И не надо другой тебе славы, // Ты и с этой не столь одинок». А чего нам бояться?

Этот спор возник как раз в то время, когда господствовало подражательство, даже не чужебесие, а расчётливое, наивное, слепое подражательство. Причем надо не забывать, что самито западные писатели во многом завидовали положению русских, советских писателей.

Когда я в Америке встречался с одним писателем, он сказал: «Вот сколько лет я хожу в этот бар, и никто не вывесит памятную доску. А у вас есть пивнушка, где опохмелялся Егор Исаев. Там обязательно будет памятная доска. У вас уважают человека слова, а у нас нет».

— *Как Вас занесло в Америку?*

— В Иностранную комиссию Союза писателей СССР пришло приглашение на проведение конференции «Сверхнормативные возможности человека» о том, как человек будет жить, когда у него не станет электричества и газа. У нас тогда очень популярен был философ Николай Фёдоров с его теорией «Русский космизм». И я помню, как Светлана Семёнова, сотрудник ИМЛИ, выступала в разных аудиториях и читала цитаты из Фёдорова. К примеру, «давно пора перестать человеку быть праздным пассажиром на корабле по имени «Земля» и совершать круги вокруг Солнца. Надо изобрести философию общего дела и спасти планету».

У нас всё есть! В разных областях мы опередили весь мир. Один Вернадский чего стоит. Но сегодня мы видим массовое одичание.

— *Это проблема не только России.*

— Сегодня в мире очень много неблагодарности к России. Сколько она всего подарила миру! Сколько той же Польше прибавила территорий! Наша доброта миром не оценивается.

А с Украиной... Скоро мы останемся с одним Пушкиным и будем перечитывать «Полтаву», где Мазепа говорит:

*Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора.
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
...Внезапно Карл поворотил
И перенёс войну в Украину.*

Сейчас точно так же Байден поворотил, и через Украину направляется вся энергия ненависти на Россию*. Мне легко это говорить, поскольку меня трудно обвинить в какой-то непри-

язни к Украине. Моя супруга Ольга Егоровна была украинка из Харькова.

Мы должны быть благодарны Михаилу Булгакову, насколько он справедливо написал о Петлюре:

*І шумить, і гуде,
Дрібний дощик іде.
— А хто мене, молодую,
Та додому проведе?*

А это петлюровцы вступают в Киев, изгоняют Белую гвардию.

Украина — это недогосударство, не вполне сложившееся, не отработанное, но тем больше у них самомнения и неприязни к русским. Прозевали мы всё. Раньше надо было об этом думать.

— *Виктор Андреевич, что Вы можете сказать о современной школе критики?*

— Мне не раз приносили книжки одного бизнесмена. Он издаёт их на свои деньги. И ведь находятся критики, которые восхваляют их. К сожалению, сейчас интересные книги и потребительские смешиваются. Процесс болезненный и противный. Не успеет Пелевин написать очередной роман, а рецензии на него уже готовы. Он в своём направлении способный человек. Последнее, что я читал из его книг, — «Чапаев и пустота». Герой романа, чтобы быть похожим на «настоящего человека», отпиливает ногу. Сам этот факт снижает отношение к героизму, к героике. Что это за герой, который дал отпилить себе ногу для поступления в училище?.. А кто сегодня запретит это издавать? Но раз издаёт, значит, прав.

— *Отсутствие большого писателя уровня Валентина Распутина или Василия Белова — это очень тревожный знак нашего времени.*

— Да, абсолютная нехватка писателя уровня Юрия Бондарева.

Это тот же процесс, что и вымирание русского народа. Но это процесс организованный и искусственный. Андрей Платонов в своей семье был одиннадцатым ребёнком. Русский народ тогда про запас сохранял детей.

— *Что Вы пожелаете журналу «Молодая гвардия» к его столетнему юбилею?*

— Журнал должен отвоевать своё истинное место. Ведь существует масса изданий, о которых можно сказать словами Чехова. Когда он только вступал в литературу, то заметил, что существует немало журнальчиков — «Стрекоза», «Будильник», и когда, мол, спросишь их редакторов, какое у вас направление, то наиболее честные из них говорят: «Кормимся помаленьку». И сегодня масса таких изданий, которые кормятся вокруг литературы помаленьку. Нам очень нужны лидеры в литературе.

* Беседа записана в конце декабря 2021 года.

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН

Говоря об идеологии современной России, при добросовестном рассуждении придётся оценить точку зрения о том, что у страны есть Православие, а у российских мусульман есть Ислам. И этого может быть достаточно для насыщения общества идеями. Идеология, мол, может войти в противоречие с религиозной жизнью...

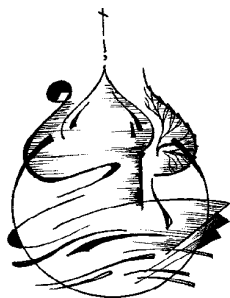
Россию настоящего трудно сравнить с Россией прошлого. Не потому, что она лучше или хуже, а потому, что она, в основном, секулярна.

Не буду говорить подробно о причинах упадка религиозности, так как это общеизвестно и кроется в кризисе общественного сознания. В частности, в отсутствии общедоступной религиозной оценки достижений науки и технологий. Уже стало общим местом, что всплеск атеизма возник из их взрывного развития.

Жизнь атеистов невозможно наполнить идеями религиозного характера. В то же время жизнь верующего человека возможно совместить с разумными идеями политического, культурного или иного социального свойства.

Именно неверующему населению, в первую очередь, необходима идеология.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Ведь не просто так религия, священство и храмы столь беспощадно уничтожались большевиками на первом этапе их власти. Это было силовое расширение социальной базы пролетарской идеологии...

Прошло время, и сегодня в России мы живём в том мире, какой есть. Это мир основанной на православных традициях культуры, совмещённый с мощным влиянием как западной цивилизации, так и возвращённого в народную жизнь Православия.

После самоликвидации компартии идеология в России утратила законную основу. Но споры о ней никогда не покидали русских, так как жизнь под зонтиком идеологии помнят все, кто из эпохи КПСС.

Страна бесплодно спорила все последние тридцать лет. Сейчас тема особенно обострилась, так как спецоперация на Украине поставила вопрос о смыслах, которые Россия может предложить украинскому населению.

Ведь на Украине, как и в России, тоже много атеистов. Но там они, в отличие от нашего населения, тридцать лет подвергались мощной идеологической обработке. Суть идеологии Украины известна: русофобия, политические, территориальные, экономические и прочие претензии к России, возросшие до уровня нацизма. Обработке этой идеологией десятки лет подвергались миллионы людей. Многие из них иной картины мира и не знают.

В этой связи и возник вопрос: какие смыслы Россия предложит Украине после спецоперации? И здесь важно сказать о формах работы. Тон основной формы работы с незалежающей задал В.В. Путин. Во множестве выступлений в СМИ он подробно и честно рассказал историю конфликта России и Украины, акцентируя внимание на заблуждениях украинского населения, иностранной подчинённости украинцев, их политики во вред собственным интересам.

В отличие от мощной идеологической обработки ныне характерной для Запада и Украины, Россия не пытается манипулировать сознанием людей. Население России за тридцать лет реальной идеологической свободы отвыкло от характерного для периода компартии жёсткого давления на сознание. Выросло целое поколение, не подвергавшееся манипуляциям сознанием. Это не говорит о том, что выросшее поколение идеально. Но оно более свободно, чем любое иное в нашей истории, да и во всем мире последних десятилетий...

В то же время на Украине люди из семидесятилетней эпохи коммунистической пропаганды без перерыва вошли в тридцатилетний период крайне жёсткой пропаганды национализма. Им так и не дали обрести свободу политического сознания: дар, усвоенный населением России! Мы этим даром пользуемся, не сказать чтобы умело, но с ощущением перспективы...

Для оценки ситуации важно и то, что украинцы, несмотря на искусственно созданный церковный раскол, в существенной

части остаются православными людьми. Мы не только братья по крови, но и по вере...

Чтобы понять, какую духовную, идейную мотивацию может предложить сегодня Россия своей меньшей сестре Украине, следует оценить общую обстановку в мире, в которой оба славянских народа сейчас находятся.

В первую очередь важно, что Россия и коллективный Запад, по сути, обменялись акцентами сознания! Еще тридцать лет назад мы в СССР проповедали плановое хозяйство, а Запад отстаивал ценности свободного рынка. Сегодня мы демонстрируем свободу рыночных отношений, а Запад глушит эту свободу санкциями и запретами.

В прежние времена мы не могли выехать из страны, в то время как в остальном мире люди свободно передвигались. И вот сейчас мы можем свободно передвигаться. Но западный мир закрывается от нас ужесточением визового режима, персональными запретами въезда.

В СССР была ограниченная свобода слова и выражения мнений. Неосторожное слово могло стоить карьеры. Сейчас мы носители действительной свободы слова. В то время как на Западе присутствует агрессивная цензура, политкорректность и страх.

Семьдесят лет Запад учил нас уважать религиозные ценности. Теперь, когда мы поставили их во главу угла, Запад сбросил христианство как старые одежды. А из капюшона капюцина выглянуло мурло язычества.

Не знаю, по какому поводу состоится предполагаемая встреча Патриарха Московского и всея Руси с Папой Римским, но мне кажется, что это будет не столько встреча, сколько прощание. Уходя, вместе с цивилизацией Запада в язычество, римская католическая церковь на этой встрече, похоже, просто придет окончательно проститься с Христом, начав этот путь еще 16 июня 1054 года...

Продолжая тему обмена акцентами сознания, следует вспомнить, что мы когда-то накладывали ограничения на искусство по признаку несоответствия идеологическим установкам. Сейчас у нас искусство свободно. В то же время Запад ограничивает искусство по признаку национальности автора или в связи с гражданской позицией.

Независимость судей в США оказалась мифом на фоне их явной ангажированности, что отчетливо проявилось в ходе последней президентской компании.

Представления о ценности человеческой жизни Запад прививал нам, ожесточённым страшной Гражданской войной, последствия которой мы всё ещё переживаем спустя столетие после ее окончания. И эта величайшая ценность нами усвоена. Но сегодня в самих США ценность человеческой жизни измеряется способностью оплатить медицинскую помощь...

СССР некогда экспортировал марксизм, теорию диктатуры пролетариата и революционные движения. Но Россия давно

отказалась от вмешательства во внутренние дела других стран. В то время как Запад поставил экспорт революций на конвейер.

И самое главное. Отказавшись от христианства, Запад принял ценности, несовместимые с нравственностью, традиционной семьей и деторождением. Автоматически он вынужден отказываться от культуры, основанной на христианских ценностях, традициях и смыслах продолжения рода. Гомер, Шекспир, Данте, Вальтер Скотт и Бальзак — всё, что было значительного до содомии начала XXI века — так или иначе в полной или не в полной мере неизбежно становится чуждым для общества Запада.

Таким образом, Запад перешёл красную линию, за которой он становится носителем расстройств сознания, неприемлемого и опасного для тех, кто остался в традиции.

Для помешанного на прибыли буржуазного мира Россия уже давно стала последним резервуаром духовности, упорно сохраняя не только свою душу, но и ставшие частью русского сознания культуру, здоровые традиции и христианские ценности Западной цивилизации. Ведь Россия граничила и взаимодействовала с Западом в течение тысячелетия.

Антагонистичная Западу из-за нравственной несовместимости, Россия, тем не менее, одна способна наследовать нравственные и культурные ценности, оставшиеся в истории деградирующей, но всё ещё сильной европейской цивилизации.

Таков мировой расклад, на фоне которого возник, не без влияния извне, военный конфликт двух славянских народов.

Россия сегодня вынуждена спасать от Запада не только себя, но всю мировую культуру, выросшую из христианства, сохранять само христианство как неизменное Православие. И Православную Украину тоже.

А незалежная, по обыкновению, находится в поиске наиболее удобного варианта присоединения к силе. Привычно ищет банальной выгоды. Это типичное поведение народа, многие столетия выживавшего на территории взаимоисключающих притязаний крупных государств.

До подарка государственности, полученного в 1991 г. от СССР, Украина сама по себе государством никогда не была, а лишь выживала сателлитом других государств.

Народ Украины, несомненно, обладает как корневыми, так и заимствованными достоинствами. И, аналогично, заимствованными недостатками. В частности, польской, до дури, гордостью. И возможно оттуда же заимствованной неспособностью к конструктивизму в планировании. То есть говорить о духовности и нравственности в среде элиты там, возможно, что и не с кем.

Но, несомненно, то, что это часть русской православной цивилизации. Мы братья по крови. Хотя это и братство без любви...

Думаю, что изначально антирусский выбор Украины был предопределён слабостью России в момент распада СССР. Украинцы, по своему характеру, не могли примкнуть к ослабевше-

му в тот период русскому народу. Помогать слабым типично не для них, а для русских. Украинцы же по своему обыкновению, примкнули к сильному на тот момент Западу. Но там они нужны лишь в виде расходного материала. Ну и как владельцы территории, которой за счет России их щедро наделил СССР.

Продолжая споры о смыслах, способных заинтересовать Украину, важно учитывать, что ведущим смыслом здесь может быть лишь банальная выгода. Из этого и следует исходить. Ведь и расцвет русофобии на Украине был предопределен соображениями выгоды! Изначально представляя Россию как умирающую в 90-е годы страну, власти Украины разжигали в своём народе немотивированную ненависть жертвы, требующей возмездия. А это идеальный мотив для ожидаемого грандиозного грабежа слабеющей, по их представлению, России. Но в прогнозе масштабного грабежа вышла ошибка...

Говоря о смыслах как для Украины, так и для самой России, также не следует впадать в идеологический догматизм старой партийной школы, требующий конкретных целей и чётких пятилетних планов.

Мир пребывает в состоянии турбулентности. В том же состоянии пребывает и Россия. Состояние мира столь неустойчиво, что требовать от капитана российского корабля чётко проложенного курса между континентами с графиком движения от порта к порту просто неразумно. Поскольку никто и ничто не может гарантировать ни сохранности портов, ни даже самих континентов. Достаточно идеи сохранения корабля и сплоченности экипажа, идей успешных реконструкций и ремонтов и ещё идеи благополучия всей команды.

А Украину можно заинтересовать, лишь предложив ей что-то бесплатно. Как ни смешно, но это, скорее всего, будет газ...

Однако решение проблемы кровнородственного военного конфликта таится не в самой Украине, а в Карфагене, беспощадно и подло использовавшим неразумие украинцев для войны с Россией. Карфаген жестко манипулирует Украиной в своих интересах. И напрямую причастен к гибели славян в происходящем конфликте. Карфагену нет прощения!

Это и есть вполне себе имперская идеология. В том, чтобы создавать условия для свободного творческого развития многополярного мира, сохранять для человечества достижения его культуры, духовные традиции и нравственные ценности. И, сохраняя все это, наказывать зло, подавляя его источники.

Напрасны мечты о новой Ялте! Невозможно договариваться с империей Лжи! Запад просто не может сдержать никакого данного им слова. Потому что с утратой традиционных нравственных ценностей он уже не способен не лгать.

Это — страшная реальность. И потому «Карфаген должен быть разрушен!»

О ПОЛНОЙ ЛИКВИДАЦИИ УКРОНАЦИЗМА

Теперь, когда операция по демилитаризации и денацификации Украины однозначно показывает и доказывает необходимость её проведения, следует особо остановиться на значимости выработки и утверждения в общественном сознании и публичном пространстве, международном в том числе, критериев и принципов обустройства постукраинской территории. Обустройства, в данном случае, не столько в плане административно-государственного устройства, сколько установления принципов, норм, правил и установок социальной жизни. И в этом плане проблема денацификации является наиболее важной и значимой. Пока, кроме совершенно точной и высокопотребной формулировки этой цели президентом В. Путиным, ничего развёрнутого и внятного от государственных институтов Российской Федерации, отвечающих за организацию социальных коммуникаций, мы найти не можем.

Стоит напомнить, что денацификация проводилась в германском и австрийском обществах, начиная с 9 мая 1945 года, и предполагала комплекс мероприятий, направленных на очищение общества в целом, его культуры, прессы, экономики, образования, юриспруденции и политики от влияния нацистской идеологии.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Использование этого определения В. Путиным является абсолютно точным, т.к. связи укронацистов с идеологией германского нацизма более чем очевидны.

К тому же ситуация на Украине отягощена ещё и тем, что идея украинства сама по себе несёт этническую агрессию, ибо направлена, прежде всего, против русской культуры и русских как цивилизационной нации (объединяющей в себе все этнические группы, развивающиеся и существующие в пространстве исторической России). И вот эта этническая агрессия украинства, превращающаяся в банальное психическое расстройство (которое я называю свидомизмом головного мозга), помешанная на нацистской идеологии, становится угрозой и для окружающих, и для самого общества, которое пока привычно именуют украинским. Украинство без смиренной рубашки и врача-психиатра быстро превращается в буйное помешательство, становясь укронацизмом.

Украинство — это болезнь, и неважно в какой степени человек ей подвержен. При определённых кризисных условиях начинается обострение этой болезни и тогда она охватывает тех, кто в обычных условиях не проявлял её симптомов.

И нельзя говорить только об украинских националистах и национальных батальонах. Это эвфемизм. Надо говорить о борьбе с укронацизмом, что является точным отражением и выражением всей серьёзности борьбы. Причём нацистским является сам украинский политический режим, в том числе вооружённые силы укросвидомитского государства, а не только батальоны «Азов», «Айдар», «Торнадо» и т.д. Сам политический режим и его формальное олицетворение — президент (которого почему-то не желает свергать МИД РФ, о чём заявила 17 марта его представительница М. Захарова). Именно такой подход соответствует самой сути операции по денацификации Украины. Замечу, денацификации, а не денационализации. Хотя кризисная обстановка порождает и обратные явления — выздоровление от украинской болезни и возвращение себе русского имени. Сотни тысяч, а то и миллионы людей Донбасса, Новороссии, Малороссии, Карпаторуссии есть и будут тому подтверждением. В этом, кстати, залог успешного преодоления болезни украинства.

Если мы признаём, что русские и украинцы (в современной редакции их обозначения), а на самом деле — великорусы и малоросы или югорусы с русинами — один народ, то и тему денацификации следует определять не как сохранение украинской государственности, т.е. сохранение русофобского и антироссийского украинского проекта, а как воссоединение территорий одного народа, пусть и в формате союзного государства, образуемого из нынешних Российской Федерации, Белоруссии, ДНР, ЛНР, Новороссии, Югоруссии и Карпаторуссии. Но, основным и главным здесь должно быть именно воссоединение земель по сходству с воссоединением Руси в 1654 году.

Смысл состоит в том, что Украина и украинство в любых формах неизбежно будут приводить к тому состоянию нацификации, которое мы сегодня наблюдаем и против которого — агрессивного, русофобского и антироссийского — сейчас проводится специальная операция по демилитаризации и денацификации.

Операция на Украине — это не проблема взаимоотношений и конфликта между двумя государствами, как это выглядит формально и поверхностно. И как это, к величайшему сожалению, подаётся, в том числе официальными органами Российской Федерации. А потом уже транслируется даже, казалось бы, дружественными государствами — Китаем, Казахстаном, да чего там — и Белоруссией. На самом деле речь должна идти, по сути, о внутреннем конфликте в рамках одного социокультурного и даже цивилизационного пространства. Поэтому если его с чем-то сравнивать, то с бунтом Стеньки Разина и его подавлением Российской державой. Или сравнивать с освобождением Пскова в 1241 году Александром Невским от Ливонского ордена и его приспешников из числа псковских бояр. Именно в таком контексте мы начинаем продвижение к обозначению и внедрению собственного культурно-цивилизационного проекта будущего устройства исторической России.

Ещё одна пагубная ассоциация, которая встречается во вражеской среде, главным образом, масс-медийной: Украина, якобы, поступала в отношении ЛДНР так же, как и Российская Федерация в отношении Чечни. Однако, Донбасс с Чечнёй нельзя вообще сравнивать. У Чечни был статус автономии с самыми широкими правами внутреннего административного управления, в т.ч. в сфере культурно-языковой и религиозной политики. Донбассу укротвидомиты не давали никаких культурно-административных прав, не говоря уже об автономии, тем самым и спровоцировали события весны 2014 года. Как и собирались тогда ликвидировать Крымскую автономию. А Севастополь до марта 2014 года вообще держали в жёсткой административной узде. (Замечу, не было войн с чеченцами. Были военные операции против банд Ичкерии. И банды эти были подавлены совместно с чеченцами. Многие из которых защищают сейчас Россию на Украине.)

Мы получаем необходимый опыт для потенциальной схватки с евроатлантистами и для подавления цивилизационной агрессии, которую готовят США. Жёсткий, жестокий, болезненный, жертвенный опыт.

Все войны против нас велись и ведутся не просто с целью поражения государства, а с целью уничтожения русских как народа и России как цивилизации. Вот и эту войну надо выигрывать.

ЗА НОВЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Невозможно без боли и сострадания смотреть телевизионные репортажи о тяжелейшем, драматическом ходе спецоперации на Украине. Сотни тысяч попавших под обстрелы беженцев из Мариуполя, из других городов и сёл Донецкой и Луганской республик вывезены в Россию, где их ожидал заранее приготовленный приют и тёплый приём, а украинцы, счёт которым идёт уже на миллионы, пытаются спастись в Польше, Германии, Италии, Франции. Иные едут на полуразбитых машинах, иные бредут пешком по дорогам, волоча тележку со скудным скарбом. В Европе их никто не ждёт. На наших глазах развернулась масштабная трагедия украинского народа, не пожелавшего восемь лет сострадать трагедии жителям Донбасса. Разрушенные снарядами дома, разбитая техника, заминированные дороги и поля, мины, плавающие на одесском побережье Чёрного моря — всё это попущение Господне по человеческим грехам. Проамериканская власть на Украине умышленно и целенаправленно готовила своих сограждан только на силовое разрешение конфликта, только на военное взятие Донбасса и Крыма. И вот наступила страшная расплата и массовый исход украинцев на обманувший их Запад.

Трагедия русского и украинского народов началась сразу после распада Советского Союза и контрреволюции 1990-х годов, когда вся полнота власти оказалась в руках наших внутренних врагов. Власть, без всякого сопротивления обманутого народа, захватили самые алчные, подлые, преступные и лживые особи, ориентированные на полную сдачу некогда великой страны объединённому Западу во главе с США. За тридцать с небольшим лет их правления Россия претерпела гораздо больший ущерб, нежели за годы Великой Отечественной войны.

Приведу в качестве примера историю моего гибнущего родного посёлка Юго-Камска и разграбленного завода, основанного в 1746 году братьями-баронами Строгановыми. Завод пережил много тяжёлых испытаний: захват его отрядами Пугачёва, послереволюционную разруху, Гражданскую и Великую Отечественную войны, но после каждого испытания он отстраивался заново, а расцвет его пришёлся на 60—70-е годы XX века.

При заводе имелись ПТУ и вечерний техникум, профилакторий, свой сельскохозяйственный комплекс, а его продукция — задвижки для фонтанной аппаратуры на нефтепромыслах — пользовалась спросом в нескольких странах мира. Завод давал работу более трём тысячам югокамцев и содержал в порядке всю инфраструктуру посёлка.

Но в 90-е годы началось его преднамеренное банкротство и ускоренное разграбление так называемыми «конкурсными управляющими». «Потрудились» тут и безработные мужички, сборщики металлолома. Ныне разрушенное предприятие выглядит как после вражеской бомбёжки: ни окон, ни дверей, ни потолков в бывших цехах, где в годы советского социализма кипела слаженная работа. Подобная участь постигла многие старинные уральские заводы, тысячи фабрик и отраслей по всей России.

Наш народ давно ждёт официального признания всех преступлений 90-х годов с поимённым перечислением их фигурантов, без этого немисливо возрождение страны. Люди устали от лукавых басен и сказок о «демократии», навязанных нам идеологическими недругами. В настоящее время нам насущно необходима меритократия — принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка. А пока что в правительстве сидят министры, не только не понимающие, что такое мобилизационная экономика, но что такое экономика вообще. Один из них — Максим Решетников, министр экономического развития, карьерист и бывший губернатор Пермского края, не оправдавший надежды земляков.

Как тут не вспомнить крылатый сталинский лозунг: «Кадры решают всё!»? Во времена сталинского социализма был реально осуществлён принцип меритократии, в полную мощь работали социальные лифты, а талантливые выходцы из бывших рабочих и крестьян успешно возглавляли предприятия и отрасли. И отнюдь не из страха наказания, а из желания раскрыть свой творческий потенциал, в кратчайшие сроки принести максимальную пользу Родине. Благодаря правильно подобранным кадрам, в годы военного лихолетья было достигнуто единство фронта и тыла, а после Великой Отечественной войны страна рекордными темпами возрождалась из руин. В настоящее время без кардинальной смены всего руководящего состава нам не достичь желанной победы и достойной жизни для наших граждан.

Каковы корни и истоки нынешней нелёгкой спецоперации на Украине? Народы наших стран попали в ловушку, расставленную нам объединённым Западом. И выйти из неё надо как можно скорее: для Запада и русские, и украинцы — лишь расходный материал, подлежащий утилизации, а наши земли — их колонии. К трагедии необходимо подойти с классовых по-

зиций, и тогда всё встанет на свои места. У класса олигархов и «нищобродов», как презрительно называет высокопоставленное ворьё свой ограбленный народ, диаметрально противоположные цели, ценности и смыслы жизни. «Мирное существование» с внутренними врагами невозможно. Нашим народам надлежит сообща провозгласить спасительный курс на деолигархизацию России и Украины, на обновлённый социализм.

Каковы дальнейшие перспективы спецоперации? Бывший министр обороны ДНР Игорь Стрелков обозначил её бескомпромиссно: «Если Российская Федерация проигрывает эту войну, то «платить и каяться» придется далеко не только перед т.н. «украиной». Там целая толпа в очередь за репарациями набегит. И все — с «обоснованными» историческими и национальными претензиями».

Одновременно надлежит победить и прочно окопавшихся внутренних врагов, нашу «пятую колонну»: отменить пенсионную «реформу» и «оптимизацию» здравоохранения, возвратиться к русско-советской системе образования и науки, а, главное, в кратчайший срок произвести кадровую революцию на основе меритократии. А экономику поставить на рельсы военного социализма. Только тогда победа будет за нами.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2022 год
(Март)

Великая Отечественная война через 77 лет после Победы 1945 года вновь разгорелась на нашей земле. Фашистская Европа, вскормленная и вооруженная Америкой, вновь оккупировала Украину и установила в ней нацистскую власть. В.В. Путин был вынужден ввести на Украину российскую армию. Это произошло за 24 часа до вторжения ВСУ в донбасские республики. Были нанесены ракетные удары по военным украинским аэродромам и системам ПВО. Российские десантники взяли под охрану Чернобыльскую и Запорожскую атомные станции.

В отдельных районах Украины мы встретили ожесточенное сопротивление, в первую очередь, вооруженных до зубов нацистских батальонов. Нам пришлось заново с боями освобождать донбасские и украинские города ценой собственных потерь. Вот чем обернулось для нас восьмилетнее переговорное топтание вокруг т.н. «минских соглашений», которые на деле оказались лишь способом прикрытия оккупации Украины натовской военной машиной, а точнее говоря, фашистской Европой и Америкой. Нынешняя война за Украину оказалась для нас не менее жестокой, чем это было в 1943—1944 годах.

Истерика Запада предстала перед нами беспрецедентно разнузданной и

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

распоясанной до отвращения. Запад окончательно сбросил все свои маски фальшивого «приличия» и до ужаса фальшивой «демократии». Каждый день он обрушивал на Россию новые и новые санкции дойдя в этом до раскрытия всей своей подлой природы, всей своей ненависти ко всему русскому и российскому — до запрета русского искусства, русской литературы... выставки российских кошек и упоминания русской природы... То есть исконный фашизм Европы и США обнажился до такого неприличия, что уже не вызывал ничего, кроме хохота. Мы хорошо знали, что такое европейская подлость, европейский цинизм, европейская склочность, европейская мстительность и европейское моральное ничтожество, трусливое, ехидное и эгоистичное. Но теперь Европа и США, соединившись в едином раже (за исключением одной Сербии) показали нам такую мерзкую рожу и такое злобно-агрессивное нутро (при этом опять же — мелко-трусливое), что по-другому воспринимать их уже будет просто невозможно, хотя, увы, и придется налаживать с ними в будущем какие-то внешне «нормальные» отношения. *Империя лжи* отныне останется таковой навсегда, другой никогда не станет, даже если и понадобится лидерам России встречаться с ее главными фигурантами и обмениваться с ними рукопожатиями. Но кто вводит против нас «санкции из ада»? Те, кто бомбил Югославию, Ирак, Ливию, Сирию, Афганистан.

Когда-то, лет тридцать назад, я написал, и потом еще не раз повторил, что Украина сто раз предавала Россию и еще сто раз предаст. И я знал, что воевать с ней рано или поздно придется. Хотя никто из моих друзей и знакомых с этим не соглашался. Но я хорошо помню, как еще при президенте Ющенко его министр обороны на вопрос, возможна ли война между Россией и Украиной отвечал: возможна. И на другой вопрос: будет ли украинская армия воевать с российской, также отвечал утвердительно. В кремлевских же верхах и в нашем министерстве обороны в то время подобные предположения, во всяком случае на словах, казались невысказанными и невозможными. Даже Путин уже при власти в Киеве Порошенко на одной из своих пресс-конференций сказал: «Я не могу себе представить, чтобы русские начали воевать с украинцами...» И вот теперь мы это видим своими глазами.

АнтиРоссия в виде Украины давным-давно была создана — задолго до всех ее майданов. Давно было ясно: Украина — это враг. Недобитые бандеровцы выкормили и воспитали несколько поколений «идейных», а вернее говоря, закомплексованных на отмщении местечковых «украинских» (этнически не только украинских) нацистов на фоне того, что всё русское на Украине в течение многих лет давилось, принижалось, отстранялось и дискредитировалось. В то время, как российские власти долгие годы на это никак вообще не реагировали. В конце концов эти бандеровские выкормыши усилием Европы и США были приведены к власти в Киеве. Причем их верхушкой были, как правило, завер-

бованные ЦРУ лица одной крови — Порошенко, Зеленский, Турчинов, Яценюк, Тягнибок, Тимошенко, Арахамия...

Я уверен, что более решительно действовать надо было именно тогда, в 2014-м. Никакой войны с Украиной тогда — не случилось бы. И весь Донбасс был нашим, в том числе и Мариуполь, ставший через восемь лет форпостом нацистских батальонов. И какой кровью пришлось платить за его освобождение!

Восемь лет мы переговаривались с фашистскими «партнерами». А они готовили план нашего уничтожения. Дай Бог, чтобы в Кремле наконец избавились от «партнерства» с ними! Европа вновь должна стать стороной, потерпевшей поражение. И судить ее будет Победитель — под своим гимном и своим флагом.

Вся московская либеральная тусовка завывала от нашей войны с нацистами. Значит, они ей зачем-то нужны... Значит, знает о своей нутряной связи с ними... Либералы... Но война решает многие вопросы и проблемы. Вот и вопрос с либерально-нацистским «Эхом Москвы» оказался быстро решён. А то ведь сколько лет власти не обращали внимания на эту подлую, вражескую, питаемую Газпромом венецианскую контору!..

Фашистско-нацистская Европа и нацистско-фашистская Украина еще упираются, не хотят сдаваться и смиряться с нашим наступлением. Террор против русских — для них естественное состояние, когда они, как крысы, загнаны в угол. Главное для нас теперь — идти вперед, не останавливаться, чтобы они дрожали от страха. И если вести переговоры с ними — то только о капитуляции. Недобитый в 1945 году нацистский враг должен быть добит. И диктовать свои условия Европе должны мы — Россия и русские.

* * *

Видимо, президент Путин, начиная военную спецоперацию, не предвидел и не ожидал такого зверства украинских нацистов. Похоже, и кремлевские эксперты не предполагали, что эти нелюди готовы с лёгкостью уничтожать собственный народ ради того, чтобы обвинить в этом российскую армию. Но в Кремле даже после этого ратовали за какие-то переговоры с нацистской властью... Словно за восемь лет не напереговаривались с этими ублюдками и ничтожными лжецами. Как будто за восемь лет не поняли, что любые переговоры с ними — это всегда только затягивание времени, пустая демагогия и обман. Однако 7 марта в символической Беловежской Пуще опять собрались переговорщики...

* * *

Украинская армия, отступая, взрывает за собой все мосты, как это делали германские нацисты. Они, эти укрофашистские нелюди, знают, что им здесь больше не жить.

* * *

Отныне Украина получит урок навсегда.

* * *

Антироссийские санкции порвали в клочья экономику без-
мозглой, охамевшей и халявной Европы.

* * *

Военная спецоперация на Украине победила российский
ковид. Больше о нём ни на ТВ, ни на радио никто не заикается.
Собянин с 15 марта отменил в Москве масочный режим и все
ограничительные меры вплоть до куар-кодов. А ведь пандемий-
ные запреты и жесткие требования осенью прошлого года были
введены до 1 июня... Действительно, война решает все вопросы.
Даже эпидемия молча исчезла сама собой...

* * *

Это до чего же нужно было доиграться в «братский народ»,
чтобы вновь танками и штурмовой авиацией освобождать укра-
инские города и сёла, однажды уже освобожденные от германс-
ких нацистов! Кто в этом виноват? Разве не кремлёвские небожи-
тели все последние 30 лет заигрывали с нацистской Украиной?
Кого Кремль посылал туда послами? Отъявленных «демократов»
Черномырдина и Зурабова, потакавших каждому капризу «нэза-
лэжной». Вот и доигрались, вот и допрыгались вместе с ними.
Теперь приходится посылать туда танки. Может, пришла пора
кое-кому в этом покаяться?.. Тем, кто проспал украинский фа-
шизм. Или тем, кто умышленно закрывал на него глаза... Да,
Горбачев развалил страну. Но тем, кто был после него, покаяться
тоже не мешало бы...

Разве не ясно было еще с прошлой войны, что Украина легко
поддается на любой соблазн против России?

А на чьём бензине, на чьём керосине и на чьей солярке те-
перь воюют с нами взэсушники и нэзалэжные нацисты? Кто
активно снабжал ими бандеровскую Украину все эти тридцать
лет? Уж не Россия ли?.. Думается мне, что российские фирмы
до сих пор ими ее снабжают. Не говоря уже о миллиардах дол-
ларов за транзит газа — при всех санкциях против нас.

Вопрос «кто в этом виноват?» висит в воздухе. И ответ на него
известен абсолютно всем.

* * *

Пустые телеболтуны — скабеевский Попов, К. Шахназаров
и даже вроде бы такой «крутой» Багдасаров трусовато завереща-
ли о мире. Мол, надо с Украиной мириться... Вот такие мало-
душные «миротворцы» во все времена своими паникёрскими
вересаниями стреляли армии в спину.

* * *

Китай отказал российским авиакомпаниям в поставках зап-
частей для самолётов. Вот такая у нас с ним дружба...

Уже несколько раз за последние дни я начинал изложение своих соображений (и письменно, и устно) со слов «Наконец-то...» Вот и теперь опять говорю: «Наконец-то!» Наконец-то наш МИД хлопнул дверью в Совете Европы. Наша страна наконец-то из него вышла. Действительно, война решает все вопросы. Теперь мы имеем полное право отменить мораторий на смертную казнь.

Но и это не всё. Наконец-то от нас сбежал американский «Макдональдс».

Пришла пора всё называть своими именами: украинские нацистские нелюди, украинский фашизм, страна-террорист... Киев рукоплескал и прыгал от радости, когда ракета «Точка-У» ударила по центру Донецка, убив 21 человека и ранив 36 человек.

Слово «украинец», как это ни прискорбно, становится символом зверской русофобии и вражды с Россией. При том, что — немало украинцев, понимающих причину происходящего и морально находящихся на нашей стороне.

После нашей победы предстоит долгое перевоспитание «украинцев», долгое и трудное. «Украинский язык» со временем сам собой угаснет и останется лишь как разговорная речь деревень и хуторов и в качестве фольклора. Никакой собственной армии у этой страны быть не должно. А приморские территории бывшей «Украины» должны отойти к России. Со временем и само название «Украина» должно быть заменено на Новороссию и Галицию.

В.В. Путин на совещании с силовиками 16 марта, наверное, впервые произнес эту фразу: «пятая колонна», которая, по его словам, действует внутри страны. Он не назвал никого конкретно. Возможно, пока не назвал. Но эта пятая колонна, как многие увидели, находится прямо перед ним, на том самом телевидении, на главном государственном Первом канале, возглавляемом г-ном Эрнстом. Буквально за день до встречи Путина с силовиками, во время программы «Время» работник Первого канала М.Овсянникова встала перед телекамерой с развернутым плакатом, осуждающим военную спецоперацию на Украине (и оператор камеру не отвёл и не отключил...). Это видела вся страна, и это вызвало неописуемый восторг в Киеве. Но что самое поразительное — пятоколонник Эрнст ее голословно пожурил, обещал оштрафовать, но с работы не уволил. И всё наше телевидение вообще никак публично на этот предательский жест не отреагировало. Промолчали все каналы российского ТВ в отличие от западных информационных рупоров. М.Овсянникова теперь там героиня медиапространства подобно тому, как это было с Пусси райт. Путинский пресс-секретарь В.Песков в тот же день промямлил по этому поводу что-то невнятное и больше к этой

теме не возвращался. И получается, что пятая колонна — это практически всё путинское медийное окружение!

Понятно, что М.Овсянникова (девичья фамилия Ткачук) самостоятельна на этот шаг вряд ли решилась бы и что она, по всей видимости, выполняла чье-то задание. Кто-то данный шаг подготовил, и вывел ее на камеру во время чтения диктором новостей. То есть весь Первый канал — это и есть та самая пятая колонна, о которой говорил В. Путин.

* * *

17 марта конгрессмены США и депутаты германского Бундестага стоя аплодировали фашистской речи Зеленского из своего бункера. И плевать им на то, что еврей Зеленский сейчас олицетворяет открытый и оголтелый нацизм. Главное, чтобы он был русофобом и чтобы он призывал убивать русских.

Германия аплодирует украинским нацистам. Это значит, что никакой денацификации Германии не произошло, она лишь пустила пыль в глаза, убеждая нас в том, что будто бы отреклась от фашизма. Ни от чего она не отреклась, а только лишь накапливала в себе реваншистские мечтания. Нам еще предстоит в будущем провести реальную денацификацию и дефашизацию Германии.

Укрофашисты взяли заложником весь свой народ, загнали его в подвалы и убивают недовольных. Укрофашисты бьют из артиллерии по украинским городам и сёлам, превращая их в руины, чтобы они вообще никому не достались. В этом и есть вся сущность укронацизма. И сколько бы Мединский и Лавров нам ни морочили голову какими-то «компромиссами» на переговорах с Киевом, любые переговоры с этими бешеными шакалами не дадут ничего и не сделают их людьми.

Сознание укронацистов изменило их генетику. Они действительно перестали быть русскими, хотя большинство из них и говорит на русском языке. Русофобы русскими быть не могут. Причём на уровне крови. Сознание изменяет генетику.

* * *

Уже сбежали из страны намозолившие глаза телевизорные крысы Первого канала: И.Ургант, К.Собчак, М.Галкин. А вслед за ними сбежали и НТВ-шные крысы: Л.Гильдеева, А.Пивоваров, В.Глускер... Побежали к своим деньгам. Покинули Россию обласканные и одаренные властью Ч.Хаматова и А.Нетребко. На очереди еще несколько известных физиономий.

* * *

Как пояснил В.Мединский после очередного раунда переговоров с укронацистской нелюдью, «тема нейтрального статуса Украины является одним из ключевых пунктов переговоров делегаций Москвы и Киева». Оказывается, нацистская сволочь может быть нейтральной... Ведь переговоры-то ведутся именно с ней, а не с кем-то еще...

Мы являемся свидетелями какой-то странной двойной игры. С одной стороны — военная спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины, о которой неуклонно говорит В. Путин и которую, по его же словам и по словам генералов, надо довести до конца. С другой — Мединский, Песков и М.Захарова, то и дело нервнующие нас рассказами о ведущихся переговорах с нацистской сволочью по выработке некоего «договора из 15 пунктов», который должны будут подписать Зеленский и Путин. И, по их словам, после подписания этого договора российские войска будут выведены с территории Украины... А денацификацией в этом случае, как нужно понимать, Украина займется сама... Что нам готовят эти «переговорные» деятели? Новый Хасавюрт или «Минск-3»?..

Вот эта двойная игра всех нас приводит в недоумение. Ясно, что пятая колонна нац-предателей находится не только на российском телевидении, но и в ближайшем окружении президента, и она свою работу выполняет последовательно, упорно и чётко. И сил у нее достаточно, чтобы добиться своих целей. Яркий пример: во время выступления президента на стадионе в Лужниках 18 марта, посвященном Дню воссоединения с Крымом, трансляция его выступления была прервана, и на экране появилась физиономия безголосого и давно всем надоевшего Газманова со своим двадцатилетней давности эстрадным шлягером («Господа офицеры»). Всезнающий Песков, как обычно, объяснил это «сбоем сервера»... Организаторы этого праздника свое дело знали туго: как у них и положено, среди выступавших артистов и шоуменов не было ни одного русского.

Вот и бывший министр, а затем глава «Сколково» А.Дворкович закономерно вылез с публичным осуждением нашей военной спецоперации. По требованию Госдумы этого явного пятоколонника из «Сколково» выперли. Но кто тут же кинулся его защищать? Штатный теле-«патриот» и т.н. «русский милитарист» В.Соловьев...

Ну и, конечно же, пиком саморазоблачения пятой колонны в эти дни стало «Открытое письмо против войны» специфических российских ученых, академиков РАН. Эти нац-предатели, как их назвал Путин, очень испугались за свои эгоистичные интересы, связанные с Западом, ну и, конечно же, поспешили оправдаться перед своими зарубежными кураторами и выдали свой текст прямо под их диктовку: *«Ответственность за развязывание новой войны в Европе целиком лежит на России. Для этой войны нет никаких разумных оправданий. Попытки использовать ситуацию в Донбассе как повод для развёртывания военной операции не вызывают никакого доверия. Совершенно очевидно, что Украина не представляет угрозы для безопасности нашей страны».* И т.д. в таком же духе.

Да, война ярче всего открывает лица нац-предателей. Эстрадные и телевизионные пятоколонники вместе со специфическими «академиками» обнажились весьма красноречиво. И

будут дальше саморазоблачаться. (Смею думать, что среди этих «академиков» тоже нет ни одного русского.)

* * *

Сущность идеологического, внедряемого силой украинства — это и есть сущность украинского нацизма, дикого, злобно-тупого и озверело-мстительного, а не какие-то сентиментальные песенки, стишата на мове и вышиванки. Избиение привязанных к столбам людей на улицах Киева, издевательство над пленными — это и есть сущность дикого украинского нацизма, как и удары по жилым кварталам из гаубиц и «градов». Война действительно сбрасывает все маски, обнажая истинные лица и морды. Одни загоняют людей в подвалы, морят их голодом, жаждой и холодом, уничтожая их дома и квартиры, другие — выводят людей из подвалов, кормят, спасают и обогревают. В этом и состоит противостояние озверелого укронацизма и освободительной русскости.

Всё это говорит о том, что укронацистам плевать на свою нацию и свой народ, который для них — вообще *не свой*. А еще вернее — говорит о том, что нет никакой украинской нации в реальном смысле этого понятия, чьи интересы они якобы выражают. И, естественно, ни к какой т.н. «украинской нации» они отношения не имеют.

Поэтому пришло уже время сказать о том, что неправильно называть их нацистами и тем более националистами. Нет для них в виде ценности какой-либо нации. Фашистами их можно было бы называть, если бы в их отморозенных и безграмотных мозгах было хоть малейшее представление о фашизме как политическом течении. Они — элементарные вооруженные бандиты, отморозенные беспредельщики, садисты, разрисованные тупой уголовной татуировкой и заучившие несколько таких же тупых, примитивных кричалок. Это люди, в своей тупой озверелости перешедшие грань нелюдей и ставшие ими по аналогии с бешеными собаками. Должен сразу уточнить, что речь я веду не о солдатах ВСУ, среди которых такие субъекты тоже возможны, но о тех, кто сознательно вступил в т.н. «нацбатальоны» с тем, чтобы убивать всех — и русских, и украинцев, и кого угодно: детей, женщин, молодых и старых.

Несостоявшееся, не способное к нормальному развитию государство под названием «Украина» тем не менее вынырнула в себе нечто новенькое в европейском, как хохлы говорят, «политикуме» — укромфашизм. С итальяно-германским фашизмом Россия разобралась 77 лет назад. Теперь приходится разбираться еще с одним.

* * *

Российские центральные телеканалы множество раз показали, как наши высокоточные ракеты поражают крупные

украинские склады ГСМ. Но никто из комментаторов этих телеканалов не задал вопроса: а кто в течение многих лет поставлял эти ГСМ на Украину? И когда вопросы эти задавала на своих страницах русская патриотическая пресса, в том числе и журнал «Молодая гвардия», то они оставались без ответа и без какой-либо реакции со стороны поставщиков в нэзалэжную этих самых ГСМ. Или, может быть, их поставляли туда только лишь для того, чтобы с помощью высокоточных ракет уничтожить?.. Не слишком ли это дорогая игра?

* * *

Русская пресса множество раз задавала вопрос: для чего ЦБ РФ держит свои активы в США? Ведь ясно же было с давних пор, что пиндосская власть не соблюдает никаких правил и никаких договоров при обострении отношений с кем-либо. Но российское правительство и руководство Центрального банка упорно переводили наши валютные накопления в американские и европейские банки. То есть наши доходы и наши налоговые сборы долгие годы работали на зарубежную экономику, а точнее говоря, на финансовое содержание наших **откровенных** врагов. (Откуда была такая доверчивость?!) Один только Фонд национального благосостояния РФ (ФНБ), размещенный в американских банках составил 300 млрд. дол. Всего же в зарубежных банках находилось 640 млрд. наших валютных активов. И все они оказались теперь для нас «замороженными», то есть украденными, отнятыми, присвоенными бывшими, впрочем, для кого-то и нынешними «нашими партнёрами». Но сколько раз и сколько лет мы об этом предупреждали! Что, разве трудно было это предвидеть, когда планировалась военная спецоперация на Украине? О чём думали в это время в Центральном банке и в Министерстве финансов? Почему ничего не предприняли? Пальцем не пошевелили, чтобы избежать этих громадных валютных потерь! И, самое удивительное, — никто не понёс за это никакой ответственности! И Набиуллина, и Силуанов остались на своих должностях. Теперь они на голубом (а вернее — на чёрном) глазу перед камерой со спокойными лицами объясняют нам, как собираются выходить из создавшейся ситуации. То есть они профукали, просвистели наше национальное благосостояние и, улыбаясь, делают вид, что ничего страшного не случилось... А телеподпевали вроде Д. Куликова, В. Соловьева, Д. Киселёва и т.д. с демагогической лёгкостью пытаются нам внушить: мол, ну и что, ну и ладно, ничего страшного, переживём и это...

* * *

Война решает все вопросы. Чубайс отовсюду уволился и сбежал из страны. Хотя у многих возникли вопросы: как и по чьему указанию его выпустили?..

После месяца спецоперации, по официальным данным, погибло 1350 наших бойцов (без учёта ЧВК и военнослужащих ДНР и ЛНР). А ведь это потери нашей боевой элиты. И Мариуполь всё еще не очищен от озверевших неонацистов. За месяц они так и не выбиты из Донбасса и продолжают обстрелы из всех видов оружия Донецка и Луганска.

Как я неоднократно писал в «Протуберанцах», если бы в 2014 году Кремль признал донбасский референдум, Мариуполь и весь Донбасс были бы нашими без серьезных боестолкновений, как это произошло в Крыму. У «незалежной» в то время отсутствовала боеспособная армия, и мы, если бы потребовалось, могли дойти до Киева без ощутимого сопротивления. И народ нас встречал бы с цветами. Но у руководства тогда не хватило духу. Теперь вот расплачиваемся огромным числом жизней и разрушенными городами, которые нам же придется восстанавливать.

Вполне возможно, пиндосы Путину тогда что-то пообещали... Отчего и были срочно написаны «минские соглашения». Но потом, как всегда, — кинули. Вот и пришлось теперь вести настоящую кровавую войну.

Но, как известно, пути Господни неисповедимы... Легкая победа, как можно предположить, не принесла бы нам нужных плодов...

29 марта на переговорах в Стамбуле с представителями террористов и нелюдей глава российской делегации Мединский объявил о *деэскалации* вокруг Киева и Чернигова, объяснив это тем, что, мол, в Киеве находятся люди, которым предстоит принимать решения... То есть в Кремле вновь начали игру «в жесты доброй воли», которая позволит Киеву укрепить свои боевые позиции. Двойная игра продолжается. Зачем-то и кому-то очень нужно, чтобы в столице «незалежной» еще долго оставались в живых главарь террористов и нелюдей.

После более месяца войны с Украиной уже ко многим приходит осознание: сначала российской армии нужно было полностью освободить Донбасс, а потом уже идти на Киев. И не оставлять в тылу огромную, вооруженную до зубов группировку войск ВСУ, ежедневно и еженощно бьющую из тяжелых орудий и ракет «Точка-У» по городам Донецкой и Луганской народных республик. К сожалению, и в Министерстве обороны РФ это осознание пришло лишь после месяца военной спецоперации. Деэскалация вокруг Киева и Чернигова как раз и объясняется переброской наших войск от Киева к Донбассу.